

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF ROGER
ZELAZNY**

Volume eighteen

**A FARCE TO BE
RECKONED WITH**

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

**МИРЫ
РОДЖЕРА
ЖЕЛЯЗНЫ**

Том восемнадцатый

**ТЕАТР
ОДНОГО ДЕМОНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

*Издание осуществлено
совместно с ООО «ТП»*

*Издание подготовлено
АО «Титул»*

**Миры Роджера Желязны том 18 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 286 с.**

Романом «Театр одного демона» завершается юмористическая трилогия о злоключениях демона Аззи, пытающегося обеспечить победу Зла над Добром в их вечной борьбе.

Произведение, опубликованное в данном издании, охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

**A Farce to Be Reckoned With
Copyright © 1995 by The Amber
Corporation and Robert Sheckley**

© Издательство «Полярис»,
оформление, составление,
название серии, 1995

© Е. Доброхотова-Майкова,
перевод, 1996

ISBN 5-88132-154-5

**ТЕАТР
ОДНОГО ДЕМОНА**

Нэнси Эплгейт, в благодарность за
кровь, пот и слезы.

Роджер Желязны

Моей жене Гейл с любовью.

Роберт Шекли

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Илит радовалась. Денек, чтоб спуститься с Небес на маленькое уютное кладбище под Йорком в Англии, — лучше не придумаешь. Конец мая. Солнышко сияет. На замшелых ветвях прыгает и распевает всевозможная птичья мелочь. А самое главное, двенадцать подопечных ангелочков ведут себя, как ангелы и даже лучше.

Малыши дружно резвились; Илит совсем было разомлела, когда в каких-то десяти футах впереди за клубился желтый сернистый дым. Дым рассеялся — перед ней стоял невысокий, рыжий, узколицый демон в черном плаще.

— Аззи! — воскликнула Илит. — Каким ветром тебя занесло?

— Устал от адских забот, решил немного развеяться, посетить святые места.

— Перековаться не надумал? — спросила Илит.

— Я же не ты, — отвечал Аззи, намекая на то, что Илит прежде была ведьмой. — Малыши твои — прелесть! — Он махнул в сторону ангелочков.

— Как видишь, они ужасно хорошие, — заметила Илит.

— На то они и ангелы, — отозвался Аззи.

Ангелочки меж тем разбежались по кладбищу и перессорились. От их пронзительных елейных голосков звенело в ушах.

— Глянь, что я нашел! Могила святого Ательстана Медоточивого!

— Да? А у меня тут надгробие святой Анны Радетельной, она главнее!

Ангелочки были все на одно лицо: носики вздернутые, локоны белокурые, шелковистые, вьющиеся на концах (в том столетии снова вошла в моду прическа «паж», и ангелочков стригли под одну гребенку). У всех пухленькие крылышки, еще в младенческом пушке, разумеется, надежно скрытые под нежно-розовыми дорожными плащами. Ангелы, когда посещают Землю, обязательно прячут крылья.

Не то чтобы в 1324 году кого-то удивили бы ангелы — тогда отлично знали, что ангелы регулярно шастают на Землю, равно как и бесы, черти и прочие бесплотные духи, благополучно пережившие смену главных божеств. Встречались и другие потусторонние существа, но им как-то не случилось получить название. В отношении божеств Возрождение было на редкость эклектичной эпохой.

— Что ты тут делаешь, Илит?

Темноволосая красавица экс-ведьма объяснила, что сопровождает группу подрастающих ангелочков в летней экскурсии по знаменитым святым местам Англии. Турне входит в курс их религиозного образования. Илит, возможно, из-за своего прошлого (она исправно служила Злу и переметнулась на другую сторону из-за любви к молодому ангелу Бабриэлю) горячо ратовала за религиозное просвещение юношества. Молодые должны знать больше — чтобы, когда люди задают вопросы, Небесам не затрудняться с ответами.

Экскурсия начиналась со знаменитого своими захоронениями Поля Мучеников на севере Англии; ангелочки деловито изучали надписи на камнях.

— А здесь похоронена Цецилия Святая Простота, — восклицал один. — Я только третьего дня виделся с Цецилией на Небесах. Она просила меня помолиться на ее могилке.

Аззи сказал Илит:

— По-моему, детишкам хорошо. Может, позволишь угостить тебя завтраком?

У Илит и Аззи был некогда роман, в те времена, когда они вместе служили Злу. Илит и сейчас помнила, как сходила с ума по грациозному острорылому демону. Конечно, все это в прошлом.

Она пошла, куда указывал Аззи, и порядком удивилась, когда сверкнула молния и все мгновенно стало иным. Они стояли на морском берегу, рядом шелестели пальмы, жирное красное солнце клонилось к закату. У кромки прибоя ожидали стол, уставленный всякими вкусностями, а также широкое, застланное шелками ложе с бесчисленными подушками всех размеров, форм и расцветок. Рядом хор сатиров распевал чувственные песенки.

— Просто приляг, — говорил Аззи, увлекая Илит к постели. — Я поднесу тебе винограду и ледяного шербета, и мы познаем восторги, какие делили в давно — увы, слишком давно прошедшие времена.

— Эй, полегче! — воскликнула Илит, уворачиваясь от его объятий. — Я, как-никак, ангел. Забыл, что ли?

— Не забыл, — отозвался Аззи. — Просто подумал, вдруг ты захочешь развеяться.

— Есть правила, которым мы обязаны следовать.

— А твое приключение с доктором Фаустом — как оно вписывается в эти правила?

— Это была ошибка, результат эмоционального перенапряжения. А после я покаялась. Так что у меня все отлично. Как прежде.

— А с Бабриэлем кто разругался?

— Мы по-прежнему видимся. А ты откуда знаешь?

— В тавернах преисподней адские новости хорошо идут в обмен на райские.

— Неужели кому-то интересно сплетничать о моих любовных делах?

— Ну, не скажи. Когда-то ты была знаменитость номер один. Помнишь, тогда я еще не был тебе противен.

— Зануда ты, Аззи, — сказала Илит. — Хочешь меня соблазнить, так говори, какая я красивая и желанная. А то — знаменитая...

— Кстати, ты отлично выглядишь, — вставил Аззи.

— А ты, как всегда, исключительно умен, — отвечала она. Взглянула на море. — Обман зрения очень милый, я, право, тронута. Но мне действительно пора к детям.

Она шагнула из иллюзорного пространства обратно на кладбище — и вовремя, а то ангелочек Эрмита уже вцепилась в ухо ангелочку Димитрию. Вскоре рядом возник Аззи — похоже, отказ не слишком его огорчил.

— И вообще... по-моему, ты домогаешься совсем не меня. Что с тобой, Аззи? — спросила Илит. — И что ты тут все-таки делаешь?

— Я остался не у дел, — с горьким смехом отвечал Аззи. — Без работы. Вот, решил податься сюда, посмотрю, что делать дальше.

— Сюда? В Англию?

— В Средневековье. Это одна из моих любимых эпох.

— Ты — да не у дел? Я думала, силы Зла тебя ценят, особенно после недавней истории с Фаустом. Ты блестяще себя показал.

— Ах! Не напоминай мне о Фаусте!

— А что?

— Я исправил то, что напорол Мефистофель, — и, думаешь, меня наградили по заслугам? Как бы не так! Адские судьи живут себе, будто получили власть на веки вечные, и того не понимают, дурачье, что вот-вот выйдут из моды и навсегда исчезнут из человеческого сознания.

— Силы Тьмы на грани исчезновения? А что будет с Добром?

— Оно тоже исчезнет.

— Это невозможно, — сказала Илит. — Человечество не может жить без твердых представлений о Добре и Зле.

— Ты уверена? Жило же. Греки запросто обходились без этих понятий, и римляне тоже.

— Сомневаюсь, — отвечала Илит. — И даже если так, человечество никогда не вернется к этому колоритному, но исчерпавшему себя морально языческому образу жизни.

— А почему бы нет? Добро и Зло — не хлеб и не вода. Человечество прекрасно без них обойдется.

— И к этому ты стремишься, Аззи? — укорила Илит. — Чтобы в мире не стало Добра и Зла?

— Конечно, нет! Зло — моя работа, мое истинное призвание. Я в него верю. Я хочу придумать нечто убедительное в защиту того, что называют Злом, встряхнуть человечество, увлечь, вернуть к милой старой драме Света и Тьмы, достижений и потерь.

— Думаешь, у тебя получится? — спросила она.

— Конечно. Не хочу хвастаться, но своего я добиваться умею.

— Не знаю, как с остальным, — сказала Илит, — а с самомнением у тебя все в порядке.

— Если б я только убедил Ананке принять мою точку зрения! — Аззи имел в виду олицетворенную Необходимость, которая, следуя своим неисповедимым путям, правит людьми и богами. — Но старая глупая корова талдычит о нелицеприятности.

— Что-нибудь придумаешь, — утешила Илит. — А теперь мне и вправду пора.

— И как ты не устаешь от этой оравы? — спросил Аззи.

— Когда хочешь стать хорошим, поддела — приучиться любить то, что должно любить.

— А другие поддела?

— Отвечать «нет» на льстивые речи бывших дружков. Особенно — демонов! До свиданья, Аззи, удачи тебе.

Глава 2

Переодетый купцом, Аззи вступил в близлежащий город Йорк. Толпы стекались к центру города, и он позволил людскому потоку увлечь себя в узкие извилистые улочки. Народ был настроен празднично, но Аззи не понимал, из-за чего веселье.

Посреди центральной площади были воздвигнуты деревянные подмости, и на них шло действие. Аззи решил посмотреть. Театральные представления для широкой публики появились в Европе совсем недавно и сразу завоевали бешеную популярность.

Пьеска была из самых незатейливых. Актеры выходили на деревянный помост и притворялись, будто они — не они, а кто-то совсем другой. Зрелище, если смотришь впервые, весьма захватывающее. Аззи перевидал на своем веку множество представлений, начиная с примитивных козлиных игрищ Древней Эллады, и считал себя знатоком. Как-никак, он бывал на премьерах великого Софокла. Однако представление в Йорке отличалось и от козлиных игрищ, и от античной драмы. Оно было весьма жизненным, актеры на сцене разговаривали, как муж и жена.

— Ну, Ной, что скажешь новенького? — спрашивала жена Ноя.

— Женщина, я только что получил божественное откровение.

— Чего ж тут нового? — скривилась миссис Ной. — Ты, Ной, только и делаешь, что шляешься по пустыне и получаешь божественные откровения. Верно, дети?

— Конечно, мама, — сказал Иафет.

— Истинная правда, — поддакнул Хам.

— Куда уж вернее, — добавил Сим.

— Господь говорил со мной, — упорно стоял на своем Ной. — Он велел мне взять ковчег, который я только что построил, и погрузить на него всех, потому что Он собирается наслать дождь и все потопить.

— Откуда ты знаешь? — спросила миссис Ной.

— Я слышал голос Бога.

— Вечно ты со своими голосами! — в сердцах воскликнула миссис Ной. — И не думай, что я полезу в твой дурацкий ковчег, да еще с детишками, только из-за того, что тебе мерещатся какие-то голоса.

— Знаю, там будет тесновато, — сказал Ной, — особенно после того, как погрузим животных. Но не волнуйся. Господь нас не оставит.

— Животных? — спросила миссис Ной. — Ты ничего о них не говорил.

— Я как раз к этому подхожу. Господь повелел мне спасти животных от потопа, который Он нашлет.

— Каких животных? Кошку? Собаку?

— Не только их.

— Каких же?

— Ну, всяких, — сказал Ной.

— И много?

— По двое каждого вида.

— Каждого? Всех-всех?

— В этом и суть.

— То есть и крыс?

— Да, пару.

— И носорогов?

— Конечно, придется потесниться. Да, и носорогов.

— И слонов?

— Как-нибудь погрузим.

— И моржей?

— Да, конечно, моржей тоже! Господь выразился ясно. Всякой твари по паре.

Взгляд миссис Ной красноречиво говорил: ну вот, бедный старый Ной снова напился и городит всякую чушь.

Зрителям нравилось. Их в импровизированном театре собралось около сотни, они сидели на скамьях и при каждой реплике миссис Ной разражались смехом и одобрительно топали ногами. Это были по преимуществу бедные ремесленники и крестьяне, первые зрители легендарного миракля «Ной».

Аззи сидел в ложе, устроенной на отдельном помосте справа и чуть выше сцены, где помещались зажиточные горожане. Отсюда он видел, как актеры переодеваются в Ноевых невесток. Здесь можно было привольно развалиться, оставаясь над потной немой толпой, ради которой ставились подобные банально-нравоучительные пьески.

Действие продолжалось. Ной погрузился на ковчег, пошел дождь. Парнишка, стоя на лестнице, с помощью лейки изображал дождь, который льет сорок дней и сорок ночей.

Аззи обернулся к хорошо одетому господину в ложе и заметил:

— Делай, как велит Бог, и все у тебя будет хорошо!.. Какой плоский вывод, и как мало он

согласуется с повседневной практикой, где все произвольно и следствие не вытекает из причины.

— Умно замечено, — ответил господин. — Однако подумайте, сударь, эти пьесы сочиняются не для того, чтобы отражать жизнь. Они просто показывают, что человек может с достоинством выйти из любого положения.

— Вы правы, сэр, — сказал Аззи. — Но ведь это чистейшей воды пропаганда. Разве вам не хотелось бы посмотреть пьесу, где было бы чуть больше изобретательности, чем в этих небылицах, нанизывающих проповеди одну за другой, словно сосиски у мясника? Пьесу, чей сюжет не исчерпывался бы самодовольным детерминизмом расхожей морали?

— Думаю, занятно было бы, — кивнул господин, — но подобные пьесы сочиняет духовенство, от которого не приходится ждать особых философских глубин. Может быть, сэр, продолжим наш разговор после спектакля, за кружкой эля?

— С удовольствием, — согласился Аззи. — Меня зовут Аззи Эльбуб, моя профессия — джентльмен.

— А я — Питер Уэстфолл, — сказал незнакомец. — Я торгую зерном, моя лавочка — возле церкви святого Григория. Но я вижу, представление возобновилось.

Пьеса была все такой же нудной. Когда она кончилась, Аззи вместе с Уэстфоллом и несколькими его друзьями отправился в таверну «Пегая корова» на Холбек-лейн возле Хай-стрит. Хозяин принес гостям по кружке пенного эля, и Аззи заказал говядины с картошкой на всех.

Уэстфолл получил кое-какое образование в монастыре в Бургундии. Это был крупный полнокровный мужчина средних лет, почти лысый, склонный к подагре; свою речь он сопровождал цветис-

тыми жестами. Глядя, как он отказался от мяса, Аззи заподозрил в нем вегетарианца, и значит, почти наверняка — приверженца ереси катаров*. Аззи было все равно, но он на всякий случай намотал на ус — может, пригодится в будущем. За едой он обсуждал с Уэстфоллом и его друзьями пьесу.

Когда Аззи посетовал на недостаток в ней оригинальности, Уэстфолл сказал:

— Да она и не должна быть оригинальной. Ее цель — донести до зрителя поучительную мысль.

— И это, по-вашему, поучительная мысль? — воскликнул Аззи. — Терпи, и все уладится?.. Вы отлично знаете, что скрипучее колесо смазывают первым. Если не жаловаться, ничего не изменится. В истории Ноя Бог выглядит тираном. Ной должен был возразить! Кто сказал, что Бог всегда прав? Разве человеку не дозволено иметь своего мнения? Будь я сочинителем, я бы выдумал что-нибудь поинтереснее!

Уэстфолл подумал, что Аззи богохульствует, и собрался прочесть ему отповедь. Однако он заметил, что юноша держится отчужденно и властно, а все знают, что члены капитула частенько переодеваются обычными джентльменами, чтобы вызывать простаков на разговор. Он решил не мучиться сомнениями, а сослался на поздний час и предложил разойтись.

Когда Уэстфолл и остальные удалились, Аззи еще на какое-то время задержался в таверне. Он не знал, что делать дальше. Подумал было последовать за Илит и возобновить свои домогательства,

* Катары — еретическая секта XI—XIV веков в Западной Европе. Придерживались дуалистического учения о наличии двух начал — доброго (Бога) и злого (дьявола), отрицали основные христианские догматы.

потом рассудил, что это не самое разумное. Наконец решил отправиться на континент, как и намеревался с самого начала. Он рассматривал возможность поставить собственную пьесу. В противовес всем этим моралите с их пресной нравственностью. Безнравственную пьесу!

Глава 3

Идея безнравственной пьесы овладела воображением Аззи. Совершить великие дела, как в прошлом, сперва в случае Прекрасного принца, потом в истории Иоганна Фауста. Вновь потрясти мир, равно горний и дольний!

Пьеса! Безнравственная пьеса! Такая, что породит новую легенду о человеческом предназначении и склонит чашу весов на сторону Тьмы!

Он понимал, что задача не из легких, — впереди тяжелый, кропотливый труд. Зато знал, кто поможет ему создать такую пьесу: Пьетро Аретино, человек, которому предстоит стать знаменитым поэтом и драматургом европейского Возрождения. Если удастся уговорить Аретино...

Окончательное решение пришло после полуночи. Да, он это сделает! Аззи вышел из Йорка в чистое поле. Ночь была дивная, с раз и навсегда определенных сфер глядели мириады звезд. Все добрые богобоязненные люди давным-давно спали. Убедившись, что никого — ни добрых, ни злых — поблизости нет, Аззи сбросил атласный плащ с двумя рядами пуговиц и распахнул малиновый жилет. Он был прекрасно сложен: сверхъестественные существа могут за вполне умеренную цену волшебным образом поддерживать себя в форме (для этого достаточно обратиться в адскую

фирму под названием «В здоровом теле зловредный дух»). Раздевшись, Аззи развязал льняной кушак, которым приматывал к телу перепончатые крылья, чтобы спрятать их, пока пребывает между людьми. Как славно снова расправить крылья! Аззи льняным кушаком привязал на спину одежду, предварительно убедившись, что мелочь упрятана глубоко — раньше ему случалось терять в полете небрежно убранные деньги. Короткий стремительный разбег, и вот он уже летит в полуночном небе.

Аззи парил во времени, наслаждаясь его терпким запахом. Вскоре он уже летел над Ла-Маншем, держа курс на юго-восток. Свежий попутный бриз в рекордное время домчал его к берегам Франции.

Утро застало Аззи над Швейцарией. Впереди высились Альпы, и он прибавил высоты. Вот и знакомый перевал Сен-Бернар; вскоре потянулась северная Италия. Даже на этой высоте воздух стал значительно теплее.

Италия! Аззи блаженствовал. Италия была его любимой страной, а Возрождение, в которое он только что перенесся, — любимой эпохой. Он считал себя в некотором смысле ренессансным демоном. И сейчас летел над виноградниками и возделанными полями, над пологими холмами и сверкающими реками.

Аззи повернул на восток и, подставив крылья восходящему потоку, несясь в воздухе, пока море и суша не слились в сплошное серо-зеленое болото, которое постепенно перешло в Адриатику. Здесь начались предместья Венеции.

Последние желтые лучи заходящего солнца отражались в каналах и озаряли величественный древний город. В ранних сумерках Аззи едва различал гондолы. Они сновали по Большому каналу, на корме у них раскачивались шесты, и с каждого свисало по фонарю.

Глава 4

В Йорке старая служанка Мэг прибирала таверну, когда Питер Уэстфолл заглянул выпить утреннюю порцию эля.

— Мастер Питер, — обратилась Мэг, — вы ничего вчера вечером не теряли? Вот, нашла под столом, где вы сидели.

Она протянула мешочек, сшитый то ли из лосины, то ли из тонкой замши. В мешочке что-то лежало.

— Ах да, — сказал Уэстфолл. Порылся в кошельке, нашел фартинг. — Вот тебе на кружку пива за хлопоты.

Уэстфолл вернулся в свой дом на Роттен-лейн и поднялся на верхний этаж. Здесь у него была просторная мансарда, свет из наклонных окон падал на три массивных дубовых стола. На столах Уэстфолл держал различную алхимическую утварь. В те времена занятия алхимией и магией были доступны многим.

Уэстфолл придвинул стул и сел. Развязал серебряный шнурок, которым был перехвачен мешочек, двумя пальцами осторожно вытащил гладкий желтый камень. На камне был вырезан знак, в котором угадывалась еврейская буква алеф.

Уэстфолл понял, что держит в руках талисман или амулет — могущественное орудие. Таким должен владеть всякий уважающий себя маг. С его помощью можно вызывать духов, одного или нескольких, в зависимости от заключенной в талисмане силы. Уэстфоллу всегда хотелось обладать талисманом, потому что без этого с магией у него как-то не клеилось. Он подозревал, что мешочек обронил тот самый странный юноша, с которым они беседовали после вчерашнего представления о Ное.

Уэстфолл задумался. Это не его талисман. Владелец наверняка вернется за редкой и ценной вещью. Если так, Уэстфолл немедленно ее вернет.

Он начал убирать талисман обратно в мешочек, потом передумал. Не будет вреда, если немного поиграть с камнем до возвращения владельца. Тут нет ничего предосудительного.

Уэстфолл был один в комнате. Он повертел талисман в руках.

— Ладно, примемся за дело, — произнес он вслух. — Не знаю, какое нужно заклятье, но если ты — настоящий колдовской талисман, то подчинишься и так. Вызови духа, чтобы мне служил, и поживее.

Талисман на глазах закачался и вздохнул. Черный значок поменял цвет: стал сперва золотым, потом багровым. Камень задрожал мелкой дрожью, как будто в нем сидел маленький, но могущественный демон. Раздался пронзительный гул.

Свет в комнате померк, словно талисман забирал силу у солнца. С пола поднялся столб дыма, закружил против часовой стрелки. Откуда-то — по всей видимости, из воздуха — донесся низкий звук, похожий на рев исполинского быка. Комната наполнилась зеленым дымом, Уэстфолл закашлялся.

Когда дым рассеялся, изумленным взорам алхимика предстала молодая, вызывающе красивая женщина с блестящими черными волосами. На ней была длинная плиссированная юбка, алая кофта с вышитыми золотом драконами, туфельки на шпильках и много со вкусом подобранных драгоценностей. В данную минуту женщина тряслась от ярости.

— Что все это значит? — осведомилась Илит — а это была именно она. Талисман вызвал ее, возможно, потому, что запечатлел последние мысли Аззи, а тот, прежде чем обронить мешочек, думал об Илит.

— Я тебя вызвал, — сказал Уэстфолл. — Ты — дух и должна мне служить. Верно? — добавил он с надеждой в голосе.

— Ничего подобного, — отрезала Илит. — Я ангел или ведьма, но не простой дух, и не подчиняюсь твоему талисману. Мой тебе совет: смени настройку и попробуй снова.

— Ой, простите, — пробормотал Уэстфолл, но Илит уже исчезла. Уэстфолл приказал талисману: — На этот раз будь внимательней. Вызови духа, который тебя послушается. Ну же!

Талисман пристыженно вздрогнул, издал мелодичный звук, потом другой. Свет в комнате снова померк, затем вспыхнул в полную силу. Заклубился дым, из дыма выступил человек в причудливом темном шелковом наряде и остроконечной шляпе. С плеч его свисал темно-синий плащ, расшитый золотыми колдовскими знаками. Мужчина был усат, при бороде и выглядел очень недовольным.

— Что такое? — спросил он. — Я же велел не беспокоить меня, пока не закончу новую серию опытов. Как можно заниматься наукой, если тебя все время дергают?! Кто ты и что тебе нужно?

— Я — Питер Уэстфолл, — сказал Уэстфолл. — Я вызвал тебя силой этого талисмана. — Уэстфолл показал камень.

Бородач удивился.

— Ты меня вызвал? Как это? Дай-ка глянуть. — Он нагнулся над талисманом. — Настоящий египетский. Чем-то он мне знаком. Если не ошибаюсь, это один из талисманов первой партии, ими еще царь Соломон во время оно покорил значительное количество духов. Я полагал, что все они давно на пенсии. Откуда ты его взял?

— Неважно, — осмелел Уэстфолл. — Он у меня, и это главное. Ты должен мне подчиняться.

— Кто, я? Ну, это мы еще посмотрим! — Бородач внезапно увеличился вдвое и угрожающе пошел на Уэстфолла. Тот быстро схватил талисман и стиснул в руке; Гермес вскрикнул и отступил.

— Полегче! — сказал он. — Не надо на меня давить.

— Амулет дает мне власть над тобой.

— Похоже, что так, — последовал ответ. — Однако это смешно! Я — бывший греческий бог, а ныне верховный маг, меня зовут Гермес Трисмегистус.

— Ну так ты влип, Гермес, — объявил Уэстфолл.

— Похоже на то, — нехотя отвечал Гермес. — Кто ты? Ясное дело, не волшебник. — Он оглядел помещение. — И не король, потому что это явно не дворец. Простой обыватель, а?

— Я торгую зерном, — сказал Уэстфолл.

— А как ты раздобыл амулет?

— Не твое дело.

— Конечно, у бабушки в чулане нашел!

— Да где бы ни нашел! — Уэстфолл судорожно стиснул камень.

— Полегче!

Гермес глубоко вздохнул и произнес короткое успокоительное заклинание. Гнев, сколь угодно праведный, был сейчас явно неуместен. Древний амулет действительно дал этому глупому смертному нема-

люю власть. Где он его раздобыл? Украл, небось, ведь сразу видно, ни бельмеса не смыслит в магии.

— Мастер Уэстфолл, — начал Гермес. — Признаю твою власть надо мной. Я и впрямь вынужден тебе повиноваться. Скажи мне, чего ты хочешь, и не будем зря терять время.

— Так-то лучше, — сказал Уэстфолл. — Прежде всего подавай мне кошель с полновесными золотыми монетами, и чтоб они имели хождение повсюду, где мне захочется. Сгодятся английские, французские, испанские, но только не итальянские — они там в Италии вечно обкусывают края. Еще мне нужна настоящая английская овчарка, породистая, как у самого короля. Это для начала, потом у меня будут и другие требования.

— Не торопись, — попросил Гермес. — Сколько желаний я, по-твоему, должен исполнить?

— Сколько скажу! — вскричал Уэстфолл. — Потому что у меня амулет!

Он потряс камешком, Гермес скривился от боли.

— Не перегибай палку! Я все доставлю! Дай мне день-два сроку! — И с этими словами Гермес исчез.

Он без труда раздобыл все, что требовал Уэстфолл. Мешки с золотом хранились у него в пещере под Рейном, под присмотром гномов, которые после *Gotterdammerung** маялись не у дел. Английскую овчарку Гермес тоже нашел без труда — похитил из собачьего питомника под Спотсвудом. И сразу вернулся к Уэстфоллу в Йорк.

* Сумерки богов (нем.).

Глава 5

— Хороший пес. Ну, иди, ляг в угол, — сказал Уэстфолл.

Молодая английская овчарка взглянула на него и гавкнула.

— Не очень-то он воспитан, — заметил Уэстфолл.

— Про воспитание ты не упоминал, — с обидой произнес Гермес. — А родословная у него длиной с твою руку.

— Симпатияга, — согласился Уэстфолл, — и золотые монеты меня вполне устраивают.

Деньги лежали у него в ногах, упакованные в прочный кожаный мешочек.

— Рад, что ты доволен, — вздохнул Гермес. — Теперь, если ты просто скажешь амулету, что отпускаешь меня и я больше не в твоей власти, мы оба сможем вернуться к своим делам.

— Ишь, разбежался! — с ухмылкой произнес Уэстфолл. — У меня еще много желаний.

— Но я занят! — возмутился Гермес.

— Потерпи. Ты мне будешь нужен еще какое-то время, дорогой Трисмегистус, а когда сделаешь все, что скажу, я подумаю: может, и отпущу тебя.

— Это нечестно! — воскликнул Гермес. — Я согласился выполнить желание-другое из уважения к твоему несчастному талисману, а ты злоупотребляешь моей добротой.

— Магия есть искусство злоупотребления, — назидательно сказал Уэстфолл.

— Не зарывайся, — предупредил Гермес. — Ты и сам не представляешь, какую игру затеял.

— Поговорили, и хватит, — отрезал Уэстфолл. — Теперь слушай внимательно, Гермес. Прежде, чем вызвать тебя, талисман показал мне кое-кого еще. Женщину. Редкую красавицу. Знаешь, о ком я говорю?

Гермес Трисмегистус закрыл глаза и сосредоточился. Открыл глаза.

— Мое чувство послевидения говорит мне, что ты вызвал Божью ангелицу, бывшую ведьму по имени Илит.

— Откуда ты знаешь? — спросил Уэстфолл.

— Ясновидение — один из моих атрибутов, — объяснил Гермес. — Отпусти меня, я и тебя научу.

— Брось. Я хочу, чтобы ты доставил мне эту особу — Илит, ты сказал? Доставь ее мне.

— Не думаю, чтобы ей того хотелось, — протянул Гермес, с любопытством разглядывая Уэстфолла. Такого поворота он не ожидал.

— Мне плевать, чего ей хочется, — заявил Уэстфолл. — Она разожгла мое воображение. Я ее возжелал.

— То-то Илит обрадуется, — заметил Гермес про себя.

Он знал Илит как очень решительную особу: она отстаивала духовное равноправие женщин задолго до того, как на Земле слышали само слово «феминистка».

— Ей придется ко мне привыкнуть, — заявил Уэстфолл. — Я намерен обладать ею, как женщина — женщиной.

— Я не могу ее к этому принудить. Моя власть ограничена: я бессилен повлиять на женскую душу.

— Тебе не придется ее ни к чему принуждать, — сказал Уэстфолл. — Это уж мое дело. Просто предоставь ее в мое распоряжение.

Гермес подумал, потом сказал:

— Уэстфолл, буду с тобой откровенен. Обладание магией повредило твой здравый смысл. То, что ты придумал насчет Илит, никуда не годится. Ты лезешь в такие дела, куда человек опытный не полез бы ни за какие коврижки.

— Молчи! Делай, что говорят! — Глаза Уэстфолла расширились и засверкали.

— Будь по-твоему, — вздохнул Гермес и с помощью заклинания перенесся из комнаты, дивясь, как безошибочно люди находят неприятности на свою голову. Перед ним уже брезжил многообещающий план, сулящий выгоды ему и остальным олимпийцам, которые ныне прозябали в призрачном мире, так называемом Посветье. Однако прежде надо раздобыть для Уэстфолла Илит, а это задача не из легких.

Глава 6

Гермес перенесся в одно из своих излюбленных мест: древнее капище на острове Делос в Эгейском море, выстроенное в его честь несколько тысячелетий назад. Там сел и, глядя на виноцветное море, принялся обдумывать ситуацию.

Несмотря на свою принадлежность к двенадцати главным олимпийцам, Гермес избежал участи остальных богов, когда вся греческая мифология развалилась к чертям собачьим вскоре после смерти Александра Великого и зарождения суеверного византийского рационализма. Другие боги не сумели приспособиться к изменившемуся эллинистическому миру, и, когда возникла новая религия, они оказались обречены. Почитатели разбежались, богов объявили выдумкой и отправили вести призрачное существование в Посветье. Это мрачное место больше всего походило на греческий аид. Гермес радовался, что не оказался там же.

Трисмегистус пережил распад древнегреческого мировоззрения благодаря своим давним связям с магией. Он с древности почитался за ловкость рук, и новую отрасль знания назвали его именем. «Корпус Герметикум», приписываемый Корнелию

Агриппе и другим, лег в основу ренессансной магии; Гермес стал ее верховным божеством.

Он сумел быть полезным человечеству и в другом: например, находил потерянные вещи, к тому же слыл покровителем медицины из-за кадуцея, памятного подарка от древних египтян, которые чтили его под именем Тот.

По сравнению с другими богами Гермес всегда считался благожелательным и доступным, охотно беседовал со многими магами, те же всегда призывали его со всем возможным почтением. Теперь его впервые вызвали насильно и заставили повиноваться, не считаясь с его желаниями. Гермесу это не нравилось. Беда в том, что он не знал, как выкрутиться.

Он размышлял, сидя под дубом и глядя на море, когда услышал тихий, шелестящий голос. Гермес прислушался. Голос обращался к нему:

— Сынок, у тебя, похоже, что-то стряслось?

— Это ты, Зевс? — спросил Гермес.

— Да, я, — отвечал Зевс, — вернее, моя призрачная сущность. Истинное же мое «я» — в Поставе, где томимся мы все. Кроме тебя, конечно.

— Не моя вина, что меня оставили в качестве Гермеса Трисмегистуса.

— Я тебя и не виню, сынок. Просто говорю, как есть.

— Не понимаю, как ты здесь оказался, — произнес Гермес. — Хотя бы и в виде призрачной сущности.

— У меня специальное разрешение — являть свою призрачную сущность всюду, где зеленеет дуб, и это не так плохо, учитывая изобилие дубов и нынешние мои обстоятельства. Так все-таки что тебя беспокоит, Гермес? Скажи своему старому папочке.

Гермес колебался. Он, вместе с прочими олимпийцами, не доверял Зевсу. Все помнили, как тот

обошелся со своим отцом Кроном — оскопил бедного старичка и выбросил его мужское достоинство в море. Подобной участи страшился и сам Зевс и потому следил, чтоб никому не представился сходный случай. Мысль эта страшно угнетала Зевса, его коварство и непостоянство прорисовывались исключительно из нежелания однажды проснуться кастратом. Гермес знал все это, но знал и другое: Зевс вполне способен дать дельный совет.

— Отец, человек подчинил меня своей власти.

— Неужели? Как такое вышло?

— Помнишь печати, которыми царь Соломон подчинил себе многих природных духов? Так вот, они еще не окончательно вышли в тираж.

Гермес поведал все по порядку и заключил:

— И что мне теперь делать?

Зевс пошелестел листьями.

— Этот смертный ловко тебя заполучил. Играй дальше, но держи ухо востро. Когда подвернется случай, действуй решительно и быстро.

— Это и так понятно, — сказал Гермес. — Зачем повторять очевидное?

— Потому что знаю я вас, совестливых! Ты, сынок, повелся с этими новыми людьми и набрался у них всякой зауми насчет старых богов. Развесил уши. Возомнил невесть что об их магических штучках. Уясни наконец: всякая магия — всего лишь власть, а любая власть на девять десятых — обман.

— Ладно, хватит меня учить, — отвечал Гермес. — Лучше скажи, как раздобыть Уэстфоллу его бесовку.

— Это как раз самое простое. Отправляйся к своей сестре Афродите и одолжи у нее шкатулку Пандоры. Последнее время она хранит там свою бижутерию. Выйдет отличная душеловка.

— Конечно, душеловка, как я не подумал! И что мне с ней делать?

— Ты у нас великий маг. Пораскинь мозгами.

Некоторое время спустя Гермес появился на Йоркском кладбище, переодетый чудаковатым старым джентльменом. Под мышкой он держал сверток из коричневой бумаги, перевязанный бечевкой. Подойдя к Илит, Трисмегистус изменил голос и сказал:

— Мисс Илит? Ваш друг просил передать вам это.

— Аззи оставил мне подарок? — воскликнула Илит. — Как мило!

Она развернула бумагу и, не задумываясь, открыла шкатулку. На крышке было зеркало, блестящее, в радужных разводах; она видела такие в Египте и Вавилонии: магическая душеловка, прах побери, кто-то провернул с ней этот старый трюк! Илит отвела глаза, но поздно — в эту секунду душа прозрачным мотыльком выпорхнула у нее из рта, тело обмякло.

Гермес подхватил безжизненную Илит, аккуратно опустил на землю и решительно захлопнул шкатулку. Потом перевязал ящик Пандоры золотым шнурком, подозвал завтракавших неподалеку могильщиков и велел им отнести тело в город, в дом Уэстфолла. «Да поосторожнее! Не повредите!» Удивленные могильщики засомневались, все ли тут чисто, но Гермес объяснил, что он — врач и собирается оживить бедную даму, которая пострадала от неблагоприятного сочетания зодиакальных созвездий. Выслушав такое внятное научное объяснение, могильщики не стали ни о чем больше спрашивать. В конце концов, они всего лишь выполнили врачебное предписание.

Глава 7

Уэстфол гадал, чего Гермес мешкает, потом рассудил, что не просто достать женщину с того света, вот и все. Дивился он и себе: не в его обыкновении было действовать подобным образом. Может, им овладело нечто сверхъестественное и ненароком присоветовало потребовать эту женщину? Уэстфол сомневался, но чувствовал вмешательство чего-то потустороннего, не связанного с магией, чего-то, что действует само по себе и проявляется — либо не проявляется — по собственному соизволению.

Долгий день клонился к вечеру; Уэстфол нашел в кладовой кусок сыра и сухую корку. Хлеб он размочил во вчерашнем супе, который разогрел на печке в углу, запил вином и задремал в кресле. Никто его не беспокоил, пока в уши не проник звук разрываемого воздуха. Уэстфол вскочил с криком:

— Привел женщину?

— Я свою часть выполнил, — сказал Гермес, разгоняя рукой клубы дыма, вместе с которыми появился. Одет он был, как прежде, а под мышкой держал маленькую, богато украшенную деревянную шкатулку.

— Что тут у тебя? — спросил Уэстфолл.

В это время на лестнице раздались тяжелые шаги и глухой голос позвал:

— Отворите, кто-нибудь!

Уэстфолл пошел открыть дверь. Вошли двое дюжих мужиков, они несли красивую молодую женщину. Та была без сознания и бледна как смерть.

— Куда прикажете положить? — спросил первый могильщик.

— Вот сюда, на лежанку. Осторожно!

Гермес расплатился с могильщиками и проводил их до дверей. Потом сказал Уэстфоллу:

— Теперь она в твоей власти. Вот ее тело. Но не советую позволять себе лишнее без разрешения хозяйки.

— Где она? — спросил Уэстфолл. — Ее сознание, я хочу сказать.

— То есть ее душа, — поправил Гермес. — Здесь, в шкатулке. — Он поставил ящичек на стол. — Когда надумаешь, откроешь, душа вылетит и оживит тело. Но смотри, не зевай. Дама весьма сердита — никто не любит, чтоб его колдовским образом отрывали от дел.

— Ее душа и правда в шкатулке? — спросил Уэстфолл. Он поднял маленький, оправленный в серебро ящичек и потряс. Изнутри донесся визг и приглушенные ругательства.

— Теперь дело за тобой, — сказал Гермес.

— А что именно мне делать?

— Решай сам.

Уэстфолл поднял шкатулку и легонько потряс.

— Мисс Илит? Вы еще здесь?

— Сам знаешь, что здесь, непотребное ты животное, — отозвалась Илит. — Открой крышку, чтобы мне до тебя добраться.

Уэстфолл побелел и плотно придавил крышку обеими руками.

- О Господи!
Гермес пожал плечами:
— Она сердится.
— Это ты мне говоришь? — сказал Трисмегистус.
— Но что я буду с ней делать?
— Ты хотел ее получить, — напомнил Гермес. — Я считал, остальное ты продумал.
— Ну, не совсем.
— Мой тебе совет: попробуй с ней договориться. Без этого не обойтись.
— Я, наверно, просто уберу шкатулку на какое-то время.
— Не стоит.
— Почему?
— Если за ящиком Пандоры не смотреть, то, что внутри, просочится наружу.
— Это нечестно!
— Я тебя не обманывал, Уэстфолл. Надо было знать, что в таких вещах всегда бывает подвох. Счастливо оставаться.
Он взмахнул рукой, чтобы перенестись прочь из комнаты.
— Помни, — воскликнул Уэстфолл. — Талисман у меня, я могу вызвать тебя, когда захочу!
— Не советую, — сказал Гермес и исчез.
Уэстфолл подождал, пока рассеется дым. Потом повернулся к шкатулке.
— Мисс Илит?
— Чего тебе?
— Можно с вами поговорить?
— Открой ящик — поговорим.
В голосе ее звучала такая ярость, что Уэстфолл содрогнулся.
— Давайте немного подождем, — сказал он. — Мне надо подумать.

Не обращая внимания на ее проклятия, он прошел в дальний угол комнаты и сел думать. Однако глаз от шкатулки не отрывал.

Уэстфолл поставил шкатулку на ночной столик. Совсем не спать он не мог, но периодически просыпался и проверял, не ускользнула ли Илит; он очень боялся, что она сбежит. Ему снилось, что она поднимает крышку или что шкатулка открылась сама. Иногда он просыпался с криком.

— Послушайте, мисс, может, забудем это все? Давайте так: я вас выпущу, а вы меня не тронете. Идет?

— Ну уж, дудки, — отрезала Илит.

— Почему? Чего вы хотите?

— Возмещения за моральный ущерб, — сказала Илит. — Ты так легко не отделаешься, Уэстфолл.

— А что вы сделаете, если я вас выпущу?

— Еще не решила.

— Но ведь вы меня не убьете?

— Могу и убить.

Это был тупик.

Глава 8

Пьетро Аретино немало удивился, когда в тот день 1524 года открыл дверь своего венецианского дома и увидел на пороге огненно-рыжего демона. Впрочем, нельзя сказать, чтобы он изумился — Аретино взял себе за правило ничему не изумляться.

Он был высок ростом, открытый лоб обрамляли такие же рыжие, как у Аззи, локоны. В том месяце ему исполнялось тридцать два, и всю свою сознательную жизнь он зарабатывал сочинительством. Его стихи, утонченные по форме и крайне разнужданные по содержанию, цитировались и распевались во всех уголках Европы.

Аретино вполне сносно существовал на дороге подношения от королей, вельмож и прелатов, напуганных его язвительным острословием. «Умоляю, примите этот золотой поднос, милейший Аретино, и любезно обойдите меня вниманием в следующей вашей публикации».

Когда в дверь постучали, Аретино ждал услышать нечто подобное. Он сам открыл дверь, потому что с утра отпустил слугу к родным. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять — перед ним не земной посланец. Нет, этот узколицый ясноглазый

юноша явно из тех потусторонних созданий, о которых Аретино слышал, но которых ни разу не встречал.

— Добрый вечер, сударь, — вежливо поздоровался Аретино, решив не грубить незнакомцу, пока во всем не разберется. — У вас ко мне дело? Мне кажется, я вас прежде не видел.

— Нам не доводилось встречаться, — кивнул Аззи. — Однако мне кажется, я знаю божественного Аретино по искрометной мудрости его стихов, в которых сквозь смех явственно просвечивает здравость нравственных суждений.

— Очень любезно с вашей стороны, сударь, — молвил Аретино, — хотя многие считают, что в моих строках нравственность и не ночевала.

— Они слепы, — отвечал Аззи. — Смеясь над человеческим лицемерием, вы, дорогой маэстро, неизменно воспеваете то, что поэты слишком охотно отметаают.

— Вы, сударь, дерзновенно защищаете то, что люди обыкновенно почитают дурным.

— И все же люди совершают семь смертных грехов куда охотнее, нежели стремятся к добродетели. Даже праздности они предаются более ревностно, чем служению высоким идеалам благочестия.

— Сударь, — сказал Аретино, — наши суждения совпадают. Но не будем уподобляться болтливым старухам и судачить на пороге. Войдите в мой дом и позвольте налить вам превосходного вина, я недавно привез его из Тосканы.

Аретино провел Аззи в дом, вернее — палаццо, маленький, но очень богатый дворец. Полы устилали мягкие ковры, подарок самого дожа; в бронзовых канделябрах горели высокие восковые свечи, бросая отсветы на выбеленные стены.

Аретино пригласил демона в низкую гостиную, завешенную коврами и шпалерами. Комнату согрел

вала небольшая жаровня с углями. Там поэт попросил Аззи устраиваться поудобнее, взял с небольшого инкрустированного столика хрустальный графин и наполнил кубки искристым красным вином.

— А теперь, сударь, — промолвил Аретино, когда хозяин выпил за здоровье гостя, а гость — за здоровье хозяина, — объясните, чем могу вам служить.

— Правильнее будет сказать, — отвечал Аззи, — что я хотел бы услужить вам, ибо вы — величайший драматург и сатирик Европы, а я — скромный покровитель искусств, моя мечта — осуществить некий артистический проект.

— Что именно вы задумали, сударь?

— Я хотел бы поставить пьесу.

— Превосходная мысль! — вскричал Аретино. — У меня есть несколько сочинений, они подойдут вам как нельзя лучше. Сейчас схожу за рукописями.

Аззи жестом остановил его:

— Я ничуть не сомневаюсь, что все, вышедшее из-под вашего пера, — верх совершенства, но готовый сценарий мне не годится. Я хотел бы участвовать в новом проекте, чтобы пьеса отражала мой авторский замысел.

— Разумеется, — кивнул Аретино. Он и прежде встречал людей, жаждавших прославиться сочинительством. Все они приходили со своими замыслами, и никто не желал утруждать себя скучной черновой работой, собственно писательством, предпочитая поручить это другому. — Что за сюжет вы изволите предложить?

— Я хотел бы, чтоб моя пьеса утверждала некие простые истины, — сказал Аззи. — То, что умным людям известно уже несколько столетий, но никак не отражено нашими драматургами. Большинство писателей рабски следуют Аристотелю и настойчиво твердят: расплата за грех —

смерть, обжора кончит в канаве, похоть ведет к пресыщению, а те, кто легко влюбляются, никогда не полюбят всерьез.

— Это общепринятые нравственные послышки, — заметил Аретино. — Вы желаете их опровергнуть?

— Вот именно, — сказал Аззи. — Хотя будничное сознание строится на этих самых послышках, мы-то с вами знаем, что они не всегда верны. Своей пьесой я намерен возразить всем этим шамкающим благодетелям человечества. Моя пьеса будет утверждать, что семь смертных грехов — путь к благополучию или, по крайней мере, не помеха на этом пути. Короче, милейший Аретино, я хочу поставить безнравственную пьесу.

— Какой благородный замысел! — вскричал Аретино. — Рукоплещу вам, сударь, за ваше величественное намерение в одиночку восстать против столетий медоточивой пропаганды, так и не убедившей никого действовать по предписанному вопреки влечениям своего естества. Однако позвольте указать вам, сударь, что, поставив такую пьесу, мы неизбежно навлечем на свои головы ханжеский гнев церкви и государства. И потом, где найти исполнителей? Или неподконтрольную церковь сцену?

— Пьесе, которую я хочу поставить, — сказал Аззи, — не потребуются такие условности, как актеры, сцена и зрители. Действие должно развиваться само собой: мы дадим нашим исполнителям самые общие представления о задуманном, а слова и поступки они пусть импровизируют сами.

— Но как вы сумеете вывести свою антимораль, если заранее не спланируете развязку?

— У меня есть некоторые соображения на этот счет, — сообщил Аззи, — которыми я поделюсь с вами, если получу ваше согласие на участие в проекте. Скажу лишь, что я способен управлять

причинно-следственными механизмами этого мира для достижения поставленной цели.

— Такое может утверждать лишь сверхъестественное существо, — заметил Аретино.

— Слушай меня внимательно! — сказал Аззи.

— Слушаю, — отвечал Аретино, слегка опешив от повелительного тона гостя.

— Я — Аззи Эльбуб, демон благородных кровей, к твоим услугам, Аретино. — Аззи беспечно взмахнул рукой, и на кончиках его пальцев вспыхнули голубые огоньки.

Аретино расширил глаза.

— Черная магия!

— Я прибегну к этим театрально-инфермальным эффектам, — сказал Аззи, — чтобы ты сразу понял, с кем имеешь дело.

Он вытянул пальцы, взял из воздуха изумруд, потом другой, третий — всего шесть, и уложил их рядом на столике рядом с графином. Провел над ними рукой — изумруды задрожали и слились в один, невиданно огромный самоцвет.

— Поразительно! — воскликнул Аретино.

— Через некоторое время они вернуться в первоначальную форму, — объяснил Аззи. — Но красиво, правда?

— Поразительно! — повторил Аретино. — Этому можно научить?

— Только другого демона, — сказал Аззи. — Но я многое могу сделать и для тебя, Аретино. Соглашайся. Я не только заплачу тебе неслыханные деньги, но еще и удесятерю твою и без того заметную славу — ведь ты станешь автором пьесы, которая породит на этой старой земле новую легенду. Если повезет, она предвосхитит эру искренности, какой еще не знал этот старый лицемерный мир. — Произнося это, Аззи для убедительности метал глазами молнии.

Аретино в ужасе отпрянул, споткнулся о табурет и упал бы, не протяни Аззи длинную, покрытую рыжим пушком руку и не подхвати изумленного стихотворца.

— Не могу выразить, насколько польщен, — пролепетал Аретино, — что вы пришли с этим замечательным замыслом именно ко мне. Ваше пожелание, сиятельный Аззи, близко моему сердцу, но все не так просто. Если я соглашусь, то должен буду создать совершенное творение, никак не меньше. Дайте мне неделю срока — поразмыслить, обдумать, справиться с древними повестями и легендами, которые я слышал. Как бы вы ни ставили свою пьесу, в ее основу должно лечь некое повествование. Поискам этого сюжета я себя и посвящу. Могли бы мы встретиться через неделю в такое же время?

— Прекрасная речь, — сказал Аззи. — Я рад, что вы отнеслись к моему предложению с такой рассудительностью. Да, пусть будет неделя.

С этими словами гость взмахнул рукой и растворился в воздухе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Когда демон покидает землю и переносится в царство Тьмы, включаются глубинные силы, неосознаваемые для большинства обычных людей. В тот вечер, вскоре после разговора с Аретино, Аззи поднял глаза к звездному небу. Щелкнул пальцами — он совсем недавно изобрел заклинание-щелчок, и сейчас как раз представился случай испытать его на практике. Заклинание подбросило Аззи в воздух, и вскоре он уже быстрее метеора рассекал космическое пространство.

Аззи с ревом пронесся через пронизываемый небесный свод, набирая массу в соответствии с законом, которому подчиняется всякое движущееся тело, не исключая демонического. Звезды, казалось, кивали и подмигивали ему. Свистящий между мирами ветер пробирал до костей, на носу и бровях осел протоиней. Аззи дрожал от космической стужи, но не замедлял полет. Он чертовски торопился. Когда Аззи овладевает идеей, его не остановить.

Для того чтобы свершить великие дела, написать и поставить безнравственную пьесу, нужны

деньги. Придется платить актерам, а также обеспечивать специальные эффекты — приятные мелкие чудеса, которые подбодрят исполнителей на пути к незаслуженной удаче. Аззи помнил, что не получил приз за Худший Поступок Года, присужденный ему после истории с Фаустом.

Наконец он набрал скорость достаточную, чтобы перенестись из одного бытийного мира в другой. Какое-то мгновение, и Аззи уже летел не через сферу земных вещей и энергий, атомов и элементарных частиц; он преодолел незримый и неосызаемый барьер, отделяющий царство мюмезонов и тахионов от мира более мелких спиритуальных частиц.

И оказался в пространстве огромных расплывчатых форм и неотчетливых цветов, где в янтарной атмосфере плавали неразличимые предметы. Он снова был дома.

Впереди высились мрачные иссиня-черные стены Адского Города, прообраз укреплений древнего Вавилона. На высоких бастионах застыли бесы-часовые. Аззи помахал пропуском и со свистом влетел в город.

Он пронесся над мрачными сатанинскими предместьями и скоро оказался в деловой части Адского Города, где размещался управленческий аппарат. Миновал общественные сооружения — там у него сейчас не было никакого дела. Впереди теснились высокие административные здания, Аззи выбрал нужное и вскоре уже спешил по коридорам, заполненным демонами-служащими и ливрейными бесенятами. То и дело попадались неизбежные дьяволицы в кимоно, которые так скрашивают ленчи больших начальников. Наконец Аззи добрался до расчетного отдела.

Он не стал пристраиваться в хвост очереди просителей, вечно ждущих, что кто-нибудь выслушает их жалобы. То была опустившаяся, потре-

панная публика. Аззи помахал обходной корочкой с золотым обрезом (он получил ее от Асмодея еще в те времена, когда числился в любимчиках у главного демона) и пошел вперед.

Деньги с депонента выдавал зловредный длинноносый трансильванский бесенок-гоблин, у которого так разило изо рта, что морщились даже бывалые адские жители. Как и прочие коллеги, он старался делать по возможности меньше, экономя таким образом свои силы и казенные средства, а потому объявил, что Аззи неправильно заполнил формуляры и вообще взял не те бланки. Аззи продемонстрировал сертификат непогрешимости, подписанный самим Сатаной: «подателю сего выплачивать деньги невзирая ни на какие ошибки в документах». Бес-гоблин огорчился, но тут же нашел новую отговорку.

— Я такие вещи не решаю. Я всего лишь бедный маленький бесенок. Вам надо пройти по коридору, первая дверь направо, по лестнице вверх...

Аззи не двинулся с места. Он достал новую бумажку, ордер на немедленное исполнение, где говорилось, что его требование не терпит никаких отлагательств и любые проволочки со стороны ответственного должностного лица будут караться денежным штрафом, а именно: искомую сумму вычтут из жалованья вышеупомянутого лица. Это, самое радикальное из всех адских средств, Аззи пришлось украсть из спецотдела, где подобными документами снабжали избранных демонов.

Документ мгновенно произвел желаемое действие.

— Из своего кармана я платить не буду! — завопил бесенок. — Где моя печать?!

Он порывлся в столе, нашел печать, огненными буквами оттиснул на бланке «СРОЧНО! НЕМЕДЛЕННО К ОПЛАТЕ!».

— Отнесите это по коридору в окошко выдачи. А теперь будьте добры, уходите отсюда, вы испортили мне настроение на весь день.

Аззи ушел, предварительно пообещав вернуться с новыми гадостями, если возникнут еще помехи. Однако кассир в окошке, увидев надпись «НЕ-МЕДЛЕННО К ОПЛАТЕ», завизировал бланк и без промедления выдал несколько мешков с золотыми монетами — все, что Аззи причиталось.

Глава 2

К тому времени как Аззи вернулся в Венецию, успело пройти шесть дней. Наступила теплынь, в садах распустились бутоны. Повсюду пестрели согретые теплыми лучами желтые и белые цветочки. Венецианские дамы прогуливались на солнышке с кавалерами и судачили о великосветских интрижках. Отлив унес в море выброшенный горожанами мусор, зато свежий восточный бриз прогнал смрадные испарения — из-за них Венеция считалась рассадником вредных поветрий. В такие дни хочется жить.

Аззи собирался заскочить в Арсенал — крупнейшую европейскую судовой верфь, но не успел свернуть в узкую мощеную улочку, как столкнулся с плечистым голубоглазым юношей. Тот разок взглянул на демона и тут же дружески хлопнул его по спине.

— Ба, Аззи! Какими судьбами! — вскричал юноша.

Это был ангел Бабриэль, старый знакомец по прошлым приключениям. Хоть они стояли по разные стороны баррикад в великой борьбе Света и Тьмы, между Аззи и Бабриэлем по ходу событий завязалась дружба — если не совсем дружба, то

уж точно больше, нежели простое знакомство. Объединяло их и другое — оба любили прекрасную темноволосую ведьму Илит.

Аззи подумал, что Бабриэль, подчиненный архангела Михаила, прибыл в Венецию не иначе как с целью проследить за демоном и, может быть, даже проник — с помощью неведомой прежде секретной небесной науки — в его новый блестящий замысел.

Когда Бабриэль выразил свое изумление негаданной встречей, Аззи ответил:

— Я решил немного отдохнуть от адской работы, полюбоваться этим чудесным городом. Воистину, Венеция для нынешнего поколения — рай земной.

— Рад был снова тебя повидать, — сказал Бабриэль, — но мне пора к остальным. Ангел Израфил обещал на вечерней заре забрать нас домой на Небо, мы тут только на выходные.

— Что ж, если так, счастливо, — напутствовал Аззи.

С этими словами они расстались. Подозрения Аззи, что Бабриэль шпионит за ним, никак не подтвердились, и все же он гадал, что привело голубоглазого ангела в Венецию именно в это время.

Глава 3

Бабриэль всегда с радостным сердцем возвращался на Небеса — это такой очаровательный уголок, ряды беленьких домиков, ухоженные зеленые лужайки, раскидистые старые деревья и общая атмосфера ласковой доброжелательности. Разумеется, не все Небеса таковы, но это Западный Эдем, лучшая часть Рая, здесь живут архангелы и отдыхают летом Воплощенные Духовности. Воплощенные Духовности — высокие привлекательные женщины; любая из них стала бы прекрасной спутницей жизни ангелу — по райским меркам это вполне благополучный союз, именно такие браки заключаются на Небесах. Однако при всей своей красоте ни одна из них не влекла Бабриэля как женщина — его сердце принадлежало Илит. Может быть, ее прошлое афинской гетеры и младшей вавилонской блудницы и делало Илит неотразимой. Иногда казалось, что она любит Бабриэля, иногда — что нет.

Он полетел напрямик через Восточный Эдем и опустился перед домом Илит, просто чтобы поздороваться, но ее там не было. Перевоспитанный стихийный дух, одетый маленьким херувимчиком, подстригал газон — это наказание он сам наложил

на себя за былую невоздержанность. Дух сообщил, что Илит повезла группу ангелочков на экскурсию по знаменитым земным святыням.

— Вот как? — сказал Бабриэль. — И какую же эпоху они осматривают?

— Кажется, она называется Возрождение, — отвечал стихийный дух.

Бабриэль поблагодарил и ушел в задумчивости. Случайно ли Аззи оказался в этой же самой эпохе? Бабриэль от природы был не подозрителен, напротив, отличался более чем ангельской доверчивостью, но суровая жизнь научила его, что, как ни странно, другие мыслят иначе. В особенности же Аззи, для которого притворство в такой степени стало второй натурой, что полностью заслонило натуру первую, какой бы та ни была. Бабриэль сомневался и в Илит, несмотря на ее искреннюю тягу к добру. Ангел не верил, что она изменила Небесам, но вдруг ей вздумалось повидать старого друга — или, что вероятнее, тому захотелось встретиться с Илит? Если так, почему они выбрали именно Ренессанс? Или это все-таки совпадение?

Бабриэль размышлял об этом, когда перед ним открылись аллея тенистых олив и большая белая усадьба на холме, где обитал Михаил. Архангел обрезал розовые кусты перед домом, рукава белого льняного одеяния были закатаны выше локтя, обнажая сильные мускулистые руки.

— С возвращением, Бабриэль! — приветствовал гостя архангел, откладывая секатор и утирая со лба сладостный пот праведного труда. — Хорошо отдохнул в Венеции?

— Замечательно, сэр. Я воспользовался случаем усовершенствоваться в живописи. К вящей славе Добра, разумеется.

— Разумеется. — Михаил дружески подмигнул глубоко посаженными глазами.

— Я встретил Аззи Эльбуба, сэр.

— Видел старину Аззи, вот как? — Михаил задумчиво погладил подбородок. Он отлично помнил демона по их последней встрече из-за Иоганна Фауста. — И что он подделывает?

— Говорит, решил немного отвлечься от адских дел, но я подозреваю, что он разыскивает ангела Илит.

— Возможно, — сказал Михаил. — А может быть, дело в другом.

— В чем же, сэр?

— Объяснения могут быть самые разные, — загадочно произнес Михаил. — Я должен об этом поразмыслить. А пока, если ты вполне отдохнул, надо заняться почтой.

Михаил исправно отвечал на письма многочисленных почитателей не только по всему Духовному Миру, но даже и на Земле.

— Сейчас сразу и возьмусь, — сказал Бабриэль и быстро прошел в маленький кабинет в той части усадьбы, которая раньше называлась помещением для прислуги, а теперь — флигелем для желанных гостей второго разряда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Илит особенно досадно было оказаться в шка-тулке. Ее не пытались запереть с тех самых пор, как ослепленный любовью троянский царь Приам смастерил специальный ящик, куда надеялся посадить Илит, как только поймает. Но так и не поймал. А теперь Трои давно нет, нет и царя Приама, а Илит жива — и если до сих пор не сыграла в ящик, то отчасти потому, что не совала свой нос, куда не следует.

Вот что значит загордиться, сказала она себе. Только гляньте на меня. Сижу в ящике.

Шкатулку заполнил бледный мерцающий свет, озарил поля, плетни, горную цепь на горизонте. У самого уха зазвучал ласковый мужской голос:

— Илит, что ты тут делаешь? Никак попала в беду? Разреши тебе помочь.

В шкатулке стало еще светлее.

— С кем я говорю? — спросила Илит.

— Это Зевс, — отвечал голос, — я еще кое на что гожусь даже в нынешних стесненных обстоятельствах. Однако ты не сказала мне, как здесь очутилась.

— Кто-то меня похитил и запер. — Илит однажды встречалась с Зевсом: во времена греческого культурного влияния в Риме, когда пробовалась на роль стихийного духа. Зевс тогда пообещал связаться с ней позже, и она давно забыла о нем вспоминать.

— Почему он тебя не выпускает?

— Боится, что я его убью! И правильно делает!

Зевс вздохнул:

— Ты говоришь точь-в-точь как моя дочь Артемида. Мщение, угрозы. Почему бы немного не притвориться?

— О чем ты?

— Скажи своему похитителю, что польщена его вниманием и тронута тем, что он запер тебя в ящик.

— Он не поверит!

— Попробуй. Все похитители — растяпы. Наболтай ему что-нибудь. Лишь бы освободиться.

— Ты предлагаешь мне солгать?

— Конечно.

— Но это же будет нечестно!

— После извинишься. Я всегда так делаю, если не забываю. Главное — оказаться на свободе.

— Но нам запрещено лгать, — сказала Илит неуверенно.

— Ну, милочка, поговори с этим смертным, постарайся достигнуть взаимопонимания. Выбирайся на люди. Такой красотке не след сидеть взаперти.

Прошло некоторое время. Илит успокоилась, поправила прическу и позвала:

— Уэстфолл? Ты еще здесь?

— Да, здесь.

— А тебе не надо на работу или еще куда?

— Надо, конечно. Но, если честно, я боюсь оставлять тебя без присмотра. Вдруг ты выберешься — или там заколдуешь меня.

— Я и отсюда могу тебя заколдовать, — сказала Илит томным голосом, — но неужто ты и впрямь считаешь меня такой зловредной ведьмой?

— Ну, — молвил Уэстфолл, — после того что ты мне наговорила, я приготовился к худшему.

— Я говорила в сердцах, — извинилась Илит. — Какой женщине понравится, если ее схватить, посадить в ящик и вручить кому-то, словно товар! Ведьмы, даже самые ангельские — те же люди. Мы любим, чтобы за нами ухаживали, как за настоящими дамами, а не волокли за руку, будто античных уличных девок.

— Теперь-то я понимаю, — сказал Уэстфолл, — да поздно.

— Совсем не поздно, — проворковала Илит своим сладким голосом.

— Правда?

— Открой крышку, Уэстфолл, и я тебя не трону. Честное ангельское. Посмотришь, как мы столкнемся.

Уэстфолл набрал в грудь воздуха и откинул крышку.

Илит вылетела в клубах дыма, приняв ведьминское обличье Гекаты.

Уэстфолл завопил:

— Ты обещала меня не трогать!

Его зашвырнуло в темный уголок преисподней, а Илит полетела рассказать обо всем Михаилу. Ящик Пандоры остался открытым и тихо поблескивал.

Глава 2

Аззи прибыл к дому Аретино через одну неделю и одну минуту после первого разговора. Аретино пригласил демона в дом и провел в гостиную на верхнем этаже, где можно было уютно расположиться в креслах и полюбоваться видом венецианских каналов. Хозяин налил вина, купленного нарочно к случаю. Лакей принес пирожных.

Мягкий голубой сумрак стократ увеличивал загадочное колдовское очарование города. Снизу доносилась песня лодочника: «Гондольеру живется привольно». Человек и демон несколько мгновений слушали в молчании.

Аззи было хорошо, как никогда в жизни. С этих мгновений начнет разворачиваться новый проект. Первые же слова станут поворотным моментом в жизни многих людей, ему предстоит сделаться вершителем судеб, перводвигателем. Аззи вырастет в одного из тех, кто управляет ходом событий, а не плывет пассивно по воле волн. Власть, возвышение — вот что его ждет.

В воображении Аззи уже осуществлял великий проект. Казалось, задумай — и все немедленно свершится. Видение представлялось расплывчатым, но величественным.

Потребовалось усилие, чтобы напомнить себе: все еще лишь на стадии замысла.

— Я с некоторым нетерпением ожидаю услышать, к чему вы в конце концов пришли, дражайший Аретино. Или вы сочли, что моя пьеса вам не по плечу?

— Полагаю, работа для меня, — промолвил Аретино. — Но судите сами — после того как я расскажу легенду, которую хотел бы положить в основу сценария.

— Легенду? Превосходно! — воскликнул Аззи. — Люблю легенды. Это о ком-нибудь мне известно?

— Моя повесть о Боге, об Адаме и Люцифере.

— Все старые знакомые. Продолжайте, Пьетро. Аретино откинулся в кресле, отхлебнул вина, чтоб промочить горло, и начал.

Адам лежал у райского ручейка, когда Бог подошел к нему и сказал:

— Адам, что ты делал?

— Я? — Адам сел. — Сидел и думал о добром.

— Знаю, что думал о добром, — сказал Бог. — Я время от времени настраиваюсь на твою волну и проверяю, как у тебя дела. Это и называется Божественным промыслом. А что ты делал до того, как думать о добром?

— Точно не знаю.

— Постарайся вспомнить. Ты ведь был с Евой?

— Ну да, конечно. В этом же нет ничего дурного? Я хочу сказать, мы ведь женаты?

— Никто не собирается тебя за это ругать, Адам. Я просто хочу знать правду. Ты говорил с Евой, не так ли?

— Говорил. Она пересказывала какую-то дребедень, которую напели ей птички. Между нами,

Господи, говоря, для взрослой женщины она слишком много думает о птичках.

— А что еще вы с Евой делали?

— Просто говорили о птичках. Вечно она о птичках да о птичках! Скажи мне честно, как ты думаешь, у нее все дома? Я хочу сказать, она вообще нормальная? Мне, конечно, сравнивать не приходится, я других женщин не видел. Ты даже матери мне не дал. Только не думай, что я жалуясь. Просто когда все время слышишь про птичек, поневоле берут сомнения.

— Ева очень невинна, — молвил Бог. — Но ведь в этом нет ничего дурного?

— Наверно, — кивнул Адам.

— Так в чем же дело? Я чем-то тебя обидел?

— Ты? Меня? Не говори глупостей. Ты — Бог, как же ты можешь меня обидеть?

— Чем еще вы с Евой занимались кроме разговоров?

Адам тряхнул головой:

— Честно, я лучше промолчу. Где сказано, чтобы выражаться плохими словами в присутствии Бога?

— Я не про секс, — обиделся Бог.

— Слушай, ты знаешь, что я делал и чего не делал, так зачем спрашивать?

— Хочу прояснить ситуацию.

Адам что-то пробурчал, но так тихо, что Богу пришлось переспросить.

— Я сказал, чтоб ты не очень на меня сердился. Ты ведь создал меня по своему образу и подобию, так чего ты от меня ждешь?

— Вот, значит, как! Выходит, если я создал тебя по своему образу, это извиняет любые твои проступки?

— Ну, сам понимаешь, ты как-никак...

— Я дал тебе все: жизнь, разум, приятную внешность, преданную жену, воображение, пропитание, мягкий климат, вкус к хорошей литературе, любовь к спорту, артистические наклонности, умение складывать и вычитать и еще много всего другого. Я мог бы одним пальцем отправить тебя на Землю, где бы ты по гроб жизни учился прибавлять один к одному. Вместо этого я наделил тебя десятью пальцами и способностью считать до бесконечности. Все это я сделал для тебя. А взамен просил самую малость: играть с тем, что я тебе дал, и не трогать, чего не велено. Так или не так?

— Так, — промямлил Адам.

— Я сказал всего лишь: вот дерево, мы зовем его Древом Жизни, видишь на нем яблоко? И ты сказал: да, вижу. И я сказал тебе: сделай одолжение, не ешь этого яблока. И ты сказал: конечно, Господи, я все понял, и это не Бог вещь какая сложность. А вчера вы с Евой съели запретный плод, ведь съели же?

— Яблоко? — удивленно переспросил Адам.

— Ты отлично знаешь, что такое яблоко, — отчеканил Бог. — Оно красное, круглое и сладкое, только тебе не следовало знать вкуса, потому что я не разрешил пробовать.

— Я никогда не понимал этого запрета.

— Это я тебе тоже объяснял, только ты пропустил мимо ушей. Оно дает познание Добра и Зла. Потому его и нельзя было есть.

— А что дурного в познании Добра и Зла? — спросил Адам.

— Всякое знание замечательно, — ответил Бог, — но нужно многое знать, для того чтобы знание пошло впрок. Я потихоньку-помаленьку подводил вас с Евой к тому, чтобы вы могли вкусить плод познания и не вообразить, будто

знаете все. Но ведь это она тебя подговорила, правда?

— Мысль была моя, — сказал Адам. — Ева не виновата. Она только и знает, что своих птичек.

— Но ведь она тебя уговаривала?

— Может, и да. Что с того? Прошел слух, будто ты не очень рассердишься за яблоко.

— Кто тебе такое сказал?

— Не помню, — ответил Адам. — Наверно, птички там, пчелки всякие. Все равно мы с Евой должны были рано или поздно его съесть. Закон драматической необходимости учит: нельзя оставить на каминной полке заряженное яблоко и никак его не обыграть. Мы же не можем всегда оставаться в Раю?

— Не можете, — согласился Бог. — И кстати, вы уберетесь отсюда немедленно. И не надейтесь вернуться.

И Бог выставил Адама и Еву из Рая, для чего послал ангела с огненным мечом — так впервые в истории человечества было проведено насильственное переселение. Адам и Ева в последний раз оглянулись на прежний дом и пошли прочь с мыслью: им много еще где предстоит жить, но ни одно место не станет для них родным.

Только за пределами Рая Адам заметил, что на Еве ничего нет.

— Фу-ты ну-ты! — вскричал Адам и вытаращился на Еву. — Ты же совсем голая!

— Ты тоже, — сказала Ева.

И они стали пялить друг на дружку глаза. А когда в досталь насмотрелись, разразились хохотом. Отсюда пошли анекдоты про сиськи и все такое.

Когда они отсмеялись, Адам сказал:

— Думаю, стоит припрятать инструментарий. Слишком много чего у нас наружу, если ты меня понимаешь.

— Забавно, что мы раньше этого не видели, — сказала Ева.

— А что ты вообще видела, кроме птичек? — спросил Адам.

— Сама удивляюсь, — сказала Ева.

— А что это там впереди? — спросил Адам.

Ева медленно сказала:

— Если б я не знала, что такого не может быть, я бы ответила, что там другие люди.

— Как это возможно? — удивился Адам. — Мы же одни на свете.

— Выходит, теперь не одни, — сказала Ева. — Помнишь, мы допускали подобную возможность.

— Теперь припоминаю, — кивнул Адам. — Мы говорили, что другие люди — необходимая предпосылка для романа.

— Тебе следовало бы помнить.

— Я не думал, что Он и впрямь это сделает, — сказал Адам. — Вроде как мы должны были оставаться единственными людьми.

Бог не сидел сложа руки. Поначалу Адам и Ева действительно были единственными. Но они сбились с пути истинного, ослушались приказа. И в наказание им Бог сотворил других людей. Трудно понять, что именно Он хотел этим сказать.

Адам и Ева шли, пока не пришли в город и не подошли к дому.

Адам спросил первого же встречного:

— Как называется этот город?

— Это, — отвечал прохожий, — Почти Совершенство.

— Странное название для города, — произнес Адам. — А что оно значит?

— Оно значит, что Рай — совершенство, но, раз туда не пускают, мы живем в Почти Совершенстве.

— Откуда ты знаешь про Рай? — спросил Адам. — Я тебя там не видел.

— Ну, не обязательно побывать самому, чтобы знать, где хорошо, а где плохо.

Адам и Ева поселились в Почти Совершенстве и вскоре познакомились с соседом, Гордоном Люцифером, который открыл первую в городе юридическую контору.

— Думаю, нам понадобится юрист, — сказал как-то Люциферу Адам. — Мы считаем, что нас несправедливо выселили из Рая. Например, нам не прислали уведомления. Не было судебного разбирательства. Наши интересы не представлял адвокат.

— Вы обратились по адресу, — заверил Люцифер, проводя пару в контору. — Исправлять всякую несправедливость — девиз Сил Тьмы, фирмы, на которую я работаю. Понимаете, я не к тому, что Главный поступил несправедливо. Бог обыкновенно хочет как лучше, но в такого рода делах Он частенько допускает произвол. Думаю, ваше дело выигрышное. Я пошлю запрос Ананке, чья невидимая рука правит всеми нами.

Ананке, Безликая, выслушала жалобу Люцифера в облачном сером покое: сводчатые окна выходили на океан времен, ветра вечности колыхали белые занавеси.

Ананке постановила, что Адама выселили незаконно и обязаны прописать обратно. Адам ликовал, всех благодарил, велел Еве ждать и отправился вселяться обратно в Рай. Он тщетно искал путь к бывшему Эдему, но не мог найти даже кончика своего носа: Бог погрузил всю местность в кромешную тьму.

Тогда Адам вернулся к Гордону Люциферу и рассказал, что случилось. Гордон покачал головой и позвал босса.

— Ну, это не совсем честно, — сказал Сатана. — Он уклоняется от предмета спора. Но я скажу тебе вот что. Видишь семь золотых подсвечников? Они волшебные. Используй их с умом, и они осветят тебе дорогу в Рай.

Адам вышел в путь. Шесть подсвечников он нес за спиной в мешке из верблюжьей кожи, а седьмой держал перед собой. Нездешний голубоватый свет четко озарял лежащий впереди путь, а Адам смело двинулся вперед.

Пройдя некоторое расстояние (свеча в драгоценном подсвечнике рассеивала тьму по сторонам), он вышел к низкой, заплетенной плющом стене. Рядом был затянутый ряской пруд. Адаму показалось, что здесь он нередко дремал и грезил в прежние райские дни, когда жизнь казалась такой простой. Он остановился, оглядываясь по сторонам, и тут свеча потухла. «Тьфу ты, пропасть», — воскликнул Адам, потому что не знал более крепких выражений — они тогда еще просто не возникли, — и вытащил вторую свечу.

Свеча вспыхнула сама, и Адам пошел дальше. На этот раз он вышел к овеваемому теплым ветерком рассветному берегу; вдалеке виднелся маленький остров. И снова он остановился, и тут же берег погрузился во тьму, и свеча погасла.

Так повторялось снова и снова. Тьма вводила Адама в заблуждение, показывала места, которые на мгновение казались утраченным Раем, но, едва гасла свеча, оборачивались чем-то совсем другим. Когда потухла последняя свеча, Адам оказался там же, откуда вышел, и здесь, хочешь не хочешь, пришлось ему оставаться.

Когда Адам в седьмой раз потерпел неудачу, Ананке постановила, что так тому и быть, и отменила свой прежний вердикт. Она указала, что Адам, несмотря на предыдущее ее решение, не

может вернуться в Рай, потому что его изгнание ознаменовало первый поворот колеса дхармы, а неспособность вернуться даже с помощью семи подсвечников выявила некий фундаментальный кодекс возможного. Ананке предположила, что весь мир разумных существ построен на ошибке, допущенной в самом начале, когда запускался кармический механизм и устанавливались правила его действия. Таким образом, Адама можно считать первой жертвой божественных причины и следствия.

Глава 3

Аретино закончил рассказ. Они с Аззи долго сидели в темноте и молчали. Наступила ночь, в оловянных подсвечниках догорели свечи.

Аззи шевельнулся и спросил:

— Где ты это взял?

Аретино пожал плечами:

— Малоизвестная гностическая басня.

— Никогда не слышал, а демоны вроде бы лучше поэтов разбираются в теологических домыслах. Ты уверен, что не выдумал это сам?

— А что, если и так? — спросил Аретино.

— Ничего, ничего! Откуда бы эта история ни взялась, мне она нравится. Наша повесть будет о семи паломниках, мы вручим каждому по золотому подсвечнику, исполняющему самое заветное желание.

— Погодите минуточку, — перебил Аретино. — Я не говорил, что золотые подсвечники существуют на самом деле. Это всего лишь легенда. Если они и есть где-то, то не обладают никакой силой.

— Это дело десятое, — сказал Аззи. — Мне понравилась история. Чтобы пересказать ее заново, нужны золотые подсвечники, пусть даже при-

дется их изготовить самим. Но, думается, где-то они есть. Если так, я их разыщу. Если нет, что-нибудь придумаю.

— А люди, которые их понесут? — спросил Аретино. — Действующие лица?

— Найду сам, — сказал Аззи. — Выберу семь паломников, дам каждому подсвечник и шанс осуществить заветное желание. Ему — или ей — довольно будет взять подсвечник — остальное делается само. По волшебству.

— А какие качества потребуются от паломников? — спросил Аретино.

— Особенно никаких. Мне нужно семь человек, которые хотят добиться желаемого, не прилагая никаких усилий. Такие отыщутся без труда.

— Вы не потребуете, чтобы они добивались желаемого упорством и добротой?

— Отнюдь. Моя пьеса будет утверждать как раз обратное. Я докажу, что каждый способен достичь величайшего Блага, не ударив пальцем о палец.

— Это и впрямь неслыханно, — отвечал Аретино. — Вы стремитесь доказать, что человеческой жизнью правят случай и везение, а не соблюдение нравственных норм.

— Именно этого я и хочу, — кивнул Аззи. — Главная цель Зла: доказать, что побеждает слабейший. Что ты думаешь о моих взглядах, Аретино?

Аретино пожал плечами:

— Всем правит случай? Так любят рассуждать слабые.

— Тем лучше. У нас будет много сторонников.

— Если вам этого хочется, — сказал Аретино, — я не возражаю. Что бы я ни писал, я всего лишь выполняю социальный заказ. В конце концов, вы платите, вы и заказываете музыку. А я отрабатываю гонорар. Хотите получить драматическое доказательство, что на желчных камнях распускаются

весенние цветы, — платите, и я напишу такой сценарий. Главное другое — нравится ли вам мой замысел?

— Еще как! — вскричал Аззи. — Приступаем немедленно!

Аретино сказал:

— Надо еще решить, в каком театре ставим. Это влияет на построение сцен. Вы уже наметили определенных актеров и актрис? Если нет, могу посоветовать.

Аззи откинулся в кресле и расхохотался. Пляшущее в очаге пламя озаряло его лисью физиономию; из-за глубоких теней черты казались еще более резкими. Демон отбросил со лба ярко-рыжую прядь.

— Кажется, я недостаточно ясно изложил тебе свой замысел, Пьетро. Я не собираюсь ставить пьесу из тех, что разыгрывают на церковных папертях и торжищах. Мне не нужны наемные актеры, которые повторяют заученные слова, — они только опоздали бы мой замысел. Нет! Я и впрямь отберу обычных людей, чьи желания и страхи окрасят их игру правдоподобием. Вместо подмостков с намалеванным задником я дам им целый мир, и в этом мире суждено разворачиваться их драме. Мои семеро паломников будут играть, как в жизни — да это и будет их жизнь. Приключения каждого, после того как он получит подсвечник, превратятся в отдельную повесть, и среди семи повестей не будет двух одинаковых. Как в «Декамероне» или «Кентерберийских рассказах», только лучше, ведь писать будете вы, мой дорогой маэстро.

Аретино легонько поклонился.

— Наши актеры будут жить на сцене, — продолжал Аззи, — не подозревая о существовании зрителей, то есть нас.

— Будьте покойны, я им не проболтаюсь, — сказал Аретино.

Он хлопнул в ладоши — вошел сонный слуга, подал заветрившиеся пирожные. Аззи из вежливости взял одно, хотя редко ел человеческую пищу. Он предпочитал традиционную адскую кухню: засахаренные крысиные головы или человеческие ляжки, хорошенько прожаренные и со шкварками. Однако Венеция — не ад, приходится есть, что дают.

Перекусив, Аретино зевнул, потянулся и прошел в соседнюю комнату умыться из таза. Вернулся он с дюжиной новых свечей, поставил в подсвечники и зажег. В их неверном свете зрачки у Аззи поблескивали, рыжий мех на руках наэлектризовался.

Аретино опустил в кресло напротив.

— Если ваш театр — весь мир, то кто же зрители? Где вы их рассадите?

— Я ставлю пьесу на все времена, — сказал Аззи. — Истинные мои зрители еще не родились. Я творю, Пьетро, для будущих поколений, которым предстоит воспитываться на нашей пьесе. Ради них мы трудимся.

Аретино постарался мыслить практически — задача не из легких для итальянца времен Возрождения. Он выпрямился, огромный, взьерошенный, румяный и большеносый.

— Так, значит, от меня не требуется писать сценарий?

— Не требуется, — подтвердил Аззи, — актеры сами сочинят свои строки. Но ты будешь допущен ко всем действиям и разговорам, увидишь и услышишь реакцию актеров на события и на этом материале напишешь пьесу, которую увидят грядущие поколения. Однако первое исполнение превратится в легенду — так и рождаются мифы.

— Замысел грандиозный, — согласился Аретино. — Не сочтите за придирки, если я скажу, что передвижу кое-какие затруднения.

— Говори!

— Я считаю, что наши актеры, откуда бы они ни вышли, должны под конец прийти со своими подсвечниками в Венецию.

— Так я себе и представляю, — сказал Аззи. — Во-первых, я хотел бы приобрести твой сюжет о семи свечах для моего сценария. — Аззи вытащил маленький, но увесистый мешочек и вручил Аретино. — Думаю, это покроет твои начальные расходы. Там, где я их взял, осталось еще много. Твое дело — набросать сценарий. Помни, что диалоги сочинять не надо. Актеры, которых я выберу, сделают это сами. Ты будешь смотреть и слушать, как постановщик и продюсер. А после напишешь свою пьесу.

— Охотно, господин. Но как я смогу присматривать за постановкой, коль скоро вы создадите видимость Венеции и перенесете ее в пространстве и времени?

— Для этого, — ответил Аззи, — я с помощью талисманов и заклятий научу тебя свободно перемещаться в пространстве и времени.

— А что будет с Венецией, когда мы закончим? — спросил Аретино.

— Мы вернем нашу позаимствованную Венецию обратно на временную траекторию реальной Венеции, и та пристанет точнехонько, как тень пристаёт к предмету. С этого мгновения наша легенда перерастет разряд частных и обогатит общечеловеческую мифологию, ее события и следствия войдут в исторические анналы.

— Господин, я бесконечно благодарен за те возможности, которые вы предоставляете мне как художнику. Такого не сподобился и Данте.

— Значит, за работу, — подытожил Аззи, вставая. — Запиши начисто историю о семи золотых подсвечниках. До скорого. Пока мне придется заняться делами.

И он исчез.

Аретино в изумлении провел рукой по тому месту, где только что сидел Аззи, но ощутил лишь пустой воздух. Однако золото, которым расплатился демон, приятно оттягивало ладонь.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Аззи вышел от Аретино в приподнятом настроении, история Адама еще звучала в его ушах, но острое демоническое чутье уже подсказывало: что-то идет не так.

Погода по-прежнему стояла замечательная. В лазурном небе плыли легкие перистые облачка, похожие на слепленные детьми снежные галионы. Вокруг веселилась и трудилась Венеция. По Большому каналу плыли груженные тканями и снадью тяжелые баржи, их тупые, ярко раскрашенные носы рассекали мелкую рябь. Мимо проскользнула, сверкая черным бархатом и серебром, погребальная барка; на носу ее стоял гроб, на палубе сбились в кучку одетые в черное плакальщики. Звонили колокола. По набережным сновал народ, мимо Аззи прошел, звеня бубенцами, комедиант в дурацком колпаке — как пить дать, на представление. Торопливо просеменили пять монахинь, концы их длинных белых покрывал крыльями развевались за спиной, и казалось — они сейчас взлетят. На причальной тумбе возле привязанных в ряд

гондол сидел высокий человек в белом атласном костюме и широкополой шляпе. Он цветными мелками рисовал в альбоме вид на канал.

Аззи подошел ближе.

— Похоже, мы снова встретились.

Бабриэль поднял голову. У него отвалилась челюсть.

Аззи зашел ему за спину, заглянул в альбом.

— Это ты с натуры рисовал? — спросил демон.

— Да. А что, сразу не видно?

— Я засомневался, — сказал Аззи. — Линии вот тут...

Бабриэль кивнул:

— Знаю, неправильные. Я еще немного не в ладах с перспективой, но мне казалось, главное удалось схватить.

Аззи прищурился:

— Неплохо для дилетанта. Я не ожидал тебя здесь встретить. Ты вроде собирался вернуться на Небеса.

— Я и вернулся. Но Михаил отправил меня обратно — сделать несколько набросков, чтобы глубже проникнуться европейским искусством. Он, кстати, передавал тебе привет. И просил узнать, как поживает твой друг Аретино.

— Откуда ты знаешь про Аретино?

— Я видел, как ты от него выходил. Разумеется, он очень знаменит, хотя стихи его явно не для Рая. Кошмарная личность, правда? Входит в десятку величайших грешников 1523 года.

Аззи фыркнул:

— Моралисты всегда предвзято относятся к писателям, которые изображают жизнь, как она есть, а не как должна быть. Кстати, я принадлежу к числу его поклонников. И заходил всего лишь выразить восхищение, ни за чем другим.

Бабриэль вытаращился на демона. У него и в мыслях не было спрашивать, что Аззи делал у Аретино. Но теперь, когда Аззи сам привлек внимание к этой теме, у ангела зародились сомнения. Хотя Михаил упомянул, что, возможно, затевается нечто предосудительное, Бабриэль пропустил предупреждение мимо ушей. Аззи — его друг, пусть даже и служит Злу, и Бабриэлю не верилось, что тот может замышлять дурное.

Сейчас ему впервые пришло в голову, что его друг, похоже, вынашивает какой-то план, а значит, его, Бабриэля, обязанность разузнать, какой именно.

Они расстались, предварительно заверив друг друга во взаимном уважении и договорившись как-нибудь позавтракать вместе. Аззи пошел прочь. Бабриэль проводил его долгим взглядом и вернулся к своему альбому.

Когда Бабриэль возвратился в гостиницу, вечер еще не наступил. Четырехэтажное здание просело под собственной тяжестью и казалось стиснутым соседними, более высокими строениями. Здесь жили с полдюжины ангелов, потому что синьор Амаччи, мрачный, почтительный хозяин заведения, установил специальные скидки для постояльцев духовного звания. Одни говорили, будто ему известно, что благовоспитанные молодые люди с правильными чертами лица, которые иногда приезжают к нему из неназванной северной страны, — ангелы. Другие повторяли шутку папы Григория и утверждали, что он якобы видит в них ангелов.

Когда вошел Бабриэль, сидевший за конторкой Амаччи сообщил:

— Вас ждут в гостиной.

— Посетитель! Как мило! — сказал Бабриэль и торопливо прошел в гостиную.

Маленькая гостиная располагалась в полуподвальном этаже, однако в ее узкие окна проникал яркий уличный свет, придавая ей сходство с церковью, столь милое сердцу благонравных постояльцев. Михаил-архангел сидел в высоком плетеном кресле и листал папирусную брошюру, восхваляющую прелести Верхнего Египта. Он торопливо захлопнул рекламку.

— А, Бабриэль! Я ненадолго, заглянул узнать, как тебе отдыхается.

— Замечательно, сэ, — сказал Бабриэль и протянул альбом со словами: — Я так и не освоил этот фокус с перспективой, сэ.

— Продолжай тренироваться, — посоветовал Михаил. — Живописные навыки помогут тебе оценить многочисленные шедевры из превосходного небесного собрания. Встречал своего друга, Аззи?

— Да, сэ. Недавно я видел, как он выходит от Пьетро Аретино, прославленного автора непристойных стихов и возмутительных пьес.

— Вот как? И что это, по-твоему, значит? Просто дань восхищения?

— Я сам так поначалу думал, — отвечал Бабриэль. — Однако, когда я упомянул Аретино, мой друг неожиданно смешался, и у меня зародились подозрения. Впрочем, мне не хотелось бы обвинять кого-либо в двурушничестве, сэ, тем более — друга, пусть даже и демона.

— Твоя совестливость делает тебе честь, — сказал Михаил. — Хотя мы и не ждем другого от полностью окрыленного ангела. Но посуди сам. Аззи не был бы честным служителем Тьмы, если бы не стремился всеми правдами и неправдами содействовать распространению Зла. Обвинять его в коварстве — значит всего лишь отдавать ему должное. Конечно, он замышляет недоброе! Вопрос: что именно?

— У меня нет даже предположений.

— И все же, полагаю, надо навести справки. Аззи уже не мелкая сошка. Дважды он участвовал в крупных операциях: сперва в истории с Прекрасным принцем, затем в деле Фауста, которое до сих пор разбирается в судах Ананке. Насколько я понимаю, Аззи сейчас — не последний демон в советах неправедных. Мне ясно, что он один из главных заправил в тех играх, которые время от времени затеваются с целью обмануть человечество и направить его на путь погибели.

— Мой друг играет в этом важную роль? — Глаза Бабриэля округлились от изумления.

— Похоже, что так, — кивнул Михаил. — По крайней мере, мне представляется разумным выяснить, что привлекло его к лукавому умнику Аретино.

— Наверно, вы правы, сэр, — сказал Бабриэль.

— И никто лучше тебя, дорогой, с этим не справится.

— Меня? О нет, только не я, сэр! Ваше архангельское преподобие знает, как я простодушен. Попытайся я завести двуличный разговор, чтобы выведать его намерения, Аззи в два счета меня раскусит.

— Знаю, — сказал Михаил. — Мы все слышаны о твоей искренности. Но ничего не попишешь. Кому, как не тебе, провести небольшую рекогносцировку? Ты уже в Венеции, и тебе несложно будет свести знакомство с Аретино. Зайди к нему, скажи, что давно восхищаешься его творчеством, поговори, посмотри на дом — может, что и увидишь. Стоит даже пригласить его в ресторан, завязать более близкие отношения. Расходы спишем на Небесное Слежение.

— Вы думаете, порядочно шпионить за другом?

— Здравый смысл отвечает: да, — заявил Михаил. — Нельзя предать друга, только врага. Не предашь — не покаешься, не покаешься — не спасешься.

Бабриэль кивнул и согласился сделать, как велено. Только некоторое время спустя до него дошло, что Михаил так и не дал прямого ответа. Однако думать было уже поздно. Предавать друга, может, и непорядочно, но вот нарушать архангельский приказ уж точно не следует.

Глава 2

На следующий день с двенадцатым ударом колокола Бабриэль постучал к Аретино.

Никто не ответил, хотя из дома доносился шум: играли сразу на нескольких музыкальных инструментах и говорили, то и дело раздавались взрывы хохота. Бабриэль снова постучал. На этот раз открыл слуга, вполне приличного вида, только парик на нем сидел набекрень. Лицо у слуги было такое, будто он пытается делать сразу дюжину дел.

— Я хотел бы видеть синьора Аретино, — сказал Бабриэль.

— Ой, понимаете, у нас тут все вверх дном, — отвечал слуга. — Может, заглянете другой раз?

— Мне нужно сейчас, — заявил Бабриэль с непривычной твердостью, еще подогреваемой мыслью, что скоро придется докладывать о своих успехах — или неудачах — Михаилу.

Слуга отступил назад и пропустил ангела в дом, затем провел в гостиную.

— Будьте добры, подождите здесь. Сейчас спрошу хозяина, может ли он с вами поговорить.

Бабриэль несколько раз качнулся с пятки на носок — этому способу скоротать время он научился давным-давно. Оглядел комнату, увидел на

столе рукопись, но только успел прочесть слова «праотец Адам», как в комнату ввалилась шумная компания. Бабриэль виновато отпрыгнул от стола.

Оказалось, что это музыканты: они были запросто, без камзолов, и наигрывали на инструментах, причем явно не божественное, а веселенький танцевальный мотивчик.

Оркестранты прошли мимо Бабриэля, едва удостоив его взглядом. Они направлялись в глубь дома, откуда доносился гул разговора, истошный хохот и визг — похоже, веселились на славу. Бабриэль еще раз взглянул на рукопись, и в этот раз сумел прочесть целую фразу: «Праотец Адам, изгнанный из Рая за то, что вкусил от плода познания...», но тут его отвлек девический хохот.

Ангел поднял глаза: в комнату, резвясь, вбежали два юных создания: одно с копной взерошенных черных волос, другое со спутанными белокурыми локонами. Яркие прозрачные платья соблазнительно развевались — одна девушка убежала, другая делала вид, что преследует, и Бабриэль покраснел, потому что легкий беспорядок в одежде красавиц позволял лицезреть и карминно-красные соски, и розовые ляжки.

Прелестницы остановились перед Бабриэлем, и блондинка спросила, мило коверкая слова на французский манер:

— Эй, ты! Видел его?

— Кого его?

— Этого гадкого Пьетро! Он обещал потанцевать со мной и с Фифи.

— Нет, не видел, — ответил Бабриэль. Ему хотелось перекреститься, но он сдерживался — боялся обидеть дам.

— Он где-то здесь, — сказала блондинка. — Идем, Фифи, найдем его и зададим ему трепку. — Она обожгла Бабриэля таким взглядом, что тот

задрожал от макушки до кончиков пальцев на ногах. — Хочешь с нами?

— Нет, нет, — торопливо отвечал Бабриэль. — Мне велели ждать здесь.

— А ты всегда делаешь, как велено? Вот скуко-тища-то!

Девушки со смехом упорхнули в соседнюю комнату, оттуда в коридор и скрылись из глаз. Бабриэль утер со лба пот и вновь заглянул в рукопись. На этот раз он разобрал название: «Легенда о семи золотых подсвечниках», но тут раздался шум шагов, и Бабриэль отступил от стола.

Вошел Аретино. Борода его была всклокочена, камзол расстегнут, чулки спущены. На тонкой льняной рубашке адело пятно — похоже, от вина. Его явно заносило вправо, налитые, в черных кругах, глаза выдавали человека, который и без того слишком много повидал, но все равно стремится увидеть больше. В руке он держал початый бурдюк с вином и на ногах держался не очень уверенно.

Стихотворец не без труда остановился напротив Бабриэля и надменно спросил:

— Кто вы, черт возьми, такой?

— Студент, — отвечал Бабриэль. — Бедный студент из Германии. Я пришел в Венецию, чтобы погреться в лучах вашего гения, дражайший маэстро, и, если позволите такую дерзость, пригласить вас в ресторан. Я — самый горячий из ваших поклонников по северную сторону Аахена.

— Вот как? — сказал Аретино. — Вам нравится, что я пишу?

— Нравится — не то слово, дражайший маэстро, чтобы выразить мое отношение к вашим творениям. Люди зовут вас Божественный Аретино, но такая хвала лишь умаляет величие вашего гения.

Бабриэль от природы не был льстецом, но успел повидать мир, поворачаться в самых различных сферах и поднабраться нужных словечек. Единственное, чего он боялся, — переборщить. Но Аретино, особенно в теперешнем его состоянии, никакая похвала не казалась чрезмерной.

— Хорошо излагаешь, мой мальчик, вот что я скажу. — Аретино замолчал, пытаясь справиться с икотой. — Рад был бы сходить с тобой в ресторан, но придется отложить до лучших времен. Мы как раз обмываем мой новый контракт. Куда, черт возьми, запропастились гости? Как пить дать, уже расплозились по спальням. Но от меня так просто не уйдешь! — С этими словами он неверной походкой направился к дверям.

— Позвольте осведомиться, дражайший маэстро, что это за контракт? Ваши почитатели по всей Европе сгорают от любопытства.

Аретино остановился, задумался, потом вернулся в комнату, взял со стола рукопись и сунул ее под мышку. Потом сказал:

— Нет! Я дал слово молчать. Но обещаю: и вы, и весь остальной мир будете изумлены. Один только размах... Впрочем, ни слова больше!

И с этими словами он вышел из комнаты, почти даже не пошатываясь.

Глава 3

Бабриэль рванул напрямиком на Небеса, в пригород — там у Михаила был дачный домик в несколько этажей. Он ворвался в студию, уютную светлую комнату, где архангел с пинцетом и лупой в руках разбирал коллекцию марок на столе розового дерева под лампой от Тиффани. Когда белокурый ангел влетел в дверь, поднялся сквозняк, марки весело запорхали. Бабриэль подхватил Кейптаунский Треугольник, когда тот уже вылетал в окно, и от греха подальше сунул под пресс-папье.

— Жутко извиняюсь, — пробормотал Бабриэль.

— Просто старайся впредь умерять свои порывы, — сказал Михаил. — Ты не представляешь, как трудно вывезти эти редкие экземпляры с Земли, избегая лишних вопросов. Я так понял, что твое расследование увенчалось успехом?

Бабриэль одним духом выложил про рукопись, ее заголовок, первую строчку, про то, что Аретино обмывает заключение нового контракта, судя по размаху пирушки — хорошо оплачиваемого.

— «Семь золотых подсвечников», — задумчиво произнес Михаил. — Вроде никакого криминала не слышно, но все равно спросим-ка у компью-

тера, который недавно установил нам небесный департамент соблазнительных ересей.

Он провел Бабриэля через холл в кабинет, где рядом с готическими шкафами для папок и романским письменным столом располагался компьютерный терминал в стиле модерн. Архангел сел за клавиатуру, нацепил очки и набрал несколько ключевых слов, нажал на какие-то клавиши, и по экрану побежали черные и зеленые строчки. Бабриэль заморгал, но строки мелькали слишком быстро. Михаил, похоже, считывал информацию без всяких затруднений, потому что скоро кивнул и оторвал глаза от экрана.

Многие возмущались — компьютеры-де в Раю неуместны. Но сторонники нововведения выдвинули довод: компьютеры — всего лишь логическое развитие гусиного пера и глиняной таблички, каковые предметы исстари дозволялось изображать в горних интерьерах как аллегория Информации. По сути своей они не отличаются от древних письменных принадлежностей, но при этом позволяют хранить в сжатом виде множество сведений, чем выгодно отличаются, скажем, от каменных скрижалей — те поди поворожай, да еще в хранилищах приходится дополнительно укреплять полы. Пергаментные свитки, хотя и легче скрижалей, тоже не лишены недостатков, и главное — они не вечны.

— Что говорит компьютер? — спросил Бабриэль.

— Похоже, имеется древняя гностическая легенда, будто Сатана дал Адаму семь золотых подсвечников, чтобы тот возвратился в Рай.

— И что, он возвратился? — с жаром спросил Бабриэль.

— Вот еще, — буркнул Михаил. — Неужто бы я не знал, если б такое случилось? Вся человеческая история основана на том, что Адам не вернулся в Рай, и с тех пор каждый туда стремится.

— Конечно, сэр. Я не подумал.

— Если Враг подбирается к истории с первых дней творения, когда закладывались основы взаимодействия человеческого и духовного миров, нам стоит серьезно задуматься. Семь золотых подсвечников!

— А были они вообще? — спросил Бабриэль.

— Вряд ли.

— Тогда их попросту не существует и, значит, вреда от них никакого.

— Не торопись с выводами, — сказал Михаил. — Мифы — препаскудная штукавина. Если подсвечники существовали и попадут в неподходящие руки, может произойти масса неприятностей. Риск настолько велик, что, я полагаю, мы должны допустить их существование, пока не докажем обратное, и даже в этом случае не терять бдительности.

— Да, сэр. Но если Аззи заполучил подсвечники, что он будет с ними делать?

Михаил покачал головой:

— Это по-прежнему от меня сокрыто. Ладно, я лично займусь этим делом.

— А мне как быть, сэр? — спросил Бабриэль. — Продолжать ли следить за Аззи?

Архангел кивнул:

— Ты попал в самую точку.

Бабриэль поспешил обратно в Венецию. Однако беглый, а затем и внимательный осмотр убедил его, что Аззи в городе нет.

Глава 4

Аззи срочно вызвали на ковер. Голова у него еще шла кругом, когда он дожидался в приемной у Сатаны в белом дощатом домике, где обычно работал глава адской исполнительной власти.

Вышел демон в синем костюме и при галстукe.
— Его Превосходительство примет вас немедленно.

И в ту же секунду Аззи оказался в личных покоях Сатаны. Больше всего они походили на гостиную в фешенебельном доме на Лонг-Айленде. В обстановке не было ничего особенно бесовского — награды гольф-клуба, охотничьи гравюры и запах хорошей старой кожи. Разумеется, у Сатаны имелся изысканный адский реквизит: записи черных месс, орудия пыток и прочий дорогой антиквариат, однако Аззи провели в другую, деловую часть дома.

Сатана был мал ростом, лысоват, в очках, с мелкими, излишне правильными чертами лица. Он мог принимать любое обличье, но, как правило, не любил пускать пыль в глаза. Сейчас на нем был желтый халат и кашемировый шейный платок.

— Ах, Аззи, сколько лет, сколько зим! Мы ведь не виделись с тех пор, как я читал тебе в Университете этику Зла. Славное было времечко!

— Да, время было замечательное, сэр, — отвечал Аззи. Он всегда благоговел перед Сатаной — одним из главных архитекторов и теоретиков Зла, которому в юности старательно подражал.

— Что тут мне рассказали, — спросил Сатана, — будто ты собрался ставить пьесу?

— Да, — кивнул Аззи. — Это правда.

Он рассчитывал, что начальство одобрит его инициативу, тем более что Сатана всегда советовал молодым демонам не дожидаться указаний, а пойти и сделать самим какую-нибудь пакость.

— Мысль поставить душевредную пьесу осенила меня, когда я смотрел спектакль прямо противоположного толка. Понимаете, сэр, ваши оппоненты вечно тщатся доказать, что добрые поступки — единственный способ добиться добрых результатов. Это ложь и пропагандистский трюк. Моя пьеса высветит всю его абсурдность.

Сатана рассмеялся, впрочем, несколько натужно.

— Ну, я бы так не сказал. Антитеза Добру совсем не обязательно Зло. Тебе следовало бы помнить — я разбирал это на семинаре по основам inferнальной логики.

— Да, сэр. Я совсем не стремлюсь доказать, будто Зло утверждает: можно пожинать лавры, ничего для этого не делая.

— Да уж, Добро так не утверждает. Это просто жизненный факт, равно справедливый для добрых и злых.

— Конечно, сэр, — согласился Аззи. — Кажется, я понимал это несколько по-иному. Я хочу сказать: разве нельзя поставить пьесу, которая показывала бы Зло с хорошей стороны?

— Разумеется, можно! Но зачем идти по такому скучному пути? Почему не показать, что Зло умно и современно?

— А это правда, сэр? Ну да, конечно! Не знаю, сэр, просто мысль показалась мне удачной. Понимаете, получится забавно, а наши оппоненты — такие серьезные.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мы в аду — не серьезные? Уверяю тебя, ты ошибаешься.

— Я не хотел этого сказать, сэр.

— Я бы на твоём месте хорошенько подумал, — назидательно изрек Сатана. — Не хочу приказывать, чтоб ты немедленно свернул проект. Может, повременишь? Я найду тебе другое дело.

— Повременить, сэр? Невозможно. Я уже подключил людей, — сказал Аззи. — Пообещал им работу. Не хотелось бы просто сделать всем ручкой и вернуться в Пекло. Если, разумеется, вы этого не прикажете.

— Нет, нет, — воскликнул Сатана. — Такого приказа я не отдам. Меня поднимут на смех, если я запрещу своему же демону ставить пьесу в защиту Зла! Нет, мой дорогой, решай сам. Только помни: если твой довольно глупый замысел приведет к нежелаемым результатам... ну, тебя предупредили. Мы советовали хотя бы подождать и еще раз все хорошенько обдумать.

Аззи был так потрясен, что забыл спросить о главном: а была ли история с подсвечниками? Однако ушел он с твердой решимостью продолжать дело и перво-наперво посетить того, кто поможет ему с подсвечниками, мифическими или реальными.

Глава 5

Аззи вознамерился узнать, существуют ли на самом деле золотые подсвечники. Он предусмотрел обе возможности: если существуют, он использует их в пьесе, которую поставит в назидание людям и духам, а нет — найдет умельца и попросит изготовить точные копии.

Однако он верил, что подсвечники найдутся.

В Аду вам каждый скажет, кто быстро разрешит любой трудный вопрос, — разумеется, Корнелий Агриппа, крупнейший специалист своего времени, не утративший влияния на умы и в эпоху Ренессанса. Он жил в идеальной сфере собственного изобретения, не духовной и не материальной, а вообще никакой. Агриппа сам удивился, когда она возникла, и до сих пор не нашел времени включить ее в свою систему.

Система основывалась на постулатах настолько очевидных, что всякие доказательства казались излишними, однако любая попытка обосновать ее или применить на практике сталкивалась с непредвиденными сложностями. Система гласила: космос и все, что в нем, — едино, как внизу, так и вверху, все части всего взаимозависимы. Из этого вытекало, что любая часть влияет на любую другую часть

и обозначение или символ чего бы то ни было может воздействовать на любой обозначаемый этим символом объект, поелику они равнозначны в единстве всего сущего. Вроде все логично. Трудности возникали на стадии доказательства. Агриппа научился управлять многим с помощью многого, но еще не научился управлять всем и всегда. Мало того, он не принимал во внимание случайность, которая время от времени смешивала его карты самым непредсказуемым образом, а значит — не имела права существовать в упорядоченной Вселенной и, следовательно — являлась проявлением некой неведомой силы.

Этим и сходным размышлениям Агриппа предавался в старом островерхом доме, помещенном в пространство, не принадлежащее ни к материальному, ни к духовному миру.

— Аззи! Какая приятная неожиданность! — вскричал маг. — Вот, поддержи, ладно? Я собираюсь превратить золото в черный пар.

— А это обязательно? — спросил Аззи, держа реторту, которую сунул ему Агриппа.

— Обязательно, если хочешь совершить обратное превращение.

— Тогда почему не оставить его, как есть? — спросил Аззи. Реторта в его руке забулькала, прозрачная жидкость стала охристо-желтой с прозеленью. — Что это?

— Верное средство от простуды, — сказал Агриппа.

Ростом пониже среднего, он носил приличествующую философу окладистую бороду, усы и даже пейсы, как у хасидских раввинов, с которыми нередко общался в тавернах преисподней, куда те ходили покушать и поговорить за интеллект. Одет он был в длинную мантию и остроконечный колпак с оловянной пряжкой.

— Зачем такому уму, как ваш, опускаться до снадобья от простуды?

— Стараюсь не отрываться от практики, — объяснил Агриппа. — Что до опытов с золотом, я ищу способ превратить его в черный пар и слякоть, чтобы научиться превращать черный пар в золото.

— Это ж сколько получится золота, — уважительно протянул Аззи, припоминая всю виденную в жизни слякоть.

— Много. Но того люди и хотят — много золота. Алхимия же призвана служить человечеству. Так чем могу служить?

— Не доводилось ли вам слышать, — начал Аззи, — о семи золотых подсвечниках, которые Сатана якобы дал Адаму, чтобы осветить дорогу в утерянный Рай?

— Что-то припоминается. Где моя сова?

Услышав, что ее зовут, большая снежная сова расправила крапчатые крылья и слетела с высокого насеста под потолком.

— Принеси мои свитки, — велел Агриппа.

Сова сделала круг по комнате и вылетела в окно. Агриппа рассеянно огляделся, увидел реторту в руках у Аззи, глаза его загорелись.

— А, давайте сюда! — Он нагнулся над ретортой. — Самое то. Не от простуды, так от чесотки. Я близок к панацее, лекарству от всех болезней. Теперь посмотрим, как там у нас слякоть.

Он заглянул в печурку, где кипело и пузырилось золото. Нахмурился:

— Вся выгорела. Можно попробовать восстановить ее по памяти, поскольку доктрина вселенской взаимосвязи исключает неразрешимые ситуации: и все, что способен произнести язык, может постичь разум и взять рука. Но легче начать с новым золотом. А вот и моя сова.

Сова опустилась магу на плечо. В клюве она держала большой пергаментный свиток. Агриппа забрал его, и сова вернулась на насест. Агриппа развернул свиток, пробежал глазами.

— Ага! — вскричал он. — Есть! Семь золотых подсвечников действительно существуют и хранятся в манихейском замке Крак Геррениум.

— Где это? — спросил Аззи.

— В преисподней, к югу от нулевого чистилищного меридиана. Знаете, как туда добраться?

— Разумеется, — сказал Аззи. — Спасибо большое! — И он полетел прочь.

Глава 6

Бабриэль сделал все, чтобы не пропустить возвращения Аззи. Ангел нашел квартирку неподалеку от дома Аретино, маленькую, да ему большая и не требовалась. Нанял служанку — бодрую беззубую старушку с круглыми, как пуговицы, черными глазками. Она пекла ему трудный хлеб праведников, который Бабриэль предпочитал всякому другому, мыла кисти, когда он возвращался с этюдов, и вообще всячески за ним приглядывала.

Бабриэль проморгал бы Аззи, потому что демон молнией сверкнул в ночи и опустился прямо перед домом Аретино. Но Агата — так звали старушку — не дремала, и все ее семейство тоже. Отец Агаты, Менелай, первым заметил блеснувшую на западе зарницу и приковылял сообщить дочери. Та взяла свечу, прошаркала по темным коридорам к Бабриэлю, постучала и вошла.

— Господин, тот, кого ты ищешь, — в Венеции, — доложила она.

— Наконец-то! — вскричал Бабриэль, закутался в плащ — самый темный, какой мог сыскать, — и двинулся к дому Аретино.

Решив прибегнуть к хитростям, о которых столько слышал, Бабриэль влез по заплетенной

виноградом решетке на балкончик под окном второго этажа. Ангел видел, что Аззи и Аретино в комнате, но не мог разобрать голосов. Он раздраженно произнес: «Пора прибегнуть к чудесам», и тут же светлячок отделился от хора и приблизился к Бабриэлю.

— Добрый вечер, сэръ. Могу чем-нибудь услужить?

— Необходимо выяснить, о чем говорят в доме.

— Положитесь на меня, уж я-то разужнаю.

Светлячок поискал и вскоре нашел щелочку в оконной раме. Он пролез в нее как раз вовремя, чтобы услышать: «Не знаю, что ты задумал, Аретино, но давай попробуем. И без промедления!» За этим последовала вспышка света, и Аззи с Аретино исчезли.

Светлячок вернулся и все рассказал Бабриэлю, который решил, что столкнулся с весьма запутанной ситуацией, потому что не понял ровным счетом ничего.

В доме как раз перед тем, как туда проник светлячок, Аззи говорил:

— Я заскочил сказать, что подсвечники на-шлись.

— Правда? Где же они?

— Если верить Корнелию Агриппе — в преисподней, в замке. Я слетаю туда, узнаю, можно ли их взять, и тогда назначу их призами.

— Призами?

— Ну же, Пьетро, соображай! Ты выдумал подсвечники. Или вспомнил легенду, неважно. Подсвечников семь, значит, нам понадобятся семь паломников. Им достаточно будет взять подсвечники, и заветные желания сразу исполнятся. Как тебе это?

— Замечательно, — сказал Аретино. — Это то, о чем я всегда мечтал. Взять что-нибудь в руку, загадать желание, и чтоб оно тут же исполнилось.

— И, прибавь, не потому, что ты этого заслужил, а просто потому, что тебе попался в руки волшебный предмет. Так и должно быть. Иногда так и бывает. По крайней мере, в моей пьесе. Я скажу своим добровольцам, что единственная их задача — отыскать подсвечники, а дальше все устроится само. В сущности.

Аретино поднял брови, потом кивнул и пробормотал:

— В сущности, да. Но как они получают подсвечники?

— Я дам каждому по талисману, и талисманы выведут их к подсвечникам.

— Звучит здорово. Значит, мы отправляемся в преисподнюю. Далеко это?

— Порядочно, по объективным меркам, — сказал Аззи. — Но мы перенесемся туда в мгновение ока. Для сочинителя это должно показаться занятно, Пьетро. Насколько я знаю, никто из живых не бывал в преисподней, за исключением Данте. Может, тебе лучше остаться?

— Ни за что на свете! — воскликнул Аретино.

— Тогда в путь. — Аззи взмахнул рукой, и они исчезли.

Лимб — первый круг Дантова ада — поначалу разочаровал Аретино. Вся местность была окрашена в различные оттенки серого. На переднем плане торчали прямоугольные колоды, на одной из них стоял Аззи. А может, он стоял на том, что это — деревья. В таком месте трудно сказать, кто на чем стоит.

На заднем плане треугольные кляксы, посветлее и поменьше, изображали горы. Пространство

между горами и деревьями было заполнено черкушками, которые могли символизировать что угодно. Ни ветерка, только кое-где лужицы стоячей воды.

Внимание Аретино привлекло маленькое черное пятнышко на горизонте. Они двинулись в его сторону. Над головой со свистом проносились летучие мыши, из-под ног разбегались грызуны.

Глава 7

Над дверями замка Крак Гёррениум висела табличка: «ОСТАВЬ УХИЩРЕНИЯ РАЗУМА, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».

Из дома доносилась тихая музыка. Мотивчик был живой и в то же время как бы похоронный. Аретино не то чтобы испугался — поэту трудно испугаться, когда он идет рядом с собственным демоном. Демон куда страшнее окружающего мира.

Из низкой сводчатой двери вышел, пригнувшись, рослый широкоплечий мужчина. На нем был развевающийся плащ поверх камзола и перевязи, на ногах — остроносые башмаки. С чисто выбритого смелого лица смотрели большие выразительные глаза, говорящие о незаурядной проницательности своего владельца.

Мужчина выступил вперед и низко поклонился.

— Я — Фатус. Кто вы такие?

— Так это замок Фатуса, — пробормотал Аретино. — Красота какая!

— Я знал, что тебе понравится, — сказал Аззи, — всем известно, что ты обожаешь новизну.

— Мой вкус к новизне касается больше людей, чем вещей, — заметил Аретино.

Фатус подмигнул гостям.

— Добрый день, о демон! Вижу, ты привел друга.

— Это Пьетро Аретино, — представил Аззи. — Смертный.

— Очень приятно.

— Мы с просьбой и надеемся, что ты можешь нам помочь.

Фатус улыбнулся и махнул рукой. Тут же из воздуха возникли стол и три стула. На столе стояли вино и ваза со сладостями.

— Не соблаговолите перекусить, пока мы беседеуем?

Гости сели.

Они прихлебывали вино и говорили. Фатус снова махнул рукой, по его сигналу из дома выскочили жонглеры. Они были из породы, которую обычно называют ловкачами: жонглировали исками и репрессалиями, перебрасывали и отфутболивали жалобы. Аззи весьма дивился их сноровке.

Наконец Фатус с улыбкой произнес:

— Довольно обольщений. Чем могу вам помочь?

— Я слышал, — сказал Аззи, — будто в вашем замке хранится много древних диковинок.

— Верно, — кивнул Фатус. — Все в конечном счете стекается ко мне, и я для всего нахожу место. По большей части это утиль, но попадаются и стоящие вещицы. Иногда сокровища происходят из подлинных откровений, иногда — из историй, в которых нет и крупницы правды. Мне все равно, я не делаю различий между реальным и вымышленным, сбывшимся и несбывшимся, явленным и скрытым. Что именно вы разыскиваете?

— Семь золотых подсвечников, — сказал Аззи, — которые Сатана дал праотцу Адаму.

— Я знаю, о чем вы говорите. Могу показать изображения.

— Мне нужны сами подсвечники.

— А что вы собираетесь с ними делать?

— Мой дорогой Фатус, я начинаю грандиозное предприятие, и подсвечники играют в нем важную роль. Но, может быть, они вам самому нужны?

— Отнюдь, — сказал Фатус. — Я с радостью одолжу их вам.

— Я предполагал, — промолвил Аззи, — одолжить их людям, чтобы те исполнили свои заветные желания.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Фатус. — Такое следовало бы делать почаще. Как именно вы намерены это осуществить?

— С помощью талисманов, — сказал Аззи.

— Талисманов! — повторил Фатус. — Замечательно! Талисманы — отличное подспорье почти в любом деле.

— Да, — сказал Аззи. — Этим они и хороши. Теперь, если позволите, мы с Аретино заберем подсвечники и вернемся на Землю за талисманами.

Глава 8

Аззи спрятал подсвечники в пещере возле Рейна, потом завернул в Венецию, где оставил Аретино.

В поход за талисманами смертного было лучше не брать.

Аззи, не мешкая, пустился в путь, воспользовавшись сезонным пропуском на прямую дорогу в Ад, через небесную твердь к реке Стикс. Прямая, вымощенная благими намерениями дорога вывела его на вокзальную площадь, откуда отходили поезда в Пекло и где на огромном сатанинском табло загорались номера готовых к отправлению составов. Длинный ряд адских машин, в основном паровозов, растянулся, сколько хватало глаз. У каждого на передней площадке стоял кондуктор, нетерпеливо поглядывал на часы и дожевывал бутерброд.

— Может, чем помогу вам, сэр?

К Аззи подошел профессиональный гид, из тех, что ошиваются на каждом большом вокзале. Этот был гоблином в надвинутой на глаза кепке — он

сунул в карман полученную монетку и повел Аззи к поезду.

У демона еще осталось время найти вагон-ресторан и выпить чашку кофе, прежде чем поезд отошел от адского перрона и запыхтел по выжженной местности к Интендантску-на-Стиксе. Меньше чем через час они прибыли.

Смотреть было особенно не на что. Интендантск состоял из однообразных безликих домишек, редких притонов и киосков с горячими сосисками. Дальше начиналась собственно интендантская часть — огромный складской комплекс на берегу Стикса, снабжавший обитателей Ада всем необходимым в их зловредной деятельности.

Комплекс представлял собой серию колоссальных ангаров из гофрированного железа, постепенно спускающихся к болотистым берегам Стикса. От зданий к реке тянулись сточные канавы, трубы и акведуки. Все отходы адского производства без всякой очистки сбрасывались в Стикс, но не загрязняли его — река с самого начала была отравлена до предела. Посторонние яды и нечистоты парадоксальным образом очищали главную водную артерию лимба.

Аззи нашел здание, где хранились талисманы, и обратился непосредственно к служащему, длинноносому гоблину, который неохотно поднял глаза от комикса.

— Каких вам талисманов? Для какой надобности?

— Мне нужны талисманы, которые привели бы людей к семи золотым подсвечникам.

— Яснее некуда, — сказал служащий. — А каким образом они должны действовать? Простейшие талисманы дают направление или адрес. Обычно это обрывок пергамента, глиняный черепок или обрывок кожи со словами, например: «Поди к перекрестку, сверни направо и шагай,

пока не увидишь большую сову». Это довольно типичное указание.

Аззи покачал головой:

— Я хочу, чтобы талисманы вывели моих людей напрямик к подсвечникам, которые я спрячу в реальном мире.

— Я так понимаю, в предполагаемом реальном мире, — проворчал служащий. — Отлично. Вам нужен талисман, который не просто учит держателя, куда идти, но может доставить его прямо на место.

— Именно так, — кивнул Аззи.

— Насколько ваши люди разбираются в талисманах?

— Полагаю, очень мало, — сказал Аззи.

— Этого-то я и боялся. Должны ли талисманы охранять держателя в пути?

— Это обойдется дороже, не так ли?

— Конечно.

— Тогда не надо охраны. Пусть немного рискнут.

— Значит, вам нужны талисманы со врожденной способностью подсказывать держателю, что он на верном пути, — щелчком, миганием или попискиванием, а также, думаю, подать сигнал, когда держатель доберется до цели, то есть до подсвечника.

— Боюсь, сигнала будет маловато, — сказал Аззи. — Я не хочу никакой путаницы и сомнений.

— Тогда вам лучше прибегнуть к половинчатым чарам.

— Никогда о таких не слышал.

— Халдейский товар. Талисманы такого рода состоят из двух половинок. Волшебник — то есть вы — помещает одну половинку туда, куда держатель второй должен попасть. Скажем, в безопасное место. Положим, обладатель второй половинки срывается. Битва становится опасной. Он включает

свою половинку талисмана, и она переносит его к своей паре. Лучший способ быстро доставить человека в нужное место.

— Мне нравится, — заявил Аззи. — Я положу семь половинок рядом с подсвечниками, а пары отдам своим людям, и с их помощью они перенесутся на место.

— Все правильно. А чудесные кони вам нужны?

— Чудесные кони? Зачем? Это обязательно?

— Нет, но если вы работаете на публику, то чудесные кони — очень зрелищно. К тому же они добавляют еще один уровень сложности.

— А это не слишком большое затруднение? — спросил Аззи. — Не знаю, насколько толковыми будут мои участники. Предполагая, что это обычные люди...

— Понял, — сказал служащий. — С чудесными конями трудностей почти никаких. Зато сколько впечатлений!

— Запишите мне семь чудесных коней, — сказал Аззи.

— Хорошо, — проговорил служащий, заполняя требование. — Желаете ли, чтобы кони и впрямь обладали чудесными свойствами?

— А именно?

— Ну, особой выносливостью, благородством, невиданной статью, умением летать, говорить, способностью превращаться в других животных...

— А дорого это?

— Вы можете получить что угодно, — объявил служащий, — но за дополнительное качество надо платить.

— Тогда сделайте мне чудесных коней без особых свойств, — попросил Аззи. — Но качественных.

— Отлично. Желаете воздвигнуть дополнительные препятствия между получением части талисмана и достижением подсвечников?

— Нет, хорошо, если они с этим-то справятся, — сказал Аззи.

— Отлично. Какого калибра талисманы?

— Калибра? С каких пор они измеряются калибрами?

— Новые правила. Все талисманы теперь заказываются по калибрам.

— Я не знаю, какой мне нужен калибр, — признался Аззи.

— Придется вам выяснить.

Аззи сунул служащему взятку и сказал:

— Каждый талисман должен перенести человека из одного понятийного мира в другой. А также изменить его судьбу.

— Тогда вам нужны дальнобойные чары, а не половинчатые, — посоветовал служащий. — Обычные такого не потянут — из одного понятийного мира в другой! Одной энергии сколько потребуется! Так, посмотрим. Сколько весят ваши люди?

— Не знаю, — сказал Аззи. — Я их еще не видел. Думаю, самое большее сто двадцать килограмм.

— Калибр удваивается, если талисману придется переносить вес больше ста килограмм.

— Пусть будет сто. Я уверен, никто из них больше не весит.

— Отлично, — сказал служащий. Он придвинул листок бумаги, сделал какие-то вычисления. — Давайте проверим, правильно ли я понял. Вам нужно семь дальнобойных талисманов, чтобы каждый мог перенести человека весом до ста килограмм — включая и ручную кладь — между двумя точками в двух разных понятийных мирах. Я бы сказал, это сорок пятый калибр. Какой марки талисманы вы хотите?

— А что, они бывают разных марок? — спросил Аззи.

— Уж поверьте мне, — сказал служащий. — Балбеска-2 — отличная марка. Мечта Идиота-24 — тоже.

— Дайте любые.

— Э, нет, вы должны выбрать сами. Я, что ли, все за вас буду делать?

— Тогда пусть будет Мечта Идиота.

— Мечты Идиота кончились. На следующей неделе должны подвезти.

— Тогда возьму Балбеску.

— Отлично. Заполните здесь и здесь. Тут подпишитесь. Здесь поставьте свои инициалы — инициалы означают, что это ваша инициатива. Отлично. Получите.

Служащий вручил Аззи белый пакетик. Аззи открыл его и проверил содержимое.

— Похожи на серебряные ключики, — сказал он.

— Потому что это Балбески. Мечты Идиота выглядят иначе.

— Но работают-то эти не хуже?

— Некоторые говорят, что лучше.

— Спасибо! — вскричал Аззи. Ему предстоял утомительный путь к Центральному вокзалу и дальше на Землю. Однако он ликовал. У него есть все, что нужно. Легенда. История. Подсвечники. Талисманы. Теперь предстоит найти людей. И это, надо думать, будет весьма занятно.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1

Ясным июньским утром на сельской дороге к югу от Парижа зазвенела сбруя, застучали копыта — из-за рощи величественных каштанов показалась запряженная четверкой коней карета. Кроме цокота подков и скрипа качающейся кареты слышался только стрекот кузнечиков да залихватский крик возницы: «Пошли, родимые!»

Карета была большая, желтая с красным, на козлах рядом с кучером помещались два лакея. Футах в пятидесяти позади ехала другая такая же карета, а за ней — несколько человек верхом. Десяток мулов замыкали процессию.

В карете сидели шестеро, из них двое — дети: хорошенький мальчик лет девяти—десяти и его сестра, взрослая четырнадцатилетняя барышня с тугими рыжими кудряшками и дерзким выражением красивого личика. Остальные были взрослые; они сидели, тесно прижатые друг к другу, но старались не показывать виду, что им неудобно.

Карету сильно затрясло. Подскачи к ней кто-нибудь из едущих сзади всадников, он бы увидел, что правое переднее колесо выписывает странные

петли. Кучер заметил перемену и остановил коней за мгновение до того, как колесо отлетело и карета завалилась на ось.

Передовой всадник, дородный краснолицый мужчина, натянул поводья возле окошка кареты.

— Эй! Все целы?

— У нас все отлично, сэр, — отвечал мальчик.

Всадник нагнулся и заглянул в карету. Кивнул взрослым пассажирам, остановился взглядом на Киске.

— Я — сэр Оливер Деннинг из Тьюксбери, — представился он.

— Я — мисс Карлайл, — сказала юная леди, — а это мой брат Квентин. Вы тоже на богомолье, сэр?

— Да, — отвечал мужчина. — Если вы все вылезете из кареты, я велю слуге Уоту осмотреть колесо. — Он указал подбородком на Уота, маленького чернявого валлийца.

— Будем очень признательны, сэр, — промолвила Киска.

— Не стоит благодарностей, — отмахнулся сэр Оливер. — Пока Уот прилаживает колесо, можно устроить маленький пикник. — Осталось непонятным, распространяется ли приглашение на остальных пассажиров.

Сэр Оливер заметил Киску еще до поломки — возможно, когда она поправляла косынку. Пышные рыжие кудри и капризное личико сразили его наповал. Мужчины, даже бывалые вояки, шалели при виде Киски.

Они нашли солнечную лужайку неподалеку от кареты, сэр Оливер расстелил походное одеяло, от которого приятно пахло лошадь. Он, видимо, привык к кочевой жизни, во всяком случае,

в его седельной сумке нашлась провизия и даже кое-какая утварь.

— Тут и впрямь очень недурственно, — сказал сэр Оливер, когда все расселись. В руке он держал поджаристую куриную ножку. — Частенько едал я на воздухе в последней итальянской кампании, когда имел честь служить под началом прославленного сэра Джона Хоквуда.

— Много повидали сражений, сэр? — спросил Квентин больше из вежливости, уже решив про себя, что сэр Оливер служил не иначе как по провиантской части.

— Сражений? Порядочно, — отвечал сэр Оливер и стал расписывать сечу под Пизой таким тоном, словно все о ней наслышаны. Мимоходом упомянул он и о других вооруженных стычках под стенами и в стенах всех итальянских городов, именуя их не иначе как кровопролитными побоищами.

Квентин усомнился в правдивости рассказов, поскольку помнил слова отца: война в Италии состоит из воинственных прилюдных речей и тайных торгов, потом войска входят в город или осада снимается, в зависимости от достигнутого соглашения. Отец говорил еще, что французы, те воюют без дураков, но уж итальянцы и наемники точно создают видимость.

Сэр Оливер не упоминал французов, только Колонна, Борджиа, Медичи и других иностранцев. Он взахлеб живописал утренние сражения, когда малочисленные отряды тягаются на мечах и копьях с такими же отрядами противника, рассказывал о ночных дозорах в северной Италии, где еще удерживаются сарацины, о внезапных отчаянных сшибках под стенами города, где смерть подстерегает осаждающих в обличье кипящего масла или расплавленного свинца.

Сэр Оливер был маленький, коренастый, не первой молодости господин с лысиной и козлиной бородкой. В пылу разговора он для вящей убедительности вскидывал голову, отчего бородавка смешно тряслась. Собираясь ошеломить слушателей очередной кровавой подробностью, он многозначительно прочищал горло. Проказница Киска уже начала ему подражать, и Квентин с трудом сдерживал смех.

Наконец подошел Уот и объявил, что колесо прилажено. Сэр Оливер похвалил слугу и с мужественной скромностью принял общие изъявления благодарности. Он сказал, что, коль скоро они все едут на богомолье в Венецию, им еще встречаться и встречаться, явно подразумевая, что общество такого прославленного рыцаря всем придется по вкусу. Киска самым серьезным тоном заверила, что ему-де всегда рады, ведь колесо может отвалиться еще раз. Сэр Оливер принял сказанное за чистую монету, даже не задумавшись, почему на Киску, Квентина и нескольких дам одновременно напал приступ кашля.

Чуть позже паломники встретились с монахиней, которая должна была их сопровождать, но присоединилась только сейчас. Она подъехала на кобыле, позади слуга на муле вез ее сокола. Карета остановилась, пассажиры быстро посоветовались и подвинулись, освобождая место.

Мать Иоанна была аббатисой Урсулинского монастыря под Гравелином, в Англии. Пассажиры тут же узнали, что ее фамилия Мортимер и что она состоит в близком родстве со шропширскими Мортимерами. У нее было скуластое, загорелое лицо, она повсюду таскала с собой сокола, на каждой остановке сдергивала с птицы клобучок и отправляла за дичью. Когда сокол возвращался с растер-

занной полевкой, настоятельница хлопала в ладоши и приговаривала: «Отлично, мистрисс Свифтли» — так звали птицу.

Пронзительное сюсюканье доводило Квентина до исступления; всякий раз, как монахиня заводила беседу с соколом, мальчик крепился, чтобы не прыснуть со смеху. Наконец пассажиры уговорили аббатису, чтоб сокол ехал на карете вместе со слугой. Мать Иоанна приуныла, но тут же заметила замершего на опушке оленя. Она предложила остановиться для импровизированной охоты, однако у паломников не было собак, кроме чьего-то мопса, а тот явно не одолел бы и крысы.

Общество узнало, что мать Иоанна не просто Мортимер, но и старшая сестра той самой Констанции, что составила блестящую партию с маркизом Сен-Бо. Она сама, не желая связывать себя узами брака (или, как потом шепнула Квентину Киска, не найдя при всех своих поместьях и титулах никого, кто б на нее польстился), убедила отца поставить ее во главе монастыря. Она объявила, что очень довольна своей обителью под Гравелином, охотничьи уголья там выше всяких похвал, к тому ж и соседний лес в полном ее распоряжении. Сестры все сплошь из хороших фамилий, так что приятное общество за столом обеспечено.

И так прошел день.

Глава 2

Сэр Оливер откинулся в седле и огляделся. Они все еще ехали по открытой местности. На много миль влево тянулись приятные пологие холмы, справа журчал быстрый поток. Впереди уже различались купы могучих деревьев, предвестники начинающегося леса.

Но сэр Оливер видел и нечто другое: примерно в миле впереди путешественников с холмов на дорогу спускалось маленькое красное пятнышко.

Мать Иоанна подъехала к сэру Оливеру на отлично вышколенной гнедой.

— В чем дело? — спросила игуменья. — Почему мы остановились?

Сэр Оливер отвечал:

— Хочу предварительно взглянуть на местность.

— И какого лешего вы собираетесь там увидеть? — поинтересовалась Иоанна.

— Я высматриваю разбойников, которыми, по слухам, кишит эта страна, — сообщил Оливер.

— Нас охраняют, — указала мать Иоанна. — Четверо арбалетчиков, что даром едят наш хлеб.

— Я не вполне им доверяю, — возразил Оливер. — Такие людишки обыкновенно разбегаются

при первых признаках опасности. Я предпочел бы знать об угрозе загодя.

— Это смешно, — сказала Иоанна. — Тысяча разбойников будет прятаться в лесу в нескольких футах от нас, и мы их не увидим, пока они сами того не захотят.

— Я все равно должен оглядеться, — упорствовал Оливер. — Там впереди кто-то есть.

Иоанна сощурилась. Она была близорука и не сразу угадала в красном пятнышке человека.

— Откуда он взялся? — пробормотала игуменья как бы про себя.

— Не знаю, — сказал Оливер. — Но он направляется в нашу сторону, так что скоро все выяснится.

Они молча ждали, пока всадник подъедет. Позади растянулся караван: две кареты, четыре верховых лошади и двенадцать мулов. Всего богомольцев было тридцать человек. Часть присоединилась в Париже, где паломники останавливались запастись провизией. Там же, в Париже, они наняли четырех арбалетчиков, бывших солдат итальянской армии, во главе с сержантом по имени Патрис, который объявил, что он и его люди готовы за соответствующую плату охранять караван в небезопасном пути через южную Францию.

Настроение путников было отнюдь не безоблачное. В Париже они целый вечер проспорили, какой дорогой добираться до Венеции. Одни советовали избегать гор и двигаться самым легким путем через сердце Франции, но там снова бесчинствовали англичане. Даже английским подданным не следовало туда соваться.

Большинство высказывалось за западную дорогу, через Бургундию, затем по западному берегу Роны до темных лесов Лангедока, а через них в Руссильон. На том и порешили. До сих пор обходилось

без происшествий, но путники оставались начеку, потому что от этой проклятой страны можно ждать худшего.

Одинокий всадник приближался резвой рысью. За спиной его реял багровый плащ с фиолетовой искрой, тело облекал алый камзол, ноги — мягкие кожаные сапожки, голову украшала зеленая фетровая шляпа с орлиным пером. Незнакомец подъехал ближе и остановился.

— День добрый! — вскричал Аззи и представился венецианцем Антонио Креспи. — Я — купец, путешествую по Европе, продаю нашу венецианскую парчу, особенно северным негоциантам. Разрешите показать образцы.

Ими Аззи разжился у настоящего венецианского купца, которого отправил домой пустым, но с мешочком червонного золота.

Сэр Оливер спросил, откуда сэр Антонио взялся — они не видели, чтоб он ехал по дороге. Аззи сказал, что срезал крюк в несколько миль.

— Я постоянно езжу между Венецией и Парижем, уж мне ли не знать короткий и безопасный путь! — Демон улыбнулся самой своей обворожительной улыбкой. — Сэр, если это не слишком большая дерзость с моей стороны, я просил бы разрешения присоединиться к честной компании. Одинокий путник в таких краях поминутно рискует жизнью. Я вам пригожусь — если потребуются, вместе с другими обнажу меч, к тому же покажу, как благополучно миновать самые опасные места, а они еще впереди. Еда у меня своя, так что я вас не обременю.

Оливер взглянул на игуменью:

— Что скажете, мать Иоанна?

Та придирчиво оглядела Аззи с головы до пят. Демон, которому такое было не впервой, беспечно

откинулся назад и оперся рукой на лошадиный круп. Если богомольцы не возьмут его с собой, он придумает что-нибудь еще. В аду учат, как хитростью добиться своего.

— Я не возражаю, — молвила наконец Иоанна.

Они подъехали к каретам, Оливер представил нового попутчика. Аззи, как знаток местности, поехал впереди, сэр Оливер пристроился рядом.

— Что там в непосредственной близости?

— Следующие миль пятьдесят — густой лес, — сказал Аззи. — Сегодня придется заночевать в чаще. В последние годы о разбойниках ничего не слышно, так что мы будем в безопасности. А к завтрашнему вечеру доберемся до корчмы. Первоклассное заведение, обслуживают монахи, кормят более чем сносно.

Иоанна и Оливер обрадовались. Приятно знать, что впереди тебя ждут теплая постель и доброе угощение. Они не жалели, что взяли Антонио с собой. Молодой рыжеволосый купец всю дорогу развлекал их историями про венецианскую жизнь и порядки при дворе дожа. Рассказы были частью странноваты, частью откровенно непристойны, но тем занятнее. Порой упоминались чудные проделки демонов и чертей, которые, по слухам, посещают Венецию чаще других мест.

Так прошел день. Солнце ползло по небу, не торопясь свершить назначенный круг. Маленькие облачка кораблями плыли к далеким закатным портам. Ветер шелестел в кронах. Паломники ехали шагом по заросшей лесной дороге, не спеша — день, который, похоже, собрался растянуться на целую вечность, располагал к медлительности.

Лес был совершенно, сверхъестественно тих. Не слышалось ни звука, кроме звяканья упряжи, да порой кто-нибудь из арбалетчиков затягивал песню. Наконец солнце достигло зенита и начало медленно клониться к западу.

Караван все дальше углублялся в зеленую лиственную сень леса. В каретах пассажиры стали клевать носами, всадники выпустили поводья. Перед самыми лошадьми из чащи выбежала лань и унеслась, мелькнув за деревьями буро-палево-белыми пятнами. Мать Иоанна дернулась было, но даже у нее не хватило духа ринуться в погоню. И природа, и люди поддались тихому очарованию леса.

Так продолжалось, пока не начало смеркаться. Аззи отыскал ровную полянку и объявил, что тут и стоит заночевать — дальше пойдут овраги и буераки. Путники охотно согласились.

Слуги распрягли лошадей, напоили их в ближайшем ручейке. Богомольцы вылезли из карет, верховые спешили и привязали коней. Взрослые выбирали, где лечь спать, дети под предводительством Киски затеяли игру в пятнашки.

Аззи и сэр Оливер подошли к опушке, где за поваленным дубом удобнее всего было разжечь костер. Набрали сучьев и веток, сэр Оливер достал кремень и огниво. Он не очень умел разводить костры, однако никто другой не вызвался, а сэра Антонио просить не хотелось.

Искры падали на сухой трут, но сразу гасли. Откуда ни возьмись налетел ветер. Что за черт? — дивился сэр Оливер. Он вновь и вновь чиркал огнивом, однако зловредный ветер сводил усилия на нет. Наконец даже искры перестали высекается. Чем больше сэр Оливер старался, тем меньше выходило толку. Ветер словно нарочно мешал. Когда Оливер развел-таки маленький костерок, по-дул внезапный порыв с другой стороны и загасил пламя.

Оливер с проклятиями встал размять затекшие олени. Аззи сказал:

— Может, позвольте мне?

— Охотно, — вздохнул сэр Оливер, протягивая кремень.

Аззи жестом отказался от кремня, потер указательным пальцем правой руки о ладонь левой, потом указал на трутницу. Между пальцем и труттом проскочила голубая молния. Когда она погасла, перед Аззи и сэром Оливером горел веселый костерок. Ветер, черт знает отчего, и не думал его задувать.

Сэр Оливер пытался что-то произнести, но слова застряли в горле.

— Не хотел вас пугать, — сказал демон. — Просто маленький фокус, я выучился ему на Востоке.

Аззи взглянул на сэра Оливера, в зрачках его плясали красные огоньки. Затем повернулся и зашагал назад к каретам.

Глава 3

Когда Аззи подошел к матери Иоанне, та ставила походную палатку, верную спутницу всех своих богомолий. Выцветшее зеленое полотно совершенно сливалось с лесом. Палатка была снабжена бамбуковым каркасом и множеством растяжек. Мать Иоанна как раз воевала с этими растяжками. В дороге веревки спутались в один клубок размером с козлиную голову, и такой же упрямый.

— Сам черт не распутает! — объявила она.

— И все же я с вашего разрешения попробую, — весело предложил Аззи.

Она вручила ему комок. Аззи вытянул левый указательный палец, подул на него: палец стал канареечно-желтым, а ноготь превратился в стального цвета коготь. Аззи постучал когтем по комку, и на веревках заплясало зеленое пламя. Оно погасло, Аззи бросил комок матери Иоанне. Та попыталась поймать, но веревки распались в воздухе. Настоятельница наклонилась и подняла растяжки, которые за мгновение до того были связаны почти что гордиевым узлом.

— Как... — начала она.

— Факирский трюк, я научился ему на восточном базаре, — сказал Аззи с улыбкой.

Игуменья вытаращила глаза: в зрачках его плясали красные огоньки. Монахине заметно полегчало, когда Аззи, насвистывая, пошел прочь.

Ближе к ночи паломники собрались вокруг костра — все, кроме Аззи, который объявил, что прогуляется по лесу. Оливер и мать Иоанна сели особняком от других — не приходилось сомневаться, что они намереваются обсудить.

— Наш новый попутчик, — сказал сэр Оливер, — какого вы о нем мнения?

— Он сильно меня напугал, — сказала аббатиса, прибегнув к словцу своей нянюшки.

— Да, — согласился Оливер. — Что-то с ним нечисто, ведь согласитесь?

— Всецело. Меньше часу назад случилось происшествие, которое заставило меня призадуматься.

— То же и со мной! — вскричал Оливер. — Когда я не смог развести костер, сэр Антонио поджег дрова — указательным пальцем.

— Указательным пальцем и чем еще?

— Ничем. Ткнул им, и вспыхнуло пламя. По его словам, это старый факирский трюк; на Востоке, мол, выучился. Но, по-моему, это больше смахивает на колдовство.

Мать Иоанна секунду смотрела на рыцаря, потом рассказала про Аззи и веревки.

— Это ненормально, — покачал головой сэр Оливер.

— Да уж.

— И это не факирский трюк.

— Да, — согласилась мать Иоанна. — Мало того, у него в глазах пляшут красные огоньки. Заметили?

— Как не заметить? — сказал Оливер. — По ним узнают дьявола, не так ли?

— Так, — кивнула мать Иоанна. — Я читала об этом в «Справочнике по изгнанию бесов».

Как раз в ту минуту из леса, весело насвистывая, вышел Аззи. На плечах он нес молодого оленя.

— Я был бы рад угостить вас сегодня ужином, — сказал Аззи. — Может, кто-нибудь из ваших слуг разделает это благородное животное и зажарит? Я пойду искупаюсь в ручье, а то пока догонишь оленя, запаришься. — И он пошел прочь, посвистывая на ходу.

Глава 4

Паломники проснулись засветло. Как только первые лучи солнца пробились сквозь лиственные кроны, путники сложили вещи, быстро позавтракали и вышли в дорогу. Весь день они ехали по лесу, вглядываясь в дорогу и вслушиваясь во всякий шум, однако никого опаснее комаров не встретили.

Едва свечерело, сэр Оливер и мать Иоанна принялись высматривать обещанную корчму. Они боялись подвоха, но Аззи не обманул: внезапно взглядам предстала корчма, добротное двухэтажное каменное строение с высокой поленницей дров, скотным двором и навесом для прислуги.

В дверях путников приветствовал брат Франсуа, плечистый бородатый здоровяк. Он поочередно пожимал руки входящим.

Аззи вошел последним и вручил брату Франсуа мешочек с серебряными монетами.

— Это за наш ночлег. — Он рассмеялся и как-то странно взглянул на брата Франсуа — тот отшатнулся, будто заподозрил недоброе.

— Сударь, — спросил доминиканец, — не встречались ли мы прежде?

— Могли видетсья в Венеции, — сказал Аззи.

— Нет, в Венеции я не бывал. Это было во Франции, и вроде кого-то оживляли.

Аззи помнил тот случай, но не стал просвещать монаха, а только вежливо покачал головой.

После этого брат Франсуа казался подавленным и рассеянным. Он объяснил постояльцам про комнаты и ужин, однако, похоже, сам не слышал своих слов. Монах постоянно косился на Аззи, что-то вполголоса бормотал и украдкой осенял себя крестным знамением.

Когда Аззи попросил спаленку наверху, брат Франсуа сразу согласился, потом еще больше опешил. Он все поглядывал на монеты в своей горсти и качал головой. Наконец подошел к Оливеру и матери Иоанне.

— Ваш попутчик, Антонио... Вы давно его знаете?

— Совсем не знаем, — сказал Оливер. — Он вас обсчитал?

— Нет, нет, напротив.

— Как это?

— Он согласился заплатить за комнату шесть сантимов и вложил медяки мне в руку. Потом сказал: «Что за черт, можно и расщедриться» — и указал пальцем на монеты. И они тут же стали серебряными.

— Серебряными! — вскричала мать Иоанна. — Вы не ошиблись?

— Какое там! Вот, взгляните сами. — Корчмарь показал серебряный сантим. Все трое уставились на монетку, будто это сам дьявол.

Позже Оливер и мать Иоанна пошли искать брата Франсуа, чтобы договориться насчет завтрака, но тот как сквозь землю провалился. Наконец на двери кладовой обнаружилась записка. «Простите

меня, уважаемые, — гласила она, — я вспомнил, что должен немедленно встретиться с настоятелем монастыря святого Бернарда. Молю Бога не покинуть ваши души в опасности».

— Странно! — удивился сэр Оливер. — И что вы на это скажете?

Мать Иоанна поджала губы.

— Он перепугался до полусмерти и сбежал.

— Но если он считает Антонио демоном, почему не сказать нам?

— Он боялся открыть рот, — предположила мать Иоанна, — раз этот демон выбрал наше общество. — Она на секунду задумалась. — Нам тоже стоит поостеречься.

Рыцарь и монахиня долго сидели молча и смотрели в огонь. Сэр Оливер поворошил угли, но ему не нравились рожицы, которые возникали в пламени. Мать Иоанна дрожала без всякой причины, хотя в комнате не было ни ветерка.

Через какое-то время она промолвила:

— Так продолжаться не может.

— Да, конечно, — согласился сэр Оливер.

— Если он демон, мы должны принять меры к своей защите.

— Да, но как узнать?

— Мы пойдем к нему и спросим без обиняков, — заявила мать Иоанна.

— Спросите. Буду вам очень признателен, — сказал сэр Оливер.

— Вообще-то я думала, вы спросите. Кто из нас военный? Спросите его напрямик!

— Мне не хотелось бы его оскорбить, — произнес сэр Оливер по некотором размышлении.

— Этот Антонио — не человек.

— Кем бы он ни был, может, ему неприятно будет нам открыться, — сказал сэр Оливер.

— Кто-то должен с ним поговорить.

— Наверно.

— И если вы хоть чуточку мужчина...

— Да ладно, ладно, поговорю я.

— Определенно он демон, — твердо сказала мать Иоанна. — Эти пляшущие красные огоньки в глазах — самый верный знак. А с тыла вы его видели? Там явно припрятан хвост.

— Демон! Среди нас! — произнес сэр Оливер. — Если так, мы, наверно, должны его убить.

— Где уж нам убить демона! — протянула мать Иоанна. — Считается, что это очень трудно.

— Правда? Я в этом ничего не смыслю.

— Я немного смыслю, — сказала игуменья. — Мой орден не занимается изгнанием бесов, мы предоставляем это другим. Но кое-что я, конечно, слышала...

— И заключили из этого... — подсказал рыцарь.

— Что убить демона очень трудно и даже невозможно. Вдобавок, если ты его убьешь, это скорее всего был не демон, а какой-то бедолага, у которого на горе оказались в глазах красные огоньки.

— Чертовски запутанная ситуация, — пробормотал сэр Оливер. — И что же нам делать?

— Думаю, предупредить остальных, потом собрать сколько есть ладанок и мощей и попытаться изгнать нечистого духа.

— Вряд ли ему это понравится, — задумчиво промолвил рыцарь.

— Не имеет значения. Изгонять демонов — наш долг.

— Да, конечно, — согласился Оливер. Однако затея явно пришлась ему не по вкусу.

Остальные богомольцы не удивились, когда мать Иоанна сказала, что заподозрила в их попутчике демона. В те беспокойные времена ничего другого ждать не приходилось. Сообщалось о рыдающих статуях, говорящих облаках и всем таком прочем. Все знали, что существует чертова уйма сопротивных духов и что они по большей части обретаются на Земле, искушают людей. Странно даже, что не видишь их на каждом шагу.

Глава 5

Они ждали, но Аззи все не выходил из спальни на втором этаже. Наконец проголосовали, чтобы Киска позвала его спуститься для разговора.

Киска постучалась к Аззи без обычной своей дерзости.

Аззи открыл. На нем был длинный алый бархатный кафтан поверх изумрудно-зеленого камзола, тщательно расчесанные рыжие кудри лежали пышной волной. Казалось, он ждет приглашения.

— Они хотят с вами поговорить, — сказала Киска, указывая вниз, на общую гостиную.

— Хорошо. Я этого ждал, — произнес Аззи.

Он еще раз провел щеткой по волосам, оправил кафтан и пошел по лестнице вместе с Киской. Все знатные богомольцы собрались в гостиной. С простолюдинами советоваться не стали — те сидели в конюшне и грызли сухие корки с селедочными головами.

Сэр Оливер встал и низко поклонился.

— Надеюсь, вы извините нас, сэр. Мы обеспокоены, даже можно сказать встревожены. Развейте наши сомнения, и все будет прекрасно.

— Из-за чего беспокойство? — спросил Аззи.

— Ну, сэр, — сказал сэр Оливер. — Чтобы не ходить вокруг да около... вы, случайно, не демон?

— Случайно, — ответствовал Аззи, — демон.

Все задохнулись.

— Это совсем не то, что я хотел услышать, — признался сэр Оливер. — Ведь вы пошутили? Пожалуйста, скажите, что пошутили!

— Но я действительно демон, — сказал Аззи, — и уже представил вам доказательства, чтобы быстрее с этим покончить. Разве я вас не убедил?

— Убедили, сэр! — выговорил Оливер. Мать Иоанна кивнула.

— Отлично, — кивнул Аззи. — Значит, вам известно, что к чему.

— Спасибо, сэр. А теперь не будете ли вы так любезны уйти, чтобы мы могли мирно продолжать наше святое паломничество.

— Не глумите, — укорил Аззи. — Мне стоило большого труда все это устроить. У меня к вам предложение.

— О Господи! — вскричал сэр Оливер. — Сделка с чертом!

— Бросьте ломать комедию, — сказал Аззи. — Просто выслушайте. Если вам не понравится мое предложение, мы разойдемся с миром.

— Это правда?

— Клянусь честью Князя Тьмы.

Аззи вовсе не был Князем Тьмы, но, когда общаешься с высокородными дамами и господами, маленькое преувеличение не повредит.

— Думаю, не будет беды, если мы вас выслушаем, — сказал сэр Оливер.

Глава 6

Громким звенящим голосом Аззи произнес:

— Дамы и господа, я действительно демон. Однако пусть вас это не смущает. Что такое, в сущности, демон? Всего лишь название того, кто служит одной из сторон, чья борьба правит равно смертными и бессмертными. Я, разумеется, говорю о категориях Добра и Зла, Света и Тьмы, как их обычно называют. Позвольте прежде всего указать, что все должно иметь две стороны, иначе вещи станут невыносимо плоскими. Замечу также, что борьба между этими двумя должна идти более-менее на равных. Если б, как желают некоторые, осталось только Добро, отпала бы потребность в самоусовершенствовании, этой основе человеческого прогресса. Не было бы контраста между вещами, великое бы не отличалось от малого, похвальное от предосудительного.

Аззи попросил вина, прочистил горло и продолжил:

— Коль скоро состязание между Добром и Злом оправдано, следовательно, одна сторона не может побеждать всегда. Иначе состязание не было бы состязанием. Исход должен оставаться проблематичным, чтобы верх брали то одни, то другие

и развязка приберегалась бы до последних мгновений. Это следует из древнейшего закона, закона драматургии, который дает лучшие результаты при равенстве сил. Добро не должно быть много могущественнее Зла, ибо, если победа предрешена, соревнование лишается смысла.

Согласимся с этим и перейдем к следующему выводу. Раз Тьме дозволено бороться со Светом, а Злу — с Добром, значит, нельзя осуждать тех, кто служит той или иной стороне. Наши пристрастия не должны замутнять наши суждения! Коли Зло необходимо, то и служителей Зла нельзя считать излишними, презренными, незаконными и неуместными. Я не говорю, что им надо следовать, но их надо хотя бы выслушать.

Далее я докажу, что Зло, если отбросить предвзятое отношение, выгодно отличается хотя бы своей живостью. То есть категория Зла, как и категория Добра, имеет свои привлекательные черты, которые люди могут предпочесть добровольно. Или совсем простыми словами: Зло доставляет множество радостей, и никто не должен стыдиться подобного выбора, ибо эта категория не менее почтенна, чем Добро.

Но не влекут ли контакты со Злом неизбежного наказания? Друзья мои, это всего лишь пропаганда со стороны Добра, а вовсе не непреложный факт! Если Зло имеет право на существование, значит, существует и право ему служить.

Аззи отхлебнул вина и оглядел собравшихся. Они слушали.

— Теперь я готов перейти непосредственно к своему предложению. Дамы и господа, я — Аззи Эльбуб, демон с большим стажем и антрепренер с незапамятных времен. Сюда я прибыл, друзья мои, чтобы поставить пьесу. Мне нужны семь волонтеров. Вы найдете свою задачу приятной и ничуть

не обременительной, в награду же получите то, чего бы желали больше всего на свете. Собственно, именно об этом моя пьеса: показать, что можно добиться исполнения своей самой заветной мечты, не прилагая к этому почти никаких усилий. Разве не прелестная концовка? Я искренне верю, что она поддерживает в нас надежду и отражает действительность куда правдивее, нежели противоположное утверждение — будто бы достижение желаемого невозможно без упорного труда и некоторых свойств характера. В моей пьесе мы докажем: не нужно быть добродетельным или даже особо толковым, чтобы стяжать награду. Кстати, ваши души ни в коем случае не будут предметом торга.

Сейчас я удалюсь к себе в комнату. Всякий, кого заинтересовало мое предложение, может подняться ко мне сегодня ночью, и я охотно изложу конкретные условия. Рад буду продолжить разговор с каждым из вас в отдельности.

Аззи отвесил поклон и пошел по лестнице. Он успел перекусить хлебом и сыром, выпить бокал вина. Потом поворошил уголья в камине и откинулся в кресле.

Ждать пришлось недолго.

Глава 7

Аззи сидел в своей комнате, вполуха слушал ночные шорохи и читал пыльный старый манускрипт из тех, что всегда есть на полках публичных адских библиотек. Аззи любил классику. Несмотря на дух новаторства, который и увлек его в теперешнее предприятие, Аззи был традиционалистом.

В дверь постучали.

— Войдите!

Открылась дверь, и вошел сэръ Оливер. Рыцарь был без доспехов и, похоже, безоружен. Вероятно, ему хватило ума не входить с мечом к адскому демону.

— Надеюсь, я вас не потревожил...

— Ничуть, — заверил Аззи. — Заходите. Располагайтесь. Бокал вина? Чем могу быть полезен?

— Я по поводу вашего предложения...

— Заманчиво, не правда ли?

— Весьма. Если я не ослышался, вы говорили, что можете исполнить самое заветное желание.

— Именно это я и говорил.

— И что для того не надо обладать никакими особыми качествами.

— Совершенно верно, — сказал Аззи. — Судите сами, если человек уже обладает особыми качествами, зачем ему моя помощь?

— Прекрасно замечено, — согласился Оливер.

— Спасибо. Так чем я могу быть вам полезен?

— Ну, моя заветная мечта — стяжать славу великого воителя, под стать моему тезке, тому Оливеру, что вместе с Роландом прикрывал отступление Карла Великого.

— Да, — кивнул Аззи, — продолжайте.

— Я хотел бы одержать значительную победу над превосходящими силами противника и без риска для себя.

Аззи взял из воздуха пергаментный блокнот и самозатачивающееся гусиное перо. Записал: «без риска для себя».

— Я хочу прославиться на весь мир, как Александр или Юлий Цезарь. Командовать отрядом превосходных солдат, несравненных воителей, чья малочисленность с лихвой компенсировалась бы свирепостью и воинским искусством.

«Свирепостью и воинским искусством» — записал Аззи и подчеркнул слово «свирепостью» — оно так и просилось, чтоб его подчеркнули.

— Я, конечно, — продолжал сэръ Оливер, — буду первым из них. Мое искусство владения всеми видами оружия должно быть непревзойденным. Я хотел бы достичь этого мастерства, мой дорогой демон, отнюдь не утруждая себя. Я хотел бы также вступить в брак с красивой и приятной особой, желательно принцессой, чтобы она родила мне сыновей, удалиться на покой в собственное королевство, которое кто-то подарит мне совершенно бесплатно, и жить долго и счастливо. Последнее, кстати, важно. Не хотелось бы каких-то печальных неожиданностей.

Аззи записал «жить долго и счастливо», но подчеркивать не стал.

— Таковы общие соображения, — подытожил сэръ Оливер. — Можете вы это обеспечить?

Аззи перечитал листок. «Без риска для себя. Свирепостью и воинским искусством. Жить долго и счастливо». Он нахмурился, потом поднял глаза.

— Кое-что из этого я могу осуществить, любезный сэръ Оливер, но не все. Не потому, разумеется, что это не в моих силах, но просто в пьесе будут и другие участники, а на исполнение всех ваших желаний потребуется Бог весть сколько чудес и черт знает сколько времени. Нет, мой дорогой сэръ, я могу устроить, чтобы вы, не подвергаясь опасности, одержали значительную победу, получили богатую награду и прославились в людских глазах. Дальше справляйтесь сами.

— Ладно, — вздохнул сэръ Оливер. — Я надеялся получить все, но то, что вы обещаете, для начала тоже неплохо. Если я стану богатым и прославленным героем, то уж остального как-нибудь добьюсь и сам. Принимаю ваше предложение, мой дорогой демон. Я частенько чувствовал, что дьявол не так и плох и, уж конечно, с ним будет веселее, чем с его скучным Противником.

— Ценю ваше стремление сделать мне приятное, — сказал Аззи, — однако не желаю слушать ничего дурного о нашем достойном Противнике. Добро и Зло так тесно связаны в своей деятельности, что мы просто не можем позволить себе чернить друг друга. Свет и Тьма вынуждены сосуществовать в одной Вселенной.

— Не хотел вас обидеть, — сказал сэръ Оливер. — Я, конечно, ничего не имею против Добра.

— Никто не обиделся, во всяком случае я, — успокоил посетителя Аззи. — Итак, приступим?

— Да, господин. Желаете, чтобы я расписался на пергаменте кровью?

— Нет никакой необходимости, — сказал Аззи. — Вы изъявили готовность, и это зафиксировано. Я объяснил, что ваша душа никоим образом не является залогом вашего участия.

— Что мне теперь делать? — спросил рыцарь.

— Возьмите это. — Аззи достал из плаща маленький серебряный ключик.

Сэр Оливер поднес его к свету и подивился изяществу работы.

— Что он открывает, сэр демон?

— Ничего. Это дальнобойная чара-Балбеска. Спрячьте ее в надежное место. Продолжайте паломничество. В какой-то момент — через несколько секунд, или часов, или даже дней — вы услышите звук гонга. Это будет означать, что талисман принял рабочее положение. Возьмите его в руку и понудьте присоединиться к другой половинке. Он внутренне запрограммирован именно на это, но никогда не вредно повторить команду. Талисман перенесет вас к своей половине, а неподалеку вы увидите чудесного коня. На нем будут седельные сумки, в одной из них найдете золотой подсвечник. Я внятно излагаю?

— Вполне, — заверил сэр Оливер. — Найду подсвечник.

— После этого отправляйтесь в Венецию, если еще не будете там. Сразу, как приедете, а то и раньше, ваше желание исполнится. Когда все закончите, будет церемония, довольно торжественная. Дальше вы свободны пользоваться вашей удачей.

— Звучит замечательно, — сказал сэр Оливер. — Где подвох?

— Подвох? Никакого подвоха нет!

— В таких делах обычно бывает подвох, — изрек сэр Оливер важно.

— Откуда вам знать, что обычно бывает в волшебных историях? Послушайте, вы хотите участвовать или нет?

— Хочу, хочу, — воскликнул сэр Оливер, — просто думал проявить осмотрительность. Однако, простите, сэр, если я скажу: уж больно много тут

всего накручено. Почему мне нельзя сразу пройти к волшебному подсвечнику?

— Потому что вы должны кое-что сделать между включением талисмана и достижением вашей великой победы.

— Это «что-то» — оно не будет очень трудным?

— Достаточно! — резко оборвал торг Аззи. — Приготовьтесь исполнять, что потребуется. Если есть хоть какие-то сомнения — верните ключ. Отказ по ходу дела может плохо для вас кончиться.

— О, не волнуйтесь, — сказал сэр Оливер, держа ключ перед собой и словно набираясь решимости.

— Повторяю, вы получите дальнейшие указания.

— Нельзя ли намекнуть, какого рода?

— Вам придется принимать решения.

— Решения? О Господи, — сказал сэр Оливер. — Не уверен, что мне это по вкусу. Ладно, не обращайтесь внимания. Я просто должен пуститься на волю волн, и все кончится для меня хорошо, так ведь?

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Единственное, что лукавый требует от человека: по мере сил исполнять свой долг. На большее Зло не претендует.

— Прекрасно, — сказал сэр Оливер. — Так я пойду?

— Спокойной ночи, — отвечал Аззи.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 1

Выбравшись из ящика Пандоры, Илит полетела с докладом к архангелу Михаилу. Она нашла его в кабинете в здании Всех Святых на Западных Небесах, где тот сидел над кипой пергаментных распечаток. Было уже поздно, другие ангелы и архангелы давным-давно разошлись. Но в ведомстве Михаила ярко горели свечи, архангел читал донесения от своих агентов по всей Вселенной. То, что там говорилось, сильно его тревожило.

Когда вошла Илит, он поднял глаза.

— Привет, дорогая. Что-нибудь стряслось? Ты какая-то встрепанная.

— Понимаете, сэр, со мной только что произошло приключение.

— Вот как? Пожалуйста, просвети меня.

— В сущности, чепуха. Какой-то дурак вызвал меня с помощью талисмана, потом Гермес засадил в волшебный ящик Пандоры, и освободилась я только с помощью Зевса.

— Зевса? Старик еще трепыхается? Я думал, он в Посветье.

— Он там и был, сэр, но спроецировался ко мне в волшебную шкатулку.

— Ах да. Я запомнил, что древние боги такое умеют. А как же ангелочки, которых ты сопровождала по земным святыням? Они под присмотром?

— Я, как только вырвалась из ящика Пандоры, поручила деток Пресвятой Деве и полетела доложить вам.

— А Пресвятую Деву это не обременит?

— Она охотно сошла со золотого престола Небес и занялась обычными хлопотами. Не глупо ли, сэр, что поэтическая традиция привязывает нас к некоему месту, с которого мы после не можем сойти?

Михаил кивнул, потом сказал:

— У меня для тебя важная работа на Земле.

— Прекрасно, — кивнула Илит, — люблю посещать святыни.

— На этот раз работа будет связана не столько с туризмом. Речь пойдет об Аззи.

— Ха! — воскликнула Илит.

— Похоже, твой демонический приятель снова что-то затевает. Что-то в высшей степени скользкое.

— Странно, — заметила Илит. — Мы совсем недавно столкнулись в Йорке, у него и в мыслях ничего не было. Он шел смотреть высококонрастную пьесу.

— Видимо, это его и надоумило, — сказал Михаил. — Есть сведения, что он развил бурную деятельность. Мои наблюдатели сообщают, что он подключил похабника Аретино, это мерзостное орудие Сатаны. Учитывая уже известную склонность Аззи к неожиданным фортелям, я предпочитаю быть в курсе.

Илит кивнула:

— Но зачем вам тревожиться из-за простой пьесы?

— Я подозреваю, что она не такая и «простая», — сказал Михаил. — Судя по предыдущим эскападам Аззи, особенно историям с Иоганном Фаустом и Прекрасным принцем, его теперешняя затея, в чем бы она ни состояла, может вызвать очередное прямое противостояние между силами Света и Тьмы и вовлечь нас всех в новую смертельную схватку. И это когда, казалось бы, Вселенная более-менее успокоилась! Помни, мы имеем дело лишь со слухами, но вполне достоверными, они исходят от наших внедренных агентов в стане врага. Илит, нам необходимо, чтобы ты немного осмотрелась.

— Насколько я понимаю, «осмотреться» значит разнюхать. А кому это «нам»?

— Мне и Всевышнему, — отвечал Михаил. — Разумеется, я прошу от Его имени.

— Это уж у вас завсегда, — сказала Илит. Лицо ее приняло упрямое выражение. — Почему Он не обратится ко мне прямо?

— Многие из нас дивятся, почему Всевышний не обращается к нам непосредственно, — отвечал Михаил. — Он и со мной напрямую не разговаривает. Это загадка, и не следует даже пытаться в нее проникнуть.

— А почему?

— Есть вещи, которые следует принимать на веру. Сейчас наша обязанность — узнать, что замышляет Аззи. Слетай и выясни, что он там за паломничество затеял, придумай любой предлог, чтоб объяснить ему свое появление, и выведай, что у него на уме. Если я не ошибаюсь, наш гордый молодой демон не сможет утаить от тебя свой план, поскольку уже развернулся вовсю.

— Очень хорошо, сэр, — кивнула Илит.

— Давай. Действуй по своему усмотрению. Если увидишь, что Аззи Эльбуб задумал сбить человечество с пути истинного и добиться торжества Тьмы, и тебе представится случай сунуть ему палку в колеса — не упусти.

— Именно об этом я и подумала, — сказала Илит.

Глава 2

В комнатке рядом с кухней Киска и Квентин лежали на низкой постели и смотрели, как мечутся по потолку тени.

— Ты думаешь, Антонио и вправду демон? — спросил Квентин, который по малости лет еще не очень отличал, что вправду, а что нет.

— Думаю, да, — промолвила Киска.

Она много и напряженно думала, чего бы хотела больше всего на свете. Первой ее мыслью были белокурые волосы, как у брата. Шелковистые, длинные и вьющиеся, с льняным отливом, а не с золотисто-медным, как предпочли бы другие девушки. Но такое ли это стоящее желание? Киска немного стеснялась убогости своих запросов и потому, против обыкновения, внимательно слушала Квентина — тот рассказывал, что бы попросил у демона.

— Первым делом — собственную лошадь. И собственный меч. Папа говорит, будто мне слишком дорого покупать меч, я через два года из него вырасту. Смешно, правда? Что толку быть богатым, если нельзя покупать вещи, из которых вырастешь?

— Очень разумно, — отвечала Киска. — Меч. А чего еще ты хочешь?

— Королевство мне вроде ни к чему, — задумчиво произнес Квентин. — Сиди потом, как привязанный, заботься о своих подданных. По-моему, король Артур был не очень счастлив в Камелоте, как ты думаешь?

— Наверно, — кивнула Киска.

— Я хотел бы странствовать в поисках приключений, — сказал Квентин.

— Как Ланселот? Он тоже был не очень счастлив.

— Это потому, что сваял дурака, влюбился в королеву, когда кругом было столько дам. И вообще, зачем влюбляться? По-моему, лучше, как сэр Гавейн, странствовать по всему свету, заводить подружек, попадать в беду, завоевывать сокровища и тут же их терять. Это здорово — приобретать богатство, а потом о нем не заботиться.

— Все равно как покупать любые игрушки, каких душа пожелает, но никогда их не прибирать? — спросила Киска.

— В точку, — отвечал Квентин.

— Очень здорово, — сказала Киска. — А чего еще ты хочешь?

— Волшебную ручную зверушку, — без запинки выпалил Квентин. — Лучше льва, и чтоб он только меня слушался, и убивал, кто мне не нравится.

— А это не слишком? — спросила Киска.

— Ну, я хотел сказать, убивал бы, кто мне не нравится, если я скажу. Но я, конечно, не скажу. Если они будут уж очень вредные, я сам их убью, в долгом единоборстве, из которого выйду весь израненный. И мама будет перевязывать мне раны.

— Матери не перевязывают раны героям, — заметила Киска.

— А в моих приключениях будут, — возразил Квентин. — Я назначу такие правила.

— Жалко, ты еще маленький, чтоб договариваться с демонами.

— Не знаю. — Квентин сел на кровати, вид у него был самый серьезный. — Вот, может, прямо сейчас и пойду.

— Квентин! Немедленно выбрось это из головы! — вскричала Киска, думая со сладким замиранием сердца: если Квентин будет упорствовать, ей, как старшей сестре, придется пойти с ним и, может быть, загадать собственное желание, просто заодно.

Квентин вылез из постели и стал одеваться. Нижняя губа у него дрожала, так жалко ему было перечить любимой сестричке, но в остальном вид мальчика был непреклонен.

И тут в углу комнаты сверкнула молния. Дети мигом запрыгнули в постель. Повалил дым, а когда дым рассеялся, дети увидели красивую темноволосую тетю.

— Как вы сюда попали? — спросил Квентин. — Вас ведь не было среди богомольцев?

— Я принесла на продажу яйца, — сказала тетя. — Я живу поблизости на ферме и только что пришла в корчму. Меня зовут Илит.

Дети представились и с жаром пересказали, что Антонио сегодня вечером говорил о семи счастливых случаях, у которых исполнятся заветные желания. По описанию Илит узнала Аззи.

— Я тоже хочу загадать желание, — сказал Квентин.

— И не думай, — твердо отвечала Илит.

У Квентина явно камень упал с души. Тем не менее мальчик спросил:

— А почему?

— Потому что негоже благовоспитанным детям что-нибудь просить у демона.

— Но другие ведь просят, — заметила Киска. — Им, значит, достанется все самое интересное.

— Скоро вы увидите, что это не совсем так, — сказала Илит. — Кое-кто из них получит вовсе не то, на что рассчитывал.

— Откуда вы знаете? — поинтересовалась Киска.

— Знаю, и все, — отвечала Илит. — А теперь, детки, не пора ли спать? Если ляжете, я расскажу вам сказку.

Глава 3

Илит рассказала, как ягнятки и козлятки резвились на холмах ее родимой Греции. Вскоре дети заснули, Илит задула свечу и тихо вышла. В гостиной она застала нескольких богомольцев — те сидели за столом у очага и обсуждали недавнее происшествие.

— Он точно демон? — спрашивала одна из служанок у тощего парня с копной соломенных волос, лакея сэра Оливера.

— А то! — отвечал лакей — самолюбивый юнец лет двадцати пяти, по имени Мортон Корнглоу.

Илит села рядом со служанкой и лакеем.

— А что этот демон предложил? — спросила она.

Корнглоу отвечал:

— Хозяин говорил, что отправится в волшебное путешествие, а за это получит то, чего больше всего хочет. Когда я вошел в комнату, его там не было. Исчез.

— Может, просто вышел прогуляться? — предположила Илит.

— Мы не видели, чтоб он спускался по лестнице, — сказал Корнглоу, — и вряд ли он выпрыгнул в окошко на ежевичные кусты. Верьте мне, он

отправился по поручению демона, и, скажу начистоту, такое поручение сгодится и мне.

— Врешь! — воскликнула служанка, глядя на парня с восхищением.

— А что? — хорохорился Корнглоу. — Я не хуже другого могу участвовать в пьесе, даром что перед моим именем не стоит «сэр»!

Илит вытаращила глаза:

— В пьесе?

Корнглоу кивнул:

— Это мне рассказал хозяин. Мы должны делать, что всегда, а нас еще и богато наградят. Вот это по мне.

Илит торопливо подошла к двери и растворилась в темноте.

— Куда она, по-твоему? — спросила служанка.

Корнглоу пожал плечами и цыкнул зубом.

— Если на свидание, так с ангелом или чертом, не иначе. Больше там никого нет, кроме волков.

Илит сказала про себя: «Значит, он все же решил это сделать! Поставить безнравственную пьесу! Ну, погоди, узнает Михаил!»

Глава 4

— Ставит безнравственную пьесу? — переспросил Михаил.

— Похоже, сэр.

— Возмутительно!

— Да, сэр.

— Возвращайся и не спускай с него глаз. Если придумаешь, как потихоньку помешать его плану, — действуй. Разумеется, ничего опрометчивого.

— Понимаю, — сказала Илит.

— Тогда вперед, — велел Михаил. — Я, может, пришлю тебе в помощь Бабриэля.

— Было бы замечательно, — с жаром отозвалась Илит. Хотя они с Бабриэлем давно уже не встречались, она сохранила самые теплые воспоминания о былых временах. Илит отлично помнила, как сладок грех, и порою все ее тело ныло от тоски по прошлому.

Вспомнился ей и роман с Аззи. Когда-то казалось, что это и есть счастье.

Она тряхнула головой и велела себе не задумываться — размышления на такую тему до добра не доведут.

Глава 5

Отпустив Корнглоу, сэра Оливер долго сидел на краю кровати, удивляясь смелости своего поступка. Разумеется, он был напуган: кто бы не напугался, поговорив с демоном? Однако предложение сэра Антонио грех было упустить. Как бы ни советовали попы, что злые духи всечасно искушают человечество, на самом деле это происходит не так и часто. Никому из знакомых сэра Оливера не предлагали подобной сделки, а ему самому и по-давно.

Оливеру нравилась идея. С детства им владела жгучая страсть: совершить что-нибудь великое, полезное и важное ценой как можно меньших усилий. Такое обычно не рассказывают даже близким — не поймут ведь.

Хотя час был уже поздний, спать не хотелось. Сэр Оливер налил кубок вина и достал несколько галет, нарочно припасенных от ужина. Он как раз вынимал галету из кармана, когда взгляд его упал на стену.

Оливер сглотнул, пролил вино на камзол. Перед ним возникла дверь. Самая обычная, деревянная, но сэра Оливер твердо помнил, что никакой двери тут раньше не было.

Он встал, подошел к стене и осмотрелся. Мог он ее проглядеть, когда входил? На двери была ручка. Он дернул. Заперто.

Ладно, значит, все в порядке. Сэр Оливер сел. И тут ему пришла другая мысль: он вынул из кармана полученный от Аззи волшебный ключик и снова подошел к двери.

Осторожно вставил ключик в замок. Тот вошел с чуть слышным щелчком. Сэр Оливер на пробу легонько шевельнул ключ. Ключ повернулся сам, замок щелкнул.

Сэр Оливер нажал на ручку. Дверь открылась. Он вынул ключ и убрал в карман.

Выглянул наружу. За дверью был длинный, тускло освещенный коридор, уходящий куда-то в неразличимую даль. Сэр Оливер понимал, что ведет он не в корчму и даже не в лес, а Бог знает куда. И при этом сэру Оливеру надо туда идти.

Страшно...

Зато какая обещана награда!

Перед сэром Оливером мелькнуло видение: он сам в алых доспехах, на боевом скакуне во главе отряда героев въезжает в город, где его приветствуют стар и млад.

— Да это и впрямь что-то необыкновенное! — сказал сэр Оливер вслух.

Он шагнул в коридор, не то чтоб до конца решившись, а скорее как мальчишка, вступающий в незнакомую реку.

И тут же дверь в корчму затворилась. Сэр Оливер сглотнул, но назад поворачивать не стал. Какое-то предчувствие говорило ему, что именно так должно начинаться приключение — толчок извне, а дальше у тебя просто не остается выбора.

Он пошел по коридору, сперва опасливо, потом все быстрее и быстрее.

Глава 6

В коридоре было относительно светло, хотя сэра Оливера и не понимал, откуда льется свет — серый, сумеречный и печальный, почти зловещий. Сэр Оливер все шел, а коридор, казалось, вытягивался перед ним. Потом на стенах по обеим сторонам появились зеленые ветки, повеяло милым сельским очарованием.

Через какое-то время лес поредел, и сэр Оливер оказался на лугу. За лугом стоял маленький, окруженный рвом замок. Подъемный мост был опущен.

Рыцарь подошел к стене и увидел ворота, которые отворились при его приближении. Сэру Оливеру предстала красиво убранная гостиная. В очаге весело пылал огонь, на табурете рядом с дверью сидела дама. Она встала и повернулась к сэру Оливеру.

— Здравствуйте, сэр рыцарь. Меня зовут Альвина, и я приветствую вас в своем доме. Мужа нет — он рыщет по округе, убивает людей, но законы гостеприимства требуют, чтобы я вас накормила, напоила, спать уложила и с утра угостила завтраком.

— Большое спасибо, — произнес Оливер. — Я, собственно, зашел спросить, не у вас ли, часом, волшебный конь?

— Волшебный конь? Какой масти?

— Ну, видите ли, точно не знаю. Мне сказали, что впереди меня будет ждать чудесный конь, а там уже недалеко и до золотого подсвечника. А потом... Собственно, что произойдет потом, я толком не знаю. Вроде как я поведу большую армию. Вы ничего об этом не слышали?

— Нет, — отвечала Альвина. — Моя роль тут самая скромная.

Она улыбнулась. Волосы у нее были очень красивые, темные, грудь — высокая и округлая. Оливер последовал за хозяйкой в дом.

Они прошли через шесть комнат, выдержанных в ало-черно-серебряной гамме, украшенных гербами, оружием и портретами мрачных старцев. В седьмой стоял стол под белой камчатной скатертью, на скатерти блестела серебряная посуда.

— Очень прилично! — вскричал сэр Оливер, потирая руки. Перед ним громоздилась дивная снедь: гусиный паштет и крыжовенное варенье, яйца и хлеб с тмином, а также множество вин. Стол был накрыт на двоих, и сэр Оливер задумался, только ли трапеза ему приготовлена.

— Садитесь, — пригласила Альвина, — располагайтесь как дома.

Из-под арки выбежал белый котенок, шаловливо запрыгал, и Альвина нагнулась с ним позабавиться. Сэр Оливер воспользовался случаем переставить тарелки. Тарелки были почти одинаковые, только у Оливера сбоку лежали две редиски, у Альвины — одна. Рыцарь, чтобы скрыть подмену, быстро переложил одну редиску. Альвина, похоже, ничего не заметила.

Приступили к трапезе. Хозяйка из большой бутылки налила два кубка бургундского.

Оливер улучил минуту, когда внимание хозяйки отвлекла маленькая гончая — та вбежала в комнату с явным намерением поиграть. Едва Альвина нагнулась, сэр Оливер переставил кубки. Та ничего не заметила.

Довольный собой, сэр Оливер бросился в сражение с яствами: до сей поры он предпочитал такие битвы любым другим. Ел он жадно и пил большими глотками, потому как кушанья были сочные и сладкие — сказочные, волшебные, несравненные кушанья. Вскоре рыцарь ощутил головокружение и слабость, явно вызванные каким-то препаратом опия.

— Что с вами, сэр рыцарь? — спросила Альвина, когда он тяжело осел на стуле.

— Просто мгновенная усталость, — отвечал сэр Оливер.

— Вы переменяли тарелки! — вскричала дама, в ужасе созерцая грязный отпечаток мужского большого пальца на своей тарелке — явную улику того, что рыцарь желал бы скрыть.

— Не сочтите за обиду, — сонно произнес сэр Оливер. — Старинный обычай моей родины. А вы нарочно подмешали себе этот порошок?

— Конечно. Без снотворного я всю ночь не смыкаю глаз, — сказала Альвина.

— Чертовски извиняюсь, что принял ваше лекарство, — пробормотал сэр Оливер, еле ворочая языком. Глаза словно проваливались в глазницы, освобождая дорогу снам, которых рыцарь предпочел бы не видеть. — А скоро пройдет его действие?..

Ответ заглушило мощной волною сна, которая прокатилась через голову сэра Оливера. Он барахтался, словно в полосе прибоя, потом вдруг оказалось, что это уже не прибой, а черный пруд, и в пруду этом тепло, словно в ванне. Рыцарь стремился удержать голову над пенными мраморными

волнами, вестницами Морфея. Он боролся со странными мыслями, непривычными видениями. И тут, еще не успев этого сообразить, окунулся в забытьё.

Когда он очнулся, женщины рядом не было. Не было и замка. Сэр Оливер лежал в совершенно незнакомом месте.

Глава 7

Илит вернулась к паломникам и нашла их в полном замешательстве. Ночью бесследно пропал сэр Оливер. Его слуга, Мортон Корнглоу, не мог предложить другого объяснения, кроме чародейства.

Илит осмотрела корчму и наконец поднялась в комнату сэра Оливера. Слабый запах синильной кислоты сразу подсказал, что в последние двадцать четыре часа здесь включали чару-Балбеску.

Это все, что Илит нужно было знать. Она подождала, пока останется в комнате одна, и в свою очередь прибегла к чародейству. Все нужное она носила при себе в сумочке, припрятанной с ведьминских еще времен, — и вскоре, обратившись в облачко пара, уже неслась по лесу, где сгинул сэр Оливер.

Так она напала на след рыцаря, который вывел ее к замку Альвины. Илит мельком помнила Альвину по старым дням: Альвина была ведьмой, но прежней, нераскаянной. Вполне может работать на Аззи, решила Илит.

Самое время было заглянуть в ближайшее будущее. Илит набрала достаточно сведений, чтобы

заложить в проницатель; теперь она пустила его в ход.

Результат вполне ее удовлетворил. Сейчас сэра Оливер переживал приключение с Альвиной. Аззи устроил все так, чтобы приключение не заняло много времени. После этого сэру Оливеру предстоит довольно долго идти пешком. Затем он выйдет из леса и окажется на пути к цели, то есть к южному, итальянскому склону Альп.

Логичнее всего перехватить рыцаря в лесу. Найти его Илит найдет, а что дальше? Нужен способ остановить его, не причиняя при этом вреда.

— Придумала! — вскричала Илит. Она убрала в сумочку проницатель и вызвала знакомого ифрита.

Ифрит появился незамедлительно — большой, черный, злобного вида. Илит вкратце объяснила суть дела и попросила либо остановить, либо временно задержать сэра Оливера.

— Рад буду помочь, — сказал бывший злой дух, недавно перешедший на сторону Добра. — Пришибить насмерть?

Такого рода создания по-прежнему сохраняли склонность к насилию, осуждаемую в более мирные времена, когда на Небесах брали верх либеральные тенденции. Однако сейчас время было не мирное, и с чувствами небесных интеллектуалов считаться не приходилось.

— Нет, это чересчур, — сказала Илит. — А вот не знаешь ли ты, где рулон невидимой ограды, что мы забрали у жрецов Ваала?

— Знаю, мэ. Его объявили аномалией и поместили на какой-то склад.

— Узнай, куда именно, и отмотай себе кусок посолидней. Сейчас объясню, что надо будет сделать.

Глава 8

Оливер медленно сел и сказал себе: «Тьфу ты, что за напасть?» Он стиснул руками голову, где уже деловито постукивали первые предвестники мигрени. Что-то разладилось. Что именно, сэръ Оливер не знал, но чувствовал — дело плохо.

Он встал и огляделся. Пространство вокруг было никаким, и, хотя света хватало, не видно было ни зги.

Послышалось хлопанье крыльев, на плечо сэру Оливеру уселась маленькая сова с непроницаемым взглядом под стать непроглядности окружающего.

— Не скажете ли, где я? — спросил рыцарь.

Сова склонила голову набок.

— Трудно сказать. Угодил ты в переплет, старина.

— То есть?

— Понимаешь, кто-то воздвиг вокруг тебя невидимую ограду.

Сэръ Оливер не поверил в невидимую ограду. Во всяком случае, пока не подошел и не потыкал пальцем в незримую поверхность.

Палец во что-то уперся.

Обойти это что-то тоже не удалось.

Сэръ Оливер сообщил свои наблюдения сове.

— Конечно, — отвечала птица. — Это же тупиковый путь.

— Тупиковый путь? А куда он ведет?

— Тупиковый путь по определению ведет в тупик.

— Как же так! Мне нельзя заходить в тупик! Я должен отыскать чудесного коня.

— Таких тут нет, — отвечала сова.

— Вообще-то я ищу золотой подсвечник.

— Звучит здорово, — восхитилась сова, — но подсвечника у меня тоже нет.

— Подошло бы и волшебное кольцо.

Птица виновато встрепенулась.

— Ах да, конечно! Оно у меня при себе.

Сова пошарила клювом в перьях, нашла кольцо и вручила его сэру Оливеру.

Рыцарь надел кольцо на палец. Оно было красивое, золотое, с большим сапфиром, сэру Оливеру даже померещились в глубине самоцвета движения теней.

— Не смотри слишком долго, — посоветовала сова. — Оно чтоб колдовать, а не любоваться.

— Колдовать? А как?

— Тебе не сказали?

— Нет.

— Ну, — протянула сова, — кто-то проявил халатность. Можешь с полным основанием жаловаться.

Сэр Оливер огляделся, но жаловаться было некому. Разве что сове.

— Чертовски уместное замечание, — пробормотал сэр Оливер. — Как же я одержу великую победу, если буду сидеть здесь?

— Можем разложить пасьянс, — предложила сова. — Чтоб скоротать время.

— Не думаю, — отвечал сэр Оливер. — Я не играю в карты с птицами.

Сова вытащила из-под крыла маленькую колоду карт и принялась тасовать. Испытующе глянула на Оливера.

— Ладно уж, начинай, — вздохнул тот.

Вскоре игра захватила рыцаря. Он любил пасьянсы. Отличный способ скоротать время.

— Тебе сдавать, — сказала сова.

Глава 9

В корчме Аззи протер хрустальный шар и заглянул внутрь. Шар оставался мутным, пока Аззи не спохватился: «Покажи, как там сэр Оливер». Хрустальный шар мигнул, подтверждая, что сигнал принят, и вместо мглы возник сэр Оливер. Он сидел в лесу и раскладывал пасьянс на двоих с маленькой ушастой совой.

— Такого у меня не предусмотрено, — растерянно произнес Аззи. Он почувствовал, что без Аретино не обойтись. — Где мой гонец? — осветился демон.

Открылась дверь, и вошел кто-то маленький.

— Немедленно отнеси эту записку Аретино. — Аззи ногтем черкнул в блокноте: «Срочно приходи», вырвал пергаментный листок, сложил вдвое и вручил гонцу.

— Где он?

— В Венеции, без сомнения, гуляет на мои денежки.

— Можно взять талисман, чтобы туда добраться?

— У тебя должны быть свои, — проворчал Аззи. — Ладно, возьми со стола.

Гонец сгреб из хрустальной вазы на столе пригоршню талисманов.

— В Венецию! — вскричал он и был таков.

В спешке Аззи не узнал Квентина, который не упустил случая ввязаться в кутерьму.

Глава 10

Тем временем в Венеции Пьетро Аретино кутил на выданный демоном аванс. Денежки пришли как нельзя вовремя. Поэту давно хотелось закатить пир горой, да так, чтоб весь добрый старый город стал на уши и еще раз убедился, кто такой Пьетро Аретино. Пирушка продолжалась уже несколько дней и ночей — с тех самых пор, как Аззи покинул Венецию.

Для празднества Аретино выписал из Германии музыкантов. Те порасстегивали камзолы и ударились в пьянство. Короче, веселье было в самом разгаре, и гонец прибыл на редкость некстати.

Гонец оказался маленьким мальчиком в длинных белокурых локонах и ночной рубашке, очень хорошеньким. Это был Квентин, запыхавшийся от стремительного перелета на талисмানে через Альпы в Венецию.

Слуга провел его к драматургу. Мальчик низко поклонился и сказал:

— Я принес весть.

— Немного не ко времени, — отвечал Аретино, — у нас тут самое веселье.

— Послание от Аззи, — сказал Квентин. — Он немедленно требует вас к себе.

— Ясно. А ты кто?

— Паломник. Понимаете, моя сестра Киска — это уменьшительное от Прискилла — заснула, и я решил пойти на разведку. Понимаете, я на самом деле не спал. Я вообще редко сплю. Я пошел на второй этаж, увидел дверь, заглянул и не успел опомниться, как оказался гонцом.

— А как же ты добрался сюда? — спросил Аретино. — Ты ведь смертный, вроде меня, не правда ли?

— Конечно. Я прихватил у Аззи горстку талисманов.

— Надеюсь, что так, — задумчиво произнес Аретино. — Чего Аззи от меня хочет?

— Чтобы вы немедленно летели к нему.

— А где он?

— Я отвезу. С помощью чар, — сказал Квентин.

— А ты думаешь, твои чары выдержат двоих?

Квентин не удостоил его ответом. Он за короткое время совершенно освоился с талисманами и торопился рассказать Киске, что управлять бытовым талисманом — самое плевое дело.

Глава 11

Аззи собирался отпраздновать, когда сэра Оливер тронется в путь — ведь это означало, что безнравственная пьеса запущена. Аретино оставалось бы только следить за сэром Оливером и описывать его странствия. Но, видимо, не успел рыцарь выйти из корчмы, как столкнулся с препятствием.

Аззи не стал терять времени. Он проследил путь сэра Оливера в страну фей по тем непреложным знакам, по которым Зло способно следовать за Невинностью. Так Аззи попал в странное лесное царство, где реальный мир переплетался со сказкой.

Из сумрачных лесных коридоров Аззи вышел наконец на поляну и в дальнем ее конце увидел сэра Оливера — рыцарь сидел на бревне, напротив утнездилась сова. Они играли в карты маленькой и узкой — как раз по совиной лапе — колодой.

Аззи не знал, плакать ему или смеяться. Он-то готовил сэра Оливера к великим делам.

Демон поспешил к рыцарю со словами:

— Эй, Оливер! Кончай валять дурака, пора в дорогу!

Однако рыцарь не слышал, и Аззи не мог подойти к паломнику ближе чем на двадцать футов — что-то эластичное и незримое преграждало путь. Стена, по всей вероятности, не пропускала звуки, а также поглощала или преломляла световые волны, поскольку сэр Оливер явно не видел демона.

Аззи прошел вдоль невидимого круга до точки, на которую сэр Оливер должен был посмотреть, если бы случаем поднял голову. Демон остановился и стал ждать. Вскоре сэр Оливер поднял глаза от карт и поглядел сквозь Аззи. Потом вернулся к игре.

Аззи понял, что тут замешано колдовство, и не шуточное, с таким демоном не совладать. Он задумался, кто же приложил здесь руку.

Первым делом он заподозрил Бабриэля. Однако ангелу вряд ли хватило бы ума задумать и осуществить подобное. Кто остается? Михаил? Не похоже на его работу — изыска недостает, последнего завершающего штриха. Нет, почерк не Михаила — но в последней крайности архангел способен и не на такое.

Оставалась одна Илит. Верно, без нее тут не обошлось. Но что, собственно, она сделала?

Через секунду Илит уже стояла перед демоном. — Привет, Аззи! Если ведьминское чутье меня не подводит, ты обо мне думал.

Она улыбнулась искренней чарующей улыбкой, что ничуть не проясняло дела.

— Что ты тут наворотила? — спросил Аззи.

— Придумала, как тебе чуток напакостить, — сказала Илит. — Поставила обычную средневековую незримую ограду.

— Очень остроумно, — фыркнул Аззи. — Теперь убери ее.

Илит обошла незримую ограду. Пощупала.

- Странно...
- Что странно? — спросил Аззи.
- Не могу найти аномалию, которая питает изгородь. Она была здесь.
- Ну, это уж чересчур! — вскричал Аззи. — Я отправляюсь к Ананке.

Глава 12

Ананке пригласила своих старых приятельниц мойр на чаепитие. Лахесис испекла тортик, Клото обошла сувенирные лавки Вавилона и отыскала душевный подарок, Атропос купила сборник стихов.

Ананке, как правило, избегала принимать человеческий облик. «Зовите меня старой иконоборкой, — любила говаривать она, — но, по мне, все сколько-нибудь значительное незапечатливо». Однако сегодня, чтобы сделать приятное подружкам-Судьбам, она приняла вид толстой пожилой немки в классическом костюме и с пучком на затылке.

Ананке и Судьбы расположились на пикник на склоне горы Айкон. Высокогорный луг благоухал тимьяном и розмарином. В синем-пресинем небе белыми крысами резвились редкие облачка.

Ананке разливала чай, когда Лахесис приметила в небе пятнышко. Оно приближалось.

— Гляньте! — вскричала мойра. — К нам кто-то летит!

— Я оставила записку, чтобы меня не тревожили, — проворчала Ананке. Кто посмел ее ослушаться? Верховная, или почти верховная сила во Вселенной, Ананке привыкла, чтоб ее почитали.

Она любила считать себя Той, Которой Все Повинуются, хоть это немного и высокопарно.

Пятнышко приняло человеческие очертания и вскоре оказалось летящим демоном.

Аззи изящно опустился рядом с расстеленной на траве скатертью.

— Здравствуйте, — сказал он с поклоном. — Извините, что помешал. Надеюсь, вы в добром здравии?

— Выкладывай, с чем пришел, — сурово потребовала Ананке. — И лучше для тебя, чтобы новость оказалась хорошей.

— Дело вот в чем, — объяснил Аззи. — Я решил поставить совершенно нового рода пьесу, безнравственную, чтобы хоть как-то противостоять потоку нравственных пьес, которыми мои оппоненты наводнили мир, — этим бездушным и бессмысленным агиткам.

— Ты нарушил мой отдых, чтобы сообщить о своей новой пьесе? Я тебя, бездельника, давно знаю, и пьесы твои меня не интересуют. Хочешь ставить — ставь, при чем тут я?

— Мои оппоненты мешают постановке, — сказал Аззи. — А ты им потворствуешь.

— Ну, Добро того заслуживает, — произнесла Ананке, словно оправдываясь.

— Пусть так. Но ведь это не лишает меня права ему противостоять? И ты здесь для того, чтобы это право обеспечить.

— Тоже верно, — согласилась Ананке.

— Так ты велишь Михаилу и его ангелам, чтоб они мне не мешали?

— Наверно, да. А теперь иди, дай нам отдохнуть по-человечески.

И этим ответом Аззи пришлось удовольствоваться.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава 1

У себя в офисе Михаил отдыхал в идеальном платоновском кресле — прообразе всех кресел и, по определению, лучшем из когда-либо созданных. Недоставало только сигары. Однако курение — порок, от которого архангел отказался давным-давно, так что на самом деле он не испытывал недостатка ни в чем.

Довольство — такая же редкость в жизни архангела, как и простого человека, и Михаил ценил подобные минуты. Он сполна наслаждался ими, в то же время гадая, долго ли продлится блаженство.

В дверь постучали.

Михаил чувствовал: кем бы ни был этот посетитель, радости от него не жди. Может, не отвечать? Или сказать «Уходите»? Однако он поборол искушение. Архангелу не пристало уваливать от ответственности.

— Войдите!

Открылась дверь, и вошел гонец.

Перед архангелом предстал белокурый кудрявый мальчик в ночной рубашке, с пакетом в одной руке и горстью талисманов — в другой. Это был

Квентин, который ринулся в новую работу очертя голову.

— Пакет для архангела Михаила.

— Это я, — сказал Михаил.

— Распишитесь здесь, — попросил Квентин.

Михаил черкнул свою закорючку на протянутом уведомлении. Мальчик сложил золотой листок, спрятал, затем вручил Михаилу тяжелый пакет.

— Ты ведь не ангел, верно? — спросил Михаил.

— Да, сэр.

— Ты ведь просто маленький мальчик?

— Вроде так, — отвечал Квентин.

— Так почему ж ты разносишь сверхъестественные послания?

— Не знаю, — пожал плечами Квентин. — Зато это жутко весело. Чего-нибудь еще от меня надо?

— Вроде нет, — сказал Михаил.

Квентин включил талисман и унесся прочь.

Михаил почесал в затылке, повертел в руках пакет. Он был обернут в простую серую бумагу. Архангел разорвал обертку и вынул большой медный брусок. Покрутил брусок, увидел надпись. Поднеся послание к свету, чтобы различить буквы, он прочел: *«Михаил! Перестань мешать демону Аззи с его пьесой. Хочешь, поставь свою, но не делай гаостей Аззи. Искренне твоя, Ананке».*

Михаил положил брусок. Настроение было испорчено безвозвратно. Кто такая Ананке, чтобы предписывать архангелу? Он никогда не принимал утверждения, будто Ананке, Необходимость, равно правит Добром и Злом. Кто сказал, что так должно быть? Просчеты в планировании, вот что это такое. Жаль, что Бог удалился. Он один мог бы навести порядок. Но Он отошел от дел, и как-то получилось, что Ананке осталась за старшую. А теперь она диктует Михаилу свою волю.

— Нет у нее надо мной таких прав, — вслух произнес Михаил. — Может, она и Рок, но уж во всяком случае не Бог.

Он решил предпринять какой-нибудь обходной маневр.

Запрос в Исследовательский центр подсказал ему несколько ближайших ходов. Замыслам Аззи можно помешать. Достанет и простой задержки.

Глава 2

— Попробуй снова, — сказал Гефест.

— Я пробую! — раздраженно бросил Ганимед. —
Говорю вам, туда не пролезть.

Олимпийцы сгрудились у своего конца интерфейса, другой конец которого располагался в ящике Пандоры в комнате Уэстфолла. Этой дорогой ускользнул Зевс, и теперь остальные боги и богини хотели выбраться, но интерфейс их не пропускал. Божественный умелец Гермес пытался разными хитростями расширить проход, однако он привык иметь дело с железом несколько иного рода.

Интерфейс тихо загудел, все отпрянули. Через секунду перед ними стоял Зевс во всей своей мощи и славе.

— Явился, не запыхался! — воскликнула Гера. Она всегда была остра на язычок.

— Молчи, женщина, — сказал Зевс.

— Хорошо тебе говорить, — отвечала Гера. — Ты там на воле обдываешь свои грязные делишки, а мы томимся в этом проклятом месте. Какое ты после этого верховное божество?

— Самое лучшее, — заявил Зевс. — Я не терял времени даром. И у меня есть план. Но извольте делать, что я скажу, от этого зависит

ваша свобода. Бросьте цапаться между собой, объединитесь. Насколько я знаю, скоро сюда придет архангел Михаил.

— Ха! Враг! — вскричал Аполлон-Феб.

— Нет, — отвечал Зевс. — Потенциальный союзник. Он явится за одолжением. Нам следует внимательно его выслушать и сделать, что он попросит.

— А потом?

— А потом, дети, нам представится случай отвоевать мир.

— А, новый небожитель! — приветствовал Зевс Михаила, когда тот наконец появился.

Обращение «новый небожитель» покорило архангела — будто он какое-нибудь новоявленное скоробожество, а не бесплотный дух, равный Зевсу по мощи.

— Повежливее, — сказал он олимпийцу. — У нас еще достанет силы зашвырнуть тебя с твоим выводком полуголых сибаритов на самое дно Ада.

— Мы только что оттуда, — отвечал Зевс. — Когда разок хлебнешь худшего, оно уже так не страшит. Ладно, зачем ты хотел нас видеть?

— Полагаю, тебе известно, — начал Михаил, — что на космическую сцену вступила новая сила?

— От нашего внимания это не ускользнуло, — кивнул Зевс. — И что?

— Ты знаешь о безнравственной пьесе, которую ставит демон по имени Аззи?

— Слышал. По мне, очень остроумная идея.

— Если она отразится на человечестве, как я предполагаю, то повредит вам не меньше, чем нам.

— С чего ты взял? Мы, греческие боги, равнодушны к Добру и Злу.

— Этот замысел вне категорий Добра и Зла.

— Ну... и что с того?

— Замысел не просто аморален, он подрывает утверждение, что характер — это судьба.

— Что? То есть как? — переспросил Зевс.

— Кажется, мне удалось завладеть твоим вниманием, — сказал Михаил. — Но это еще не все. Пьеса Аззи не только отрицает, что характер — это судьба, но еще и стремится доказать, что Впустую Прожитые Годы Приносят Зримые Плоды.

— Это уж слишком! — вскричал Зевс. — Как его остановить?

— Мы вынуждены прибегнуть к тактике затягивания, — сказал Михаил. — Я лично ничем помочь не могу, меня уже предупредила Ананке. Однако, если ты — а лучше, кто-нибудь из твоих детей — согласится оказать мне небольшую услугу...

Феб встал. Он улыбался.

— Охотно помогу. Просто объясните, что делать.

— Потребуется циклопы, — сказал Михаил. — Вроде тех, что по велению Феба встретились Одиссею. Только чтоб на этот раз без осечек. А потом у меня найдется порученьице для того из вас, кто заведует ветрами, ливнями и грозами.

Афина задумалась.

— Эти функции распределены между многими богами, включая Посейдона и тебя самого, великий Зевс.

— Верно, — согласился Зевс. — Ладно, погоду кому-нибудь поручим. Арес, хотелось бы тебе развязать стихийную войну?

— Да хоть какую, лишь бы людям пришлось похуже, — отвечал Арес.

— Тогда слушайте, — сказал Михаил. — Сейчас я объясню, когда и как надо делать погоду.

Глава 3

Женский голос воскликнул: «Нашла!», что-то щелкнуло. Через секунду послышался шум падающей сетки.

Сэр Оливер встал, чтобы проверить, насколько ограничена его свобода.

Ее ничто не ограничивало. И он пошел дальше.

Куда идти, он не знал, но верил в чару-Балбеску и не беспокоился. Талисман тащил его и подталкивал, так что сомнений в выборе пути не возникало. Рыцарь чувствовал, что ушел уже далеко.

Талисман потянул его влево, сэр Оливер послушно свернул и вскоре очутился на берегу. Еще через какое-то время впереди показалась пещера. Вид у нее был самый негостеприимный, и сэр Оливер уже собрался обойти ее стороной, когда увидел прибитую над входом ржавую табличку: «ВХОД ПО ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ КОЛЬЦА». Он вошел.

Сразу за стеной сидел на табурете великан.

— Кольцо есть? — осведомился он.

— А как же, — сказал сэр Оливер и показал кольцо.

Великан внимательно его осмотрел.

- Ладно, значит, тебя-то я и ждал.
Он встал и привалил вход валуном.
- Зачем это?
- Приказ, — ответил великан, опускаясь на табурет.
- И что теперь? — спросил сэръ Оливер.
- Лучше не спрашивай, а то еще расстроишься.
- Но я хочу знать! Говори.
- Я тебя съем, — сказал великан.
- Шутишь!
- Совершенно серьезно. Ты когда-нибудь слышал, чтоб великан занимался розыгрышами?
- Оливер возмутился:
- Я не сделал тебе ничего дурного!
- Это не имеет значения.
- А что имеет значение?
- Извини, приятель, но у меня инструкция: «Съесть прохожего с кольцом».
- Какого прохожего с кольцом? — спросил Оливер.
- Тут не сказано. «Прохожего с кольцом», и все.
- Но это может быть кто угодно.
- Слушай, приятель, может, им некогда было объяснять подробнее.
- А если ты съешь не того прохожего?
- Ну, значит, кому-то здорово не повезло, а я не виноват.
- Конечно, не виноват, — сказал Оливер. — Но достанется-то тебе.
- С чего ты взял?
- Разве тебе не доставалось за чужой недогляд?
- Верно говоришь, — вздохнул великан. Он прошел в глубь пещеры, где у него были стул, койка и фонарь.

Оливер огляделся в поисках оружия, но ничего подходящего не обнаружил. Зато увидел, что у великана к рубашке приколот листок бумаги.

— Что там у тебя на плече? — поинтересовался рыцарь.

— Командировочное удостоверение.

— И что там говорится?

— Чтоб я сидел здесь и дожидался прохожего с кольцом.

— А еще что?

— Вроде ничего.

— Дай я гляну.

Великану не хотелось показывать драгоценное удостоверение постороннему, тем более — предназначенному на съедение.

Оливер все понимал, но решил во что бы то ни стало взглянуть на удостоверение. Единственное, что он придумал, — потереть великану спину.

— А зачем мне надо, чтобы ты тер мне спину? — спросил великан подозрительно.

— Затем, что это приятно, вот зачем.

— Мне и так неплохо, — буркнул великан, хотя вид его говорил об обратном.

— Конечно, — согласился Оливер. — Вижу, что тебе неплохо. Но что такое неплохо? Да почти ничего. Разве тебе не хочется почувствовать себя хорошо?

— Не знаю, надо ли мне это, — произнес великан.

— Когда ты последний раз чувствовал себя хорошо? По-настоящему хорошо?

— Да уж, наверно, давненько. Никому нет дела до того, как чувствуют себя великаны. Никто и не думает, что у великанов есть чувства. Никто не спрашивает о нашем здоровье и настроении. Люди считают великанов тупицами, но нам хватает ума понять, что людям на нас плевать.

— Все верно, — согласился Оливер. — Так потереть тебе спину?

— Ладно, — сказал великан. — Мне что, придется рубашку снять?

— Не хочешь, не снимай.

Великан лег на длинную глыбу, служившую ему постелью. За день он переделал ее в диван, с двумя валунами вместо подушек. Оливер задрал великану рубаху и принялся растирать исполинскую спину, поначалу легонько, затем все сильнее и сильнее, поскольку великан жаловался, что ничего не чувствует. Оливер колотил, лупил и барабанил и все время пытался прочесть удостоверение, пришитое бронзовой скобкой к левому плечу рубахи.

Наконец ему удалось разобрать: «Этот великан уязвим только слева подмышкой, где для целей вентиляции отсутствует броня. Великану рекомендуется всячески оберегать это место». Ниже стояла марка производителя, но она расплылась.

Это была уже какая-то зацепка — впрочем, слабая, поскольку сэр Оливер не знал, как добраться великану до левой подмышки. Даже правая была недоступна.

На дверь пещеры упала тень, и рыцарь поднял глаза. Перед ним стоял высокий, хорошо одетый мужчина, судя по внешности — итальянец.

— Привет, меня зовут Аретино, — сказал незнакомец. — Я от Аззи. Если ты закончил с массажем, может, вернемся к работе?

— Кто тут? — сонно поинтересовался великан.

— Не обращай внимания, — сказал Оливер, — это ко мне.

— Скажи, пусть уходит. После массажа пора будет тебя съесть.

Оливер закатил глаза и оторвал руки от великаньей спины, чтобы горестно ими всплеснуть.

Теперь и Аретино заметил великана. Он медленно вошел в пещеру, оглядываясь, не притаился ли тут еще исполин. Шепотом спросил Оливера:

— Он бронированный?

— Ага, — отозвался Оливер. — Везде, кроме левой подмышки.

— Надо подкараулить, когда он будет чесаться.

— Верно. Но как?

Аретино прошептал:

— Есть здесь поблизости виноград?

— Я спрошу, — кивнул сэръ Оливер, сразу уловивший идею. — Есть здесь поблизости виноград? — обратился он к великану.

— Виноград? На что тебе виноград?

— Последняя предсмертная трапеза. По обычаю.

— Никогда не слышал. Ну ладно, думаю, найдем тебе винограда. Уж больно хороший был массаж. — Великан встал. — Идем.

Они с Оливером вышли наружу. Перед самой пещерой стояла очень высокая, обвитая виноградом беседка.

— Я не дотянусь, — сказал Оливер.

— Давай я тебе сорву. — Великан протянул руку, подставив сэру Оливеру подмышку. Аретино бросил Оливеру меч; Оливер поймал. Великан все еще тянулся к грозди, однако правой рукой. Оливер заколебался.

— Все равно давай! — крикнул Аретино.

Оливер стиснул зубы и вонзил меч в исполинскую подмышку. Как он и боялся, она оказалась бронированной. Впрочем, броня была хилая, и меч Аретино легко сквозь нее прошел.

— Ух! Для чего это ты?

— Пришлось. Ты собирался меня убить.

— Я бы передумал.

— А я откуда знал?

Великан повалился на землю. Скрипнул зубами.

— Надо было сообразить, что этим кончится. Кто-нибудь слышал, чтоб великан одержал верх? Кстати, подсвечник, который ищешь, у меня в дальнем конце пещеры. — Он дернулся и издох.

— Быстрее! — сказал Аретино. — Бери подсвечник!

Оливер вбежал в пещеру, нашел подсвечник за валуном. Теперь у него было кольцо, ключ и подсвечник. Рыцарь сделал два шага из пещеры и отшатнулся.

Аретино исчез. Перед сэром Оливером стоял совершенно другой человек.

Глава 4

— Кто вы? — спросил Оливер.

— Ваш заместитель командующего, сэр, — звонко отрапортовал незнакомец. — Прозвание — Глобус. Цель жизни — служить величию.

Внезапно Оливер понял, что стоит в совершенно другом месте. Видимо, он перенесся сюда, как только взял подсвечник. Берег исчез. Рыцарь стоял на лугу перед деревней; по одну руку от него высились горы, по другую расстиралась равнина. Через равнину текла река, возле нее был разбит лагерь, между шатрами прохаживались солдаты.

— Что это за войско? — спросил сэр Оливер.

— Белый отряд, — отвечал Глобус.

Белый отряд был знаменит громкими победами, одержанными под началом сэра Джона Хоквуда в северной Италии. В него входили десять тысяч солдат со всех уголков Европы: смуглые латыши, белобрысые поляки, усатые немцы, завитые французы, шотландцы с кустистыми бровями, итальянцы с кольцами в ушах. Это было самое лучшее, веселое, безжалостное войско, и одновременно самое дисциплинированное во всем цивилизованном — и даже не цивилизованном — мире.

— Где Хоквуд? — поинтересовался Оливер прославленным командиром войска.

— Сэр Джон в Англии, в оплачиваемом отпуске, — сообщил Глобус. — Не хотелось ему ехать, да хозяин мой такие деньги предложил, поневоле согласишься.

— Кто твой хозяин?

— Я его прямо не называю, — отвечал Глобус. — Скажу лишь, что он чертовски отличный парень. Велел передать вам это.

Глобус извлек из ранца и протянул Оливеру палочку. Оливер сразу узнал маршальский жезл.

— Это — знак вашего ранга, — сказал Глобус. — Покажите его солдатам, и они пойдут за вами хоть на край света.

— А куда мне идти?

— Мы сейчас находимся по южную сторону Альп. — Глобус указал на юг. — Вдоль реки идет прямая дорога на Венецию.

— И я должен вести туда солдат? — спросил Оливер.

— Вот именно.

— Идемте же к войску! — вскричал сэр Оливер с воодушевлением.

Глава 5

Оливер подошел к разбитому для него алому шатру. Сразу за пологом на походном табурете сидел и серебряной пилочкой полировал ногти не кто иной, как Аззи.

— Привет, начальник! — воскликнул Оливер.

— Принимай свое воинство, фельдмаршал, — отозвался Аззи. — Довольна ли твоя душа?

— Все просто замечательно, — сказал Оливер. — Вы дали мне настоящих молодцов. Я, пока шел сюда, немного поглядел. Крепкие ребята, верно? Всякий, кто вздумает со мной сразиться, сильно пожалеет. Кстати, мне предстоит с кем-нибудь воевать?

— Разумеется. Сразу после нашей беседы ты двинешься на юг, где встретишь берсерков из бригады «Мертвая Голова».

— Судя по названию, это настоящие голово-резы. Вы думаете, мне так сразу и надо сражаться с головорезами?

— Никакие они не головорезы. Я дал им такое название, потому что оно хорошо будет выглядеть в печати. На самом деле это горстка местных крестьян, согнанных с земли за неуплату грабительских налогов. Они вооружены лишь топорами и косами, у них нет ни доспехов, ни луков, ни стрел, ни даже

настоящих копий. К тому же их всего пара сотен против твоих десяти тысяч. Мало, что они необучены, они еще гарантированно бросятся в позорное бегство при первом звуке боевых труб.

— Годится, — сказал Оливер. — И что дальше?

— Дальше ты вступаешь в Венецию. Там все будет готово. Я позабочусь о прессе.

— О каком прессе? Я ничем не заслужил пытки!

— Ты не понял, — вздохнул Аззи. — «Прессой» мы называем людей, которые несут информацию в массы: художников, поэтов, переписчиков и прочих.

— Я ничего об этом не знал, — сказал Оливер.

— Придется узнать, если хочешь прославиться своими победами. Как ты станешь легендарным, если писатели о тебе не напишут?

— Я думал, это произойдет само собой, — признался Оливер.

— И напрасно. Я нанял величайших поэтов и писателей эпохи, во главе с божественным Аретино, чтобы вознести тебе хвалу. Тициан напишет большой агитационный плакат с изображением любой твоей победы по нашему выбору. И я приглашу драматурга написать комедию дель арте в память твоего триумфа.

Аззи встал и выглянул из шатра. Накрапывал дождь, из-за Альп выползали черные тучи.

— Кажется, погода портится, — заметил демон. — Ничего, скоро прояснится, и ты сможешь вывести своих людей на Венецианскую дорогу. Не тревожься, как к ним обращаться и на каком языке. Просто скажи Глобусу, остальное уже его забота.

— Прекрасно. А то я уже начал беспокоиться, — произнес сэр Оливер. У него и в мыслях такого не было, но хотелось выглядеть предусмотрительным.

— Удачи, — сказал Аззи. — Увидимся в Венеции.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Глава 1

Тьма сгустилась над Европой, и всего чернее было над маленькой корчмой, где Аззи, несмотря на мелкие отлучки, по-прежнему деловито вербовал актеров для своей пьесы.

— Какие новости, Аретино? — спросил демон.

— Ну, сэ, Венеция уже гудит от слухов о чем-то невиданном и необычном. Чего ждать, никто не знает, но догадок в избытке. Высшие силы не посвящают венецианцев в свои секреты — а зря, такому исключительному народу пристало бы пользоваться особыми льготами. Горожане днем и ночью толкуются на площади святого Марка, обсуждают последнее чудесное явление в небе. Однако вы позвали меня не для того, чтобы выслушивать сплетни.

— Я позвал тебя, дорогой Пьетро, чтоб ты своими глазами повидал участников, так ты лучше поможешь им справиться с моей задачей. Жалко, сэра Оливера не застал. Вот образчик рыцарственности, которым мы, без сомнения, будем гордиться.

— Я видел его мельком по дороге сюда, — отвечал Аретино без особого пыла. — Несколько необычный способ ставить пьесу — отдать роль первому, кто придет с улицы. Однако, без сомнения, он справится. Кто следующий?

— Подождем — увидим, — философски произнес Аззи. — Если не ошибаюсь, на лестнице слышны шаги.

— Слышны, — согласился Аретино, — и по звуку их я могу заключить, что следующий наш посетитель — человек невысокого звания.

— Откуда ты знаешь? Просвети, каким способом ты видишь на расстоянии.

Аретино важно улыбнулся:

— Прислушайтесь, и вы заметите, что башмаки скрипят, хотя их обладателя и нас разделяют дверь и половина коридора. По этому звуку, сударь, безошибочно определяется недубленая кожа. Звук пронзительный, из чего следует, что башмаки жмут и трутся один о другой, словно куски металла. Богатый таких башмаков не наденет, значит, они принадлежат бедняку.

— Пять дукатов, если ты прав, — сказал Аззи. Шаги остановились под самой дверью. Раздался стук. — Войдите, — позвал рыжеволосый демон.

Дверь отворилась. Вошедший озирался по сторонам, словно не зная, как его примут. Был он долговязый, с соломенными волосами, в драной домотканой рубашке и башмаках, которые словно присохли к ногам.

— Заплачу позже, — бросил Аззи Аретино, потом обратился к незнакомцу. — Я не знаю вас, сэр. Вы из числа богомольцев или вышли из мрака?

— В смысле телесном я — один из паломников, — отвечал гость, — однако в смысле духовном не принадлежу к их обществу.

— А ты — большой остряк, — заметил Аззи. — Кто ты, приятель, и чем занимаешься в жизни?

— Зовут меня Мортон Корнглоу, — отвечал посетитель. — Подвизался грумом, но сэра Оливер взял меня в личные слуги, как я обитаю в его наследственной деревеньке и весьма искусен в обращении со скребницей. Посему я могу, не кривя душой, объявить себя одним из вас в том, что касается тела, но компанией обыкновенно именуют общество людей более-менее одного склада и не включают в нее случайно затесавшихся кошек или собак, равно и слуг, каковые суть те же животные, хотя, может быть, и более ценные. Я сразу должен спросить, сэра, препятствует ли мое скромное происхождение участию в вашем мероприятии? Только ли для знатных сие состязание, или простолудин с грязью под ногтями тоже может вызваться добровольцем?

— В бесплотном мире, — сказал Аззи, — не признают установленных промеж людьми различий. Для нас вы все — желанные души, облаченные временной телесной оболочкой, с которой вскоре расстанетесь. Но довольно об этом. Готов ли ты идти за подсвечником, Корнглоу?

— Готов, сэра демон, — отвечал Корнглоу. — Пусть я простолудин, но и у меня есть желания. Я готов даже немного потрудиться ради их исполнения.

— Назови свое желание.

— До того как присоединиться к богомольцам, мы заезжали в имение Родриго Сфорца. Знать ела за высоким столом, людишки вроде меня сидели на кухне. Через открытую дверь мы видели все, что творится в зале, и так я впервые узрел Кресильду Сфорца, жену владетельного Родриго Сфорца. Сэра, это прекраснейшая из женщин, волосы цвета спелой ржи ниспадают на бархатисто-рянные

ланиты, коим позавидовали бы ангелы. У нее осиный стан, сэр, и над ним колышутся...

— Довольно, сэр, — прервал Аззи речь посетителя. — Оставьте при себе свои сельские любезности и скажите, чего бы вы хотели от дамы.

— Чтоб она вышла за меня замуж, разумеется! — воскликнул Корнглоу.

Аретино громко хохотнул и тут же сделал вид, что просто закашлялся. Даже Аззи поневоле улыбнулся, так мало вязались знатная дама и неотесанный голодранец Корнглоу.

— Ну, сэр, — протянул демон, — у вас губа не дура!

— Бедняку не заказано грезить о Елене Троянской, — отвечал Корнглоу. — Он мнит, что она отвечает ему взаимностью и предпочитает остальным мужчинам, даже и восхитительному Парису. В мечтах случается что угодно. А разве это не своего рода мечтание, Ваше Превосходительство?

— Да, наверно, — согласился Аззи. — Ладно, сударь, если мы решим выполнить ваше желание, придется посвятить вас в рыцари, чтобы разница в положениях не оказалась помехой к браку.

— Охотно соглашусь, — кивнул Корнглоу.

— Потребуется еще согласие синьоры Крессильды, — заметил Аретино.

— Этим я озабочусь в свое время, — сказал Аззи. — Да, задал ты нам задачку, Корнглоу, но, думаю, мы ее осилим.

Аретино нахмурился и проговорил:

— Господин, леди уже замужем, и это может оказаться препятствием.

— У нас в Риме есть свои люди, чтобы улаживать подобные пустяки, — сказал Аззи. Потом повернулся к Корнглоу: — Кое-что тебе придется сделать. Готов ли ты немного потрудиться?

— Да, сэр, только самую малость. Человек не должен изменять своему природному складу даже

во имя величайшего счастья, мой же природный склад — лень столь исключительная, что, поведай о ней мир, все б на меня дивились, как на новое чудо света.

— Ничего особенно трудного тебе не предстоит, — пообещал Аззи. — Думаю, обойдемся без принятого состязания на мечях, коль скоро ты этому не обучен.

Аззи порылся в жилетном кармане, достал волшебный ключик и вручил Корнглоу. Тот повертел талисман в руках.

— Выйдешь отсюда, — сказал Аззи, — и ключ приведет тебя к двери. Пройдешь сквозь нее, увидишь чудесного коня, в седельной сумке найдешь золотой подсвечник. Садись на него, и обретешь свое приключение, а в конце — Крессильду с волосами цвета спелой ржи.

— Прекрасно! — вскричал Корнглоу. — Замечательно, когда счастье дается так легко!

— Да, — кивнул Аззи. — Легкость обретения — едва ли не лучшее, что есть в этом мире, и мораль, которую я собираюсь вывести, такова: удача дается легко, так зачем тратить силы?

— Чудесная мораль! — сказал Корнглоу. — Эта пьеса мне по душе! — И, сжимая ключ, выбежал из комнаты.

Аззи ласково улыбнулся:

— Еще одного осчастливили.

— Там снова кто-то у дверей, — сказал Аретино.

Глава 2

Мать Иоанна сидела в своей комнате в корчме. Она порядком трусила.

Изредка снаружи доносились приглушенные звуки. Их мог издавать кто угодно, человек или бесплотный дух, но игуменье мерещилось, что они исходят от паломников, решивших поймать сэра Антонио на слове и поднимающихся к нему.

Духовный сан не спасал мать Иоанну от человеческих желаний. Кое-чего она хотела для себя, и, как натура незаурядная, хотела страстно. Она была скорее администратор, чем религиозный деятель, и относилась к своим обязанностям настоятельницы как к руководству любым другим крупным учреждением. Управлять монастырем в Гравелине, где проживали семьдесят две инокини, куча слуг, конюхов и псарей, было не легче, чем небольшим городом. Мать Иоанна с первых дней ушла в свои заботы с головой; она была словно создана для этого. В отличие от других девочек, она не играла в куклы и не грезила о замужестве. С младенчества она любила командовать своими птицами и спаниелями: ты садись сюда, а ты — сюда, усаживала их пить чай и бранила за дурные манеры.

Привычка властвовать с возрастом не ослабела. Все могло бы сложиться иначе, будь Иоанна хороша собой, но она пошла в родню по линии Мортимеров. Ей досталось мортимеровское широко-скулое белое лицо, такие же короткие безжизненные волосы, та же коренастая фигура, которая наводит скорее на мысль о лопате или плуге, чем о нежной страсти. Она хотела денег и всеобщего повиновения, и церковная карьера открывала желанный путь. Настоятельница была в меру набожной, однако практичность брала в ней верх над благочестием, побуждая добиваться своего, а не ждать целую вечность, пока папа римский соизволит дать ей монастырь побольше.

Иоанна думала и думала, меряя шагами комнату, перебирала свои желания и спрашивала себя, какое из них главное. Всякий раз, слыша шаги в коридоре, она вздрагивала: ей казалось, что все остальные уже воспользовались предложением сэра Антонио. Скоро необходимые семь человек наберутся, и она останется ни с чем. Наконец Иоанна решила.

Она выбралась из комнаты и тихонько прокралась по темным переходам корчмы. Поднялась по лестнице на второй этаж, моргая всякий раз, как скрипнет ступенька. Перед дверью сэра Антонио почтенная монахиня собрала все свое мужество, расправила плечи и постучала.

С той стороны голос Аззи отозвался:

— Входите, дорогая. Я вас ждал.

Вопросам ее не было конца. Аззи, перебарывая раздражение, постарался успокоить настоятельницу. Однако, когда пришло время изложить свое заветное желание, случилась заминка. Широкое белое лицо приняло смущенно-печальное выражение.

— Я даже не смею выговорить, чего я хочу, — сказала монахиня. — Это слишком постыдно, слишком низменно.

— Говорите, — подбодрил Аззи. — Кому же открыться, как не своему демону?

Иоанна раскрыла было рот, потом покосилась на Аретино.

— А он? Ему обязательно слышать?

— Конечно. Это наш поэт, — объяснил Аззи. — Как он опишет ваши приключения, если не будет их очевидцем? Воистину тяжким преступлением было бы не воспеть эти увлекательные приключения и, следовательно, обречь нас на неизвестность, в которой влачат свои дни большинство людей. Однако Аретино обессмертит нас, дорогая! Наш поэт возьмет ваши подвиги, сколь угодно скромные, и соорудит из них нетленные вирши.

— Ладно, сэр демон, вы меня убедили, — сказала Иоанна. — Сознаюсь, что в мечтах всегда воображала себя великой воительницей за справедливость, многократно прославленной в балладах. Вроде Робина Гуда в юбке — и чтобы между свершениями у меня оставалось вдоволь времени для охоты.

— Что-нибудь придумаю, — заверил Аззи. — Прямо сейчас и начнем. Берите ключ. — Он объяснил матери Иоанне про кольца, двери, чудесные подсвечники, чудесных коней и выпроводил монахиню за дверь.

— Ну, Аретино, — сказал демон, — думаю, мы успеем пропустить по кубку вина, пока не явился следующий кандидат. Как тебе пока?

— Если честно, не знаю, сударь. Пьесу обычно продумывают загодя, выстраивают сюжет. В вашей драме все смутно и неопределенно. Что олицетворяет хотя бы ваш Корнглоу? Всепобеждающую Гордость? Сельское Остроумие? Неистребимую Отвагу? А мать Иоанна — заслуживает она жалости или презрения? Или того и другого помаленьку?

— Сбивает с толку, верно? — спросил Аззи. — Зато, думаю, ты согласишься, выходит очень жизненно.

— Да, без сомнения, но как мы выведем из этого необходимую мораль?

— Не тревожься, Аретино, что бы ни делали персонажи, мы сумеем истолковать это в том смысле, о котором столько твердим. Помни, последнее слово остается за драматургом, и только ему решать, воплотился или не воплотился замысел. А теперь передай сюда бутылку.

Глава 3

Когда Корнглоу вернулся в свой уголок конюшни, он несказанно удивился, узрев рядом стреноженного коня, которого не видел раньше. Это был высокий белый жеребец. При появлении Корнглоу конь наострил уши. Как попало сюда это благородное животное? И Корнглоу понял, что находится вовсе не там, где думал. Видимо, чудесный ключ провел его через одну из дверей, о которых говорил Аззи, и приключение уже началось.

Надо бы убедиться. Корнглоу заметил седельные сумки, открыл ближайшую и запустил в нее руку. Пальцы нащупали что-то твердое, металлическое, тонкое и длинное. Корнглоу наполовину вытащил находку из сумки. Подсвечник! И если он не ошибается, из чистого золота. Корнглоу аккуратно убрал подсвечник на место.

Конь заржал, словно приглашая сесть в седло и скакать, однако Корнглоу покачал головой, вышел из конюшни и огляделся. Величественный господский дом в каких-то двадцати шагах от него, без сомнения, принадлежал синьору Родриго Сфорца — здесь Корнглоу первый и единственный раз в жизни лицезрел прекрасную Крессильду.

Это ее дом. И она там.

Но там же наверняка и сам Сфорца. А также его слуги, домочадцы, стражники и палачи...

Нет никакого резона соваться в дом. Корнглоу охватили сомнения. Сейчас он впервые задумался о своем решении и нашел его несколько скоропалительным. Такого рода подвиги совершает знать. Правда, в сказках иногда действуют простолюдины. Но куда ему до сказочного богатыря! Да, природа наделила его живой и быстрой фантазией, а вот выдюжит ли он? И стоит ли того дама?

— Ах, сэр, — послышался рядом ласковый голосок. — Вы пожираете глазами дом, будто вас там ждет нечто особенное.

Корнглоу обернулся. Перед ним стояла крохотная молочница в очень открытом корсаже и пышной юбочке. У нее были густые темные кудри, дерзкое личико и — неожиданно для такой малютки — пышные выпуклые формы, а улыбка — разом кроткая и чувственная. Неотразимое сочетание.

— Это дом синьора Сфорца, не так ли? — спросил Корнглоу.

— Именно так, — сказала молочница. — А вы хотите похитить госпожу Крессильду?

— Почему ты так решила?

— Потому что в этом-то вся и суть, — ответила женщина. — Идет игра, затеянная одним демоном, знакомым моих друзей.

— Он обещал, что леди Крессильда будет моею, — признался Корнглоу.

— Легко ему обещать, — молвила женщина. — Я — Леонора, с виду — простая молочница, но пусть тебя не обманывает мой наряд. Я здесь, чтобы предупредить тебя: дама, с которой ты намереваешься вступить в союз, — стерва и подколодная змея, каких свет не видывал.

Корнглоу опешил. Он с растущим любопытством разглядывал Леонору.

— Госпожа, не знаю, как мне и поступить. Не могли бы вы, случаем, посоветовать?

— Могла бы, — отвечала Леонора. — Погадаю тебе по руке, и все решим. Пойдем туда, там будет удобнее.

Леонора увлекла его обратно в конюшню, в уголок, где охапками лежало сено. Глаза у нее были огромные, смелые, колдовские, прикосновение — легкое, как перышко. Она взяла Корнглоу за руку и усадила рядом с собой.

Глава 4

По всем сообщениям, намеченная Аззи постановка возбудила в Духовном Мире значительный интерес, вплоть до заключения пари, и в то же время пошли первые сбои. Разумеется, главный сбой — внезапное освобождение древних богов, Зевса и его команды. Все это требовало от Михаила неусыпного внимания, и все это он имел в виду, когда согласился встретиться с ангелом Бабриэлем.

Архангел принял Бабриэля в конференц-зале Здания Райских врат, в деловой части Срединных Небес. Райские врата — высокое впечатляющее сооружение, ангелам хорошо работается в его стенах. Тут и несказанная радость приближения к Высшему, и приятное сознание, что тебя окружает архитектурный шедевр.

Был ранний вечер, в городе Благих Эманаций, как еще называют Срединные Небеса, накрапывал грибной дождик. Бабриэль спешил по мраморным коридорам, пролетая для скорости по двадцать—тридцать футов, несмотря на таблички, предупреждающие на каждом шагу: «В КОРИДОРАХ НЕ ЛЕТАТЬ».

Наконец он достиг правого крыла, где начинались кабинеты Михаила, постучал и вошел.

Архангел сидел за столом, перед ним лежали раскрытые справочники. Сбоку тихо гудел компьютер. Кабинет был залит ровным золотистым светом.

— Почти вовремя, — сказал Михаил с легкой досадой. — Я должен немедленно отослать тебя назад.

— Что случилось, сэр? — спросил Бабриэль, опускаясь на диванчик для посетителей напротив начальственного стола.

— Дело с Аззи и его постановкой обернулось куда хуже, чем мы предполагали. Похоже, наш демон заручился у Ананке дополнительной степенью свободы: получил карт-бланш на чудеса для претворения в жизнь своего замысла. Ананке же постановила, что нам, служителям Добра, не положено никаких особых привилегий. Мало того, мне стало известно, что Аззи придумал способ извлечь Венецию из реального времени и превратить в самостоятельную объективную единицу. Знаешь, чем это чревато?

— Не совсем, сэр. Нет, не знаю.

— Поганный демон сможет, по крайней мере теоретически, переписывать историю, как ему заблагорассудится!

— Но ведь, сэр, отдельно взятая Венеция не сможет влиять на ход мировой истории.

— Верно. Зато это может послужить примером для недовольных, считающих, что истории якобы следовало развиваться иначе, в смысле человеческих невзгод и страданий. Концепция Переписываемости подрывает самую доктрину Предопределения. Человечество окажется в мире, где роль случайности будет еще больше теперешней.

— Хм-м, это серьезно, сэр, — сказал Бабриэль. Михаил кивнул:

— Угроза нависла над всем космическим миропорядком. Демон посягнул на нашу давно и всеми признанную исключительность. Под вопросом самый принцип Добра.

Бабриэль от изумления открыл рот.

— Впрочем, по крайней мере одну услугу он нам оказал, — продолжил Михаил.

— Какую же, сэр?

— Освободил от унижительной обязанности быть честными. Развязал нам руки. Это больше не джентльменская игра. Наконец-то мы можем забыть про угрызения совести и сражаться, ни на кого не оглядываясь.

— Да, сэр! — подхватил Бабриэль, хотя до сей поры не замечал, чтобы архангела останавливали соображения совести. — А что, собственно, требуется от меня?

— Нам стало известно, — сказал Михаил, — что замысел Аззи включает чудесного коня.

Бабриэль кивнул:

— Вполне в его духе.

— Незачем пускать эту историю на самотек. Отправляйся на Землю, Бабриэль, в поместье Родриго Сфорца, и сделай что-нибудь с чудесным конем, который сейчас дожидается в его конюшне.

— Слушаю и повинуюсь! — вскричал Бабриэль, поворачиваясь на каблуках. Он взмахнул крыльями и стремительно пролетел по коридору. Дело не шуточное!

В три счета ангел оказался на Земле. Доли секунды хватило, чтобы сориентироваться, и вот он уже летел, плеща крылами, к имению Родриго Сфорца.

Бабриэль легко опустился на дворе. Только-только светало, графская прислуга еще спала. Ангел огляделся и двинулся к конюшне. Оттуда

доносились звуки откровенной любовной возни, хихиканье и хруст соломы.

Бабриэль услышал ржание и вскоре увидел привязанного поблизости белого жеребца с богато расшитыми седельными сумками. Ангел успокоил благородного скакуна, отвязал поводья.

— Идем со мной, моя радость, — сказал он.

Глава 5

Корнглоу обнаружил, что лежит на соломе, запутанный в руках и ногах, из которых лишь половина принадлежит ему. Сквозь недостроенные стены конюшни проникал солнечный свет, сильно пахло соломой, навозом и лошадьми. Корнглоу высвободился из объятий женщины, с которой так бездумно спутался, торопливо натянул одежду и встал.

— Куда спешить? — спросила проснувшаяся Леонора. — Остайся.

— Некогда, некогда, — пробормотал Корнглоу, запихивая рубаху в штаны и ноги в башмаки. — У меня приключение!

— Забудь ты свое приключение, — сказала Леонора. — Мы с тобой друг друга нашли. Чего еще надо?

— Нет, мне нельзя мешкать! Надо скорее все сделать! Где мой чудесный конь?

Корнглоу обшарил конюшню, но конь как сквозь землю провалился. Единственное, что ему удалось найти, — это привязанного у стены маленького пегого ослика. Ослик открыл рот, показав желтые зубы, и громко крикнул: «Иа!» Корнглоу всмотрелся и сказал:

— Неужто какой-то чародей так заколдовал моего скакуна? Выходит, так... Ладно, если я на него сяду, он, без сомнения, со временем примет прежнее обличье!

Корнглоу отвязал ослика, вскочил ему на спину и что есть силы заколотил пятками по бокам, понуждая животное выйти во двор. Ослику это не понравилось, но Корнглоу настоял. Они проехали через птичий двор, мимо огорода, и оказались перед воротами.

— Эй, там! — окликнул Корнглоу стража.

Сердитый мужской голос отозвался:

— Кто идет?

— Претендент на руку госпожи Крессильды!

Вышел высокий мужчина в рубаше, подштаниках и поварском колпаке. Враждебно осведомился:

— Ты в своем уме? Она замужем! И вот ее муж.

Ворота растворились. Из них вышел высокий, богато одетый дворянин с рапирой на поясе, с лицом гордым и заносчивым.

— Я — Родриго Сфорца, — произнес он тоном, который правильнее будет назвать зловещим. — Что тут происходит?

Повар низко поклонился и доложил:

— Этот вахлак заявляет, что пришел сватать синьору Крессильду, вашу благородную супругу.

Сфорца устремил на Корнглоу холодный пронзительный взгляд:

— Ты и вправду так говоришь?

Тут-то Корнглоу и понял: что-то разладилось. Обещали же все приготовить! Видимо, дело подпортила утрата чудесного коня.

Он развернулся и попытался пустить ослика с места в карьер. Тот уперся копытами, взбрыкнул задом и сбросил Корнглоу на землю.

— Позовите стражу! — закричал Сфорца.

Из-за угла выбежали его люди, застегивая камзолы и выхватывая мечи.

— В темницу его! — велел Сфорца.

Так Корнглоу оказался в темном подземелье. Голова гудела от многочисленных ударов.

Глава 6

— Ну, Мортон, — сказал Аззи, — в эту передрягу ты угодил исключительно по собственной глупости.

Корнглоу удивленно огляделся. За секунду до того он в темнице синьора Сфорца потирал ушибленную голову и сетовал на судьбу. Голые стены, земляной пол, едва присыпанный сырой соломой — ни сесть тебе толком, ни лечь. А теперь он на свободе. Корнглоу ужасно утомили эти стремительные перемещения, его слегка мутило от неизбежной в таких случаях встряски.

Перед ним стоял Аззи в богатом кроваво-красном плаще и мягких кожаных сапожках.

— Ваше Превосходительство! — вскричал Корнглоу — Как же я рад вас видеть!

— Рад, говоришь? К сожалению, вынужден тебе сообщить, что ты испортил все приключение, не успев как следует начать. Как тебе удалось перепутать волшебного коня с ослом?

Корнглоу ударился в свойственные его эпохе оправдания:

— Меня искушала чародейка, о высокородный! Я простой человек! Где мне было устоять?

Он описал приключение с прекрасной Леонойрой. Демон угадал знакомый почерк.

— В начале приключения конь был?

— Был, Ваше Превосходительство! Но когда я посмотрел снова, он исчез, а на его месте стоял осел. Может, приведете мне другого коня, и я попробую сначала?

— Чудесные кони на улице не валяются, — сказал Аззи. — Если бы ты знал, как мы его добывали, — не упустил бы.

— Наверняка его можно чем-нибудь заменить, — предположил Корнглоу. — Обязательно это должен быть конь?

— Думаю, что-нибудь подберем.

— На этот раз я справлюсь, Ваше Превосходительство! Да, чуть не забыл...

— Что еще? — спросил Аззи.

— Я хотел бы поменять желание.

Аззи вытаращил глаза.

— Что ты мелешь?

— Я просил руки прекрасной Крессильды, но с тех пор передумал. Наверняка она станет прекращать меня мужицким воспитанием. А вот прекрасная Леонора — самое для меня то. Пусть она и будет моей наградой.

— Не дури, — отрезал Аззи. — У нас уже записано, что ты получаешь Крессильду.

— Но она замужем!

— Раньше надо было думать. Да и какая тебе разница?

— Большая, сэръ. Мне жить в одном мире с ее мужем. Вы же не сможете все время меня защищать?

— Тоже верно, — согласился Аззи, — но выбор сделан. Крессильда — твоя.

— Мы не уговаривались, что желание нельзя менять, — возразил Корнглоу. — Легкомыслие —

главенствующая черта моего характера, милорд, и нечестно требовать, чтобы я изменил своему непостоянству.

— Ладно, подумаю, — сказал Аззи, — и сообщу тебе свое решение.

Аззи исчез, а Корнглоу устроился подремать, так как других дел вроде не предвиделось.

Однако вскоре его грубо растолкали. Явился Аззи с новым белым конем, да таким красавцем — сразу видать, что чудесный.

Беседа с Леонорой убедила Аззи в том, что он и прежде подозревал: это не земная женщина, а скорее притворившийся человеком эльф-переросток.

— Эльфы такие злые, — пожаловалась Леонора. — Я выше большинства из них, так меня дразнят дылдой и не хотят брать замуж. Как женщина, я считаюсь миниатюрной и пользуюсь большим успехом. Если я выйду за смертного, то, конечно, надолго переживу мужа. Однако, пока он на земле, со мной ему будет хорошо.

Тут-то и подъехал Корнглоу на чудесном коне.

Леонора внезапно оробела. Да и как не смутиться, если силы Зла внезапно приходят на помощь твоему счастью?

— Милорд, — промолвила она. — Знаю, что наше счастье — не ваша забота и не ваша цель, но все равно большое спасибо. Что требуется от моего суженого?

— Просто взять тебя и ехать в Венецию, — отвечал Аззи. — Там вас ждет чертова уйма дел, даже не знаю, успею ли подготовить вам какие-нибудь приключения в дороге.

— Мы поедем напрямик, как вы и желаете, — сказала Леонора. — Я заставлю Корнглоу поторопиться.

И влюбленные ускакали на чудесном коне по большой дороге на Венецию.

Аззи проводил их взглядом и покачал головой. Все идет не так, как он планировал. Актеры совершенно отбились от рук. Вот что бывает, если не пишешь реплики заранее.

Глава 7

Графиня Крессильда сидела на резном стуле розового дерева в глубоком эркере своей гостиной на втором этаже, разложив на коленях рукоделие. Она вышивала гарусом по канве Суд Париса среди роз и лаванды, однако мысли ее витали далеко. Крессильда отложила пяльцы, вздохнула и выглянула в окно. Зачесанные назад пепельные волосы голубиными крылами охватывали прелестную головку. Тонкое лицо было задумчиво.

Стояло раннее утро, но уже чувствовалось приближение жаркого дня. Внизу, во дворе, рылись в земле две курицы, из сарая, где служанки стирали белье, доносилось пение. Заржала лошадь, и Крессильде подумалось, что сегодня можно было бы поехать на охоту. Подумалось, впрочем, без особого пыла: всю крупную дичь, кабанов и оленей, в окрестных лесах выбили предки ее мужа, владеющие этими землями с незапамятных времен. Сама Крессильда была страстная охотница, настоящая Диана, как величали ее придворные поэты. Однако графиню не занимали их глупости, как и те натужные любезности, что вымучивал из себя Родриго, когда им время от времени случалось встретиться за завтраком.

Что-то белое мелькнуло внизу, и Крессильда выглянула посмотреть. Через тесный двор медленно пробирался белый жеребец. Он ступал граци-

озно, высоко подняв гордую голову, ноздри его трепетали. На мгновение Крессильде померещилось, будто коня ведет под уздцы кто-то сияющий и крылатый. Она смотрела в недоумении. Госпожа Сфорца не помнила такого жеребца на своей конюшне, а она знала всех тамошних обитателей, от стригунков до отслуживших свое старых боевых коней. Знала она и всех скакунов в округе, и этот был явно не из их числа.

Напрасно графиня искала глазами всадника. Откуда взялся этот чудо-жеребец с развевающейся белой гривой и черным колдовским глазом?

Крессильда сбежала по лестнице через большие пышные залы во двор. Белый конь как раз подошел к дверям. Он кивнул Крессильде, словно старый знакомый, и она погладила бархатистую морду. Жеребец заржал и снова кивнул.

— Что ты мне хочешь сказать? — спросила Крессильда. Она открыла ближайшую седельную сумку, надеясь отыскать ключ к имени владельца. В сумке обнаружился длинный подсвечник, судя по весу — чистого золота. В подсвечнике лежала свернутая трубочкой записка. Крессильда развернула пергамент и прочла: «Следуй за мной. Загадай, что хочешь, и желание твое сбудется».

Ее желание! Сколько лет она о нем не вспоминала? Неужели этот благородный скакун поможет исполнить ее мечту? Посланец ли это самих небес? Или дар Преисподней?

Крессильде было все равно. Она вскочила в седло. Конь вздрогнул, прижал уши и тут же успокоился от ласкового прикосновения.

— Вези меня к тому, кто тебя послал, — велела Крессильда. — Я хочу дойти до конца, куда бы меня это ни завело.

Конь двинулся резвой рысью.

Глава 8

— На боевом коне? Ты говоришь, моя жена ускакала на боевом коне? — Люди судачили, будто синьор Сфорца туго соображает, но в конях он толк понимал и знал, что значит ускакать на коне, особенно если речь идет о его супруге.

Придворный кудесник повторил все с самого начала:

— Да, господин. Конь, какого тут отродясь не видывали. Белый, точно снег, благородная стать, ретивый норов. Госпожа Крессильда увидела его и без колебаний вскочила в седло. Мы не знаем, куда она уехала.

— Ты сам это видел?

— Собственными глазами, господин.

— Думаешь, конь волшебный?

— Не знаю, — отвечал кудесник, — но могу выяснить.

Разговор происходил в высокой алхимической башне. Кудесник, не теряя времени, развел огонь под перегонным кубом, подбросил в пламя разные порошки, отчего оно окрасилось сперва зеленым, потом фиолетовым, и принялся не отрываясь смотреть на цветные дымки. Потом повернулся к Сфорца:

— Домашние духи сообщают, что конь действительно волшебный. Боюсь, мы больше не увидим госпожу Крессильду. Дамы, которые уезжают на волшебных конях, обычно не возвращаются, а если и возвращаются, с ними уже не житье.

— Черт! — вскричал Сфорца.

— Можете подать жалобу через домашних духов, сударь. Вдруг ее еще удастся вернуть.

— Ну уж нет, — сказал Сфорца. — Ускакала, так ускакала. Скатертью дорожка. Крессильда мне давно опостылела. Досадно другое — она заполучила волшебного коня. Они ведь не часто сюда забредают?

— Очень редко, — подтвердил кудесник.

— И надо же случиться, чтоб он достался именно ей. Может, он вовсе предназначался мне. Как она посмела! В кои-то веки к нам забредает волшебный конь, а она садится в седло и скачет прочь!

Кудесник пробовал говорить утешительные слова, но Сфорца не унимался. Он сердито спустился из башни в дом. Граф считал себя ученым и не мог смириться с мыслью, что такая диковинка появилась и исчезла раньше, чем он успел с нею ознакомиться. Обиднее же всего, что волшебные кони обычно приносят исполнение желаний, и это тоже упущено. Такие случаи не повторяются.

Вообразите же изумление графа, когда часом позже он от нечего делать забрел на конюшню и увидел другого белого скакуна, прежде здесь не стоявшего.

Это был жеребец, как уже сказано, белый; правда, Сфорца ожидал, что волшебный конь окажется более впечатляющим, но от добра добра не ищут. Не долго думая, граф вскочил в седло.

— Ну, теперь посмотрим! — вскричал он. — Вези меня, куда обычно возишь седоков в подобных случаях!

Конь поскакал рысью, потом легким галопом и, наконец, перешел в карьер. «Наша взяла», — думал Сфорца, стараясь не вылететь из седла.

Глава 9

Было раннее утро. В корчме оставшиеся богомольцы дожидались, пока им принесут овсянку и докторский хлеб с отрубями, слуги седлали и запрягали лошадей.

Аззи сидел в своем номере мрачнее тучи. С ним был Аретино. Поток добровольцев иссяк, и пополнения не предвиделось.

— Чего остальные тянут? — вслух удивлялся Аззи.

— Боятся, наверно, — предположил Аретино. — А нам обязательно нужны все семь?

— Может быть, и не обязательно, — сказал Аззи. — Попробуем обойтись теми, что уже есть. Кажется, и впрямь пора ставить точку.

В это самое мгновение в дверь постучали.

— Ага! — воскликнул Аззи. — Я знал, что участники еще подойдут. Открой дверь, мой дорогой Пьетро, посмотрим, кто нас посетил.

Аретино утомленно поднялся, пересек комнату и открыл дверь. Вошла красивая молодая женщина, белокурая, с бледным серьезным лицом и тонко очерченными губами. На ней было небесно-голубое платье, в волосах — золотые ленты.

— Мадам, — сказал Пьетро, — можем ли мы чем-нибудь вам служить?

— Вероятно, да, — отвечала незнакомка. — Это вы посылаете волшебных коней?

— Похоже, вам лучше поговорить с моим другом Антонио, — произнес Пьетро.

Усадив гостью, Аззи признался, что впрямь имеет некоторое отношение к чудесным коням, что к каждому скакуну действительно прилагается исполнение желаний и что единственное условие для получения приза — участие в его пьесе. Он объяснил также, что он демон, но не опасный. Говорят, очень даже милый демон. Поскольку сеньору Крессильда это ничуть не смутило, он спросил, как она завладела волшебным конем.

— Он просто вышел из моей конюшни во двор, — сказала графиня Сфорца. — Я села и отпустила поводья. Он привез меня сюда.

— Вообще-то конь посылался не вам, — заметил Аззи, — а совсем другому человеку. Вы точно его не украли, милочка?

Крессильда гордо вскинула голову:

— Вы обвиняете меня в конокрадстве?

— Нет, конечно, — сказал Аззи. — Это не в характере дамы, верно, Пьетро? Больше похоже на проделки нашего дружка Михаила. Ладно, Крессильда, конь действительно открывает дорогу в мир, где сбываются заветные желания. Мне по случайности не хватает двух актеров, так что если захотите участвовать... тем более что конь уже у вас...

— Да! — вскричала Крессильда. — Конечно!

— И чего же вы желаете? — спросил Аззи, ожидая услышать очередную сентиментальную чепуху про прекрасного принца и супружескую любовь до гроба.

— Я хочу стать воительницей, — объявила она. — Знаю, женщинам это не свойственно, но у

нас есть примеры Жанны д'Арк и Боадицеи. Я хочу вести за собой в битву!

Аззи задумался, прикидывая, как это можно осуществить. Такого в первоначальном замысле не предусматривалось, да и Аретино, похоже, был не в восторге. Однако Аззи знал, что пьеса должна развиваться, к тому же он с самого начала решил брать более или менее всех желающих.

— Что-нибудь придумаем, — решил он. — Мне потребуется некоторое время, чтобы все устроить.

— Прекрасно, — молвила Крессильда. — Кстати, если увидите моего мужа, Родриго Сфорца, не обязательно упоминать, что я у вас побывала.

— Буду нем как могила, — пообещал Аззи.

Когда дама уехала, Аззи с Аретино сели разрабатывать дальнейший сценарий. Но не успели они начать, как окно закрыла черная тень, и в стекло настойчиво заколотили.

— Аретино, открой, это друг, — сказал Аззи.

Аретино встал и открыл окно. В комнату впорхнул маленький длиннохвостый бесенок, из породы, что служат у сил Тьмы на посылках.

— Вы — Аззи Эльбуб? — спросил бесенок. — Мне велено нем перепутать.

— Я, — сказал Аззи. — Что ты должен мне сообщить?

— Это насчет матери Иоанны, — отвечал бесенок. — И лучше мне начать с самого начала.

Глава 10

По дороге к Венеции мать Иоанна решила срезать крюк и проехать лесом, чтоб нагнать сэра Оливера и дальше путешествовать вдвоем. Светило солнце, лес звенел от птичьего гомона, на душе у монахини было радостно. Над головой синело небо Италии, звенящие ручейки так и манили через них перепрыгнуть. Впрочем, мать Иоанна не опускалась до подобного ребячества. Она пустила лошадь шагом и все дальше углублялась в лес. И вот, когда она достигла самой мрачной и глухой чащи, впереди послышалось свиное уханье. Мать Иоанна почуяла недоброе.

— Кто там? — крикнула она, ибо лес впереди внезапно наполнился угрозой.

— Ни с места, — приказал грубый мужской голос. — Или пришью тебя из арбалета.

Иоанна лихорадочно огляделась, но отступить было некуда. Она решила не нарываться, натянула поводья и сказала:

— Я — настоятельница монастыря, посмей только коснуться меня и попадешь в ад.

— Рад познакомиться, — продолжал грубый голос. — Я — Хью Дэнси, по прозвищу Грабитель из Гиблого леса.

Ветки разошлись, и выступил черноволосый ладный детина в кожаной куртке и высоких сапогах. Из зарослей показались и другие разбойники, человек десять—двенадцать. По их ухмыляющимся физиономиям легко было угадать, что они давно не видели женщины.

— Слезай с лошади, — распорядился Хью. — Пойдешь со мной в лагерь.

— И не подумаю, — отвечала мать Иоанна, трогая поводья. Чудесный конь сделал два осторожных шага и тут же остановился, поскольку Хью схватил его под уздцы.

— Слазь, — повторил Хью, — или я стащу тебя на землю.

— Что ты собираешься сделать?

— Поступить с тобой, как честный человек, — сказал Хью. — Мы не признаем монашеского безбрачия. Сегодня же станешь женою кому-нибудь из нас.

— Через мой труп, — тихо произнесла мать Иоанна, приподнимаясь в стременах.

— Неважно как, — сказал Хью, и в это мгновение в кустах послышался громкий треск.

Разбойники побледнели и начали испуганно озираться. Треск приближался. «Ах, мы погибли!» — вскричал один. «Это огромный лесной вепрь!» — возопил другой. «Нам конец», — обреченно прошептал третий.

Мать Иоанна спрыгнула на землю. Она умела охотиться не только с соколом. Выхватив у кого-то из грабителей копьё, игуменья повернулась на треск.

Через мгновение на поляну вырвался громадный черный вепрь. Монахиня уперла копьё в землю и стояла.

— Иди сюда, глупая поросятинка! — кричала она. — Сегодня мы ужинаем свиными отбивными!

Зверь ринулся вперед, Иоанна что есть силы налегла на копьё. Вепрь напоролся на острие, упал, истекая кровью, фыркая, дергаясь и хрипя. Наконец он последний раз хрюкнул и околел.

Монахиня наступила на поверженного зверя, выдернула копьё и повернулась к Хью:

— Мы говорили о трупах?

Тот попятился, грабители тоже.

— Речь шла о подобном приятном времяпровождении, — сказал он. — Надеемся, что вы разделите сегодня нашу трапезу.

— Да, да! — закричали разбойники и принялись свежевать зверя.

— Возможно, я соглашусь, — сказала монахиня.

— Ты — истинная Диана, — произнес Хью, — и будешь неприкосновенна, как богиня.

Глава 11

Новость раздосадовала Аззи. Он уже собрался лететь на выручку матери Иоанне, как в дверь постучали и вошел Родриго Сфорца.

— Это вы посылаете чудесных коней? — смело спросил потомок кондотьеров.

— А что, если я? — отвечал Аззи.

— Конь у меня. Желая загадать желание.

— Не все так просто, — сказал Аззи. — Прежде придется потрудиться.

— Я готов. Однако можете ли, станете ли вы исполнять мое заветное желание?

— Да, — кивнул Аззи, — могу. Что за желание?

— Я желаю повсеместно прославиться своей ученостью, — сказал Сфорца. — Стать известнее Эразма и считаться образцом книжной премудрости.

— Нет ничего проще, — отвечал Аззи.

— Мне следовало предупредить, что я не умею ни читать, ни писать.

— Нам это не помеха.

— Вы уверены? Я слышал, будто образованность идет от чтения.

— Вообще-то да, — согласился Аззи, — но у нас речь идет о славе, а не о знаниях. Слушай внимательно. Тебе предстоит приключение.

— Надеюсь, не опасное.

— Я тоже надеюсь, — сказал Аззи. — Но сейчас мне предстоит слетать по неотложному делу. Жди здесь. Я мигом.

Демон сбросил плащ, расправил крылья и взмыл в небо вслед за путеводным бесенком.

Аззи нашел мать Иоанну в логовище разбойников. Они с Хью сидели за столом, рассматривали карту и обсуждали какой-то план — похоже, собирались через два дня грабить караван. Когда Аззи попытался окоротить какого-то не в меру подгулявшего весельчака, монахиня его остановила.

— Не вмешивайся, Аззи, — велела она. — Это мои люди. Я тут команду.

— Что?! — изумился Аззи.

— Мое желание исполнилось раньше, чем я ожидала, — сказала игуменья. — Огромное тебе спасибо.

— Не за что, — буркнул Аззи. — Главное, будь в Венеции на церемонии.

— Обязательно. Душа моя остается мне?

— Разумеется, как и уговаривались.

— Хорошо. До скорого.

Качая головой, Аззи подпрыгнул и был таков.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Глава 1

Первый сигнал о массовом бегстве греческих богов из Посветья поступил в 013.32 по вселенскому звездному времени. Начальнику отдела демонических исследований Тартараринского университета стало известно: один из его доцентов не вернулся из экспедиции. Помощник доцента сообщил, что шайка беглых божеств захватила ученого, когда тот перемывал древние кости в археологическом раскопе на склоне горы Олимп.

Начальник позвонил в преисподнее узилище лимба узнать, не было ли за последнее время каких-нибудь происшествий.

— Алло, с кем я говорю?

— Это Цицерон, надзиратель сектора человекообразных в лимбском исправительном учреждении для невостребованных божеств.

— Я хотел бы получить справку по древнегреческим богам, Зевсу и ему подобным. Они под надежной охраной?

— К сожалению, вынужден сообщить: у нас только что имел место побег. Они на свободе.

— И скоро вы надеетесь водворить их обратно?

— Увы, это не так просто. Понимаете ли, божества древней Элады весьма могущественны. Без вмешательства Ананке мы их не скрутим.

— Спасибо. Буду вам позванивать.

Глава 2

— Снова в пространстве живых! — вскричал Феб.

— Я мог бы нагнуться и облобызать Землю! — вторил ему Гефест.

Первым делом они в складчину устроили пир. Чествовали Зевса, пели «К нам приехал наш любимый Зевес Кронич дорогой», устроили капустник, передразнивали его напыщенно-величавую манеру речи. Принесли в жертву положенных животных и залили все кровью, потому что обычно грязную работу по закланию выполняли не сами небожители, а жрецы; пили и куролесили.

Зевс постучал по столу, прося тишины.

— Большое спасибо всем. Я глубоко тронут вашим вниманием.

— Трижды ура Зевсу!

— Спасибо. Спасибо. А сейчас попробуйте настроиться на более серьезный лад. Я проверил, что мы можем сделать теперь, когда вырвались из Посветья. Я хочу сказать, мы все, сообща.

— Сообща? — удивилась Афина. — Такого еще с нами не бывало!

— Значит, будет, — твердо заявил Зевс. — В прошлом нас погубила именно разобщенность.

Дважды на те же грабли мы не наступим. Нам нужен совместный проект, нацеленный на наше общее благо. Мне стало известно, что главное событие в сегодняшнем мире — некая пьеса, которую юный демон из новых пытается ставить для просвещения человечества. Этот демон, Аззи Эльбуб, намерен вознаградить семерых участников без всяких на то причин. Я спрашиваю, слыханное ли это дело?

Зевс подождал ответа. Боги и богини молчали, но сидели на золотых складных стульчиках и внимательно слушали.

Зевс продолжал:

— Первая наша задача — прекратить пустопорожнее морализаторство со стороны новоиспеченных духовных сил, вроде вышеупомянутого демона. Разве мы, древние боги, не утверждали, что характер — это судьба? Разве это высказывание не остается верным и по сей день?

— Силам Зла не понравится, если мы им подгадим, — заметил Гермес.

— Их чувства меня не волнуют, — отвечал Зевс. — Не понравится — пусть выкручиваются, как умеют.

— Но так ли обязательно с ходу бросаться в драку? — упорствовал Гермес. — Не лучше ли занять позицию над схваткой? Наверняка кому-то понадобятся услуги посредника или третейского судьи. А до той поры лучше всего затаиться, может быть, даже спрятаться.

— Бессмысленно, — сказал Зевс. — Силы Света и Тьмы, конечно, попытаются загнать нас обратно в лимб. Да и где прятаться? Во всей Вселенной не найдется для нас подходящего убежища. Существующая духовная власть рано или поздно до нас доберется. Давайте потешимся, пока можно, и постоим за наш древний обычай — божественное надувательство.

Боги одобрительно загудели — божественное надувательство всегда было у них в чести. Они взглянули с высот Олимпа, узрели вдали пологие холмы и едущее по дороге войско сэра Оливера.

— Это еще что? — спросила Афина, вместе с остальными разглядывая вооруженных всадников. К армий, похоже, присоединились толпы паломников.

— Что будет, если они доберутся до Венеции? — поинтересовался Гермес.

— Их предводитель получит, чего душа желает, — объявил Зевс. — Может, и остальные заодно.

— Мы этого не допустим, верно? — воззвала Афина.

Зевс расхохотался и призвал божества ветров, в том числе Зефира и Борея. Те пронеслись над Европой, Малой Азией и частью Азиатского континента, собирая в большой кожаный мешок бесхозные ветра. Мешок вручили Зевсу.

Громовержец ослабил кожаные завязки. Из мешка высунул голову западный ветер и спросил:

— Что за шутки? Кто тут ходит и прикараманивает ветра?

— Мы — греческие боги, — отвечал Зевс, — и ловим ветра, когда нам вздумается.

— Ой, прошу прощения. Чего вы от нас хотите?

— Чтобы вы подняли хороший ураган.

Западный ветер сразу повеселел:

— Ах, ураган! Это другое дело! Я думал, вы закажете такое ласковое дуновение, о котором вечно твердят люди.

— Нам безразлично, чего хотят люди, — отрезал Зевс. — Мы — боги и любим драматическую погоду.

— Где прикажете напустить ураган? — спросил западный ветер, потирая прозрачные руки.

— Арес, — сказал Зевс, — почему бы тебе не пойти с ветрами и не показать, где нужно дуть? Заодно бы занялся дождями.

— Охотно, — отвечал Арес. — Тем более что, на мой взгляд, ненастье — та же война, только другими средствами.

Глава 3

Такой непогоды Европа не видела уже Бог знает с каких времен. Грозовые тучи фиолетовыми мочевыми пузырями раздувались в небе, извергая из себя дождь, словно задавшийся целью истребить все живое. Ветер рвал копыя из солдатских рук. Налетал сзади на щиты, превращая их в паруса, и, если воины падали, проволакивал их через долины. Ливень хлестал со всех сторон. Взвихренные ветром мельчайшие капли забирались в каждую щелочку и дырочку одежды или доспехов.

Сэру Оливеру пришлось орать в самое ухо Глобусу, иначе бы тот не услышал:

— Надо укрыться!

— Так точно, сэ. Но как передать приказ? Кто услышит нас в таком содоме?

— Что-то разладилось! — прокричал сэ. Оливер. — Известим Антонио. — Он по-прежнему называл так Аззи.

— Его нигде не видать, милорд!

— Разуши немедленно!

— Есть, сэ. Но где?

Они взглянули друг на друга, потом на огромную, серую, мокрую от дождя равнину под ногами.

Глава 4

Зевс не ограничился испорченной погодой. Он и его дети прорабатывали отдельные схемы, как известить людей о своем возвращении.

Зевс покинул других олимпийцев. Он хотел проверить состояние человечества на текущий момент.

Первым делом Громовержец посетил Грецию. Его худшие опасения оправдались: со дней великого Агамемнона греческие вооруженные силы пришли в плачевный упадок.

Он огляделся, присматривая подходящее воинство. Все армии Европы заняты в локальных конфликтах. Требовались свежие силы. Зевс уже знал, куда их пошлет: через сердце Европы прямой наводкой в Италию. Здесь он собирался основать собственное царство. Победоносные армии понесут на штыках его культ, а он оплатит им славой и коварством. Старый способ, проверенный способ — а старые способы всегда лучше, особенно если они замешаны на крови.

Однако прежде следовало отыскать пифию, чтобы через нее выяснить, где есть свободные войска. Зевс быстро сверился с каталогом прори-

цателей и узнал, что дельфийская пифия скрывается в Салониках под видом ресторанный банщицы.

В Салониках Зевс упрятал облако мрака в мочевого пузырь и заткнул пробкой, чтоб при случае выпустить снова. Потом пошел на центральную агору и спросил, где найти мойщицу из Главных Бань. Торговец рыбой указал дорогу. Зевс миновал разрушенный коллизей, заброшенное ристалище и вскоре увидел, кого искал: согбенную годами старуху с большим черепаховым панцирем — их банщицы употребляют вместо шаек.

Пифии пришлось жить под чужой личиной и прорицать тайно, поскольку церковь запретила ей и ее коллегам заниматься старинным ремеслом. Даже держать питона означало навлечь на себя обвинение в «склонности к противозаконному волхованию древними изжитыми методами». Однако пифия все равно толковала знамения друзьям и некоторым вольнодумным аристократам.

Зевс пришел к ней, закутанный в плащ, тем не менее она узнала его с первого взгляда.

— Я за толкованием, — сказал Зевс.

— О, это счастливейший день в моей жизни, — выговорила пифия. — Думала ли я увидеть лицом к лицу древнего бога... О, только скажите, чем я могу быть полезна...

— Войди в транс и узнай, где есть свободное войско.

— Да, господин. Но ведь ваш сын Феб — бог прорицателей, что бы вам прямо у него и спросить?

— Не хочу спрашивать Феба и вообще никого из этой компании, — сказал Зевс. — Я им не доверяю. Есть же другие боги, кроме нас, олимпийцев, к кому-нибудь да можно обратиться?

Помнится, в мое время тут неподалеку жил какой-то еврей...

— Иегова претерпел некоторые занятные метаморфозы. За пророчествами к нему не обратишься — он строго-настрого запретил себя беспокоить.

— Но ведь есть и другие?

— Есть-то есть, да не знаю, стоит ли приставать к ним с расспросами. Они не такие, как ты, Зевс, ты был доступен для всех. А эти — злые и чужие.

— Пустяки, — сказал Зевс. — Обратись к ним. Не знаю, куда катится Вселенная, если один бог не может попросить у другого пустячного совета.

Пифия провела Громовержца в свою каморку, зажгла священные лавровые листья, посыпала священным гашишем, вокруг разбросала другие священные предметы, вынула из корзинки змею, намотала себе на шею и впала в транс.

Вскоре у нее закатились глаза, и она сказала голосом, который Зевс не признал, но от которого у него волосы на спине стали дыбом:

— О Зевс, посети монголов.

— И что дальше? — спросил Зевс.

Пифия прохрипела:

— Конец сообщения, — и лишилась чувств.

Когда она очнулась, Зевс сказал:

— Я думал, изречения оракула темны, двусмысленны и косноязычны. Это было произнесено четко и прямо указывает, что мне делать. Тут какое-то новшество?

— Насколько я понимаю, — ответила пифия, — в высших кругах решили отказаться от двусмысленности. Она никого никуда не ведет.

Зевс вновь окутался в облако мрака, оставил Салоники и повернул на северо-восток.

Глава 5

Зевс посетил монголов, которые только что завоевали южную часть Китайской империи, отчего возомнили себя непобедимыми и вполне созрели выслушать его предложение.

Зевс нашел монгольского предводителя в его ставке.

— Ты и твои люди одержали беспрецедентную победу, завоевали обширную империю, но теперь вы предаетесь безделью. Вы — народ в поисках цели, я — бог в поисках народа. Что, если нам объединиться и посмотреть, может быть, выйдет толк?

— Ты, может, и бог, — отвечал Джегетэй, — да не наш. Зачем тебя слушать?

— Затем, что я думаю стать вашим богом, — сказал Зевс. — От греков я уже почти ушел. Занятный народ, предприимчивый, но с ними каши не сварить.

— Так что ты предлагаешь?

Вскоре пронесся слух, что передовые монгольские отряды, высоко неся знамена с ячыми хвостами, на рысях спустились с Карпат на просторы

Фриули—Венеции—Джулии и проникли в шестнадцатое столетие. Чтобы это устроить, Зевсу пришлось напрячь все свои силы. Проще было бы сразу перебросить войско в пространстве—времени, да лошади бы напугались.

Паника бежала по городам и весям далеко впереди наступающих орд. Близится монгольское нашествие!

Целые семьи грузились на коней, ослов или воловы упряжки. Другие взваливали на плечи пожитки и пешком устремлялись искать укрытия от преследователей — демонов с плоскими лицами и тонкими черными усиками. Одни бежали в Милан, другие в Равенну. Однако большая часть беженцев стекалась в Венецию, веря в неприступность окружающих ее болот и лагун.

Глава 6

Весть о монгольском нашествии подвигла венецианские власти на экстраординарные шаги. Дож созвал внеочередную сессию совета и предложил некоторые меры. Решено было разрушить мосты на подступах к городу, а затем провести рейд на противоположные берега и конфисковать в округе все лодки, способные перевезти десять и больше солдат. Лодки забрать в город или потопить.

Трудности обороны усугублялись серьезной нехваткой продовольствия. Обычно продукты ежедневно подвозили суда из всех портов юго-восточной Европы и Ближнего Востока. Однако недавние шторма совершенно нарушили морские поставки. Город уже сидел на голодном пайке, и улучшений не предвиделось.

Венецианцы также столкнулись с угрозой пожаров. Спасаясь от сырости и холода, горожане постоянно топили печи, частенько забывая про осторожность; за короткое время в городе произошло больше разрушительных пожаров, чем когда-либо в прошлом. Неизбежно пошли разговоры о поджогах, о вражеских агентах; горожанам велели внимательно следить за незнакомцами и

помнить: в любую компанию может затесаться лазутчик.

Дождь без умолку стучал по крышам и мостовым, так что казалось — божества влажных ветров говорят между собой языками хлопающих ставней. Струи бежали с карнизов, крыш, вывесок. Ветер разбивал капли в мелкую морось.

Вода все прибывала. Каналы разлились, затопили скверы и пьяццы. На площади святого Марка уровень воды достиг трех футов и увеличивался с каждым днем. Это было не первое наводнение в Венеции, но худшее на людской памяти.

День за днем дули северо-восточные ветра, несущие арктический холод, и явно не собирались стихать. Главный предсказатель погоды в республике ушел в отставку с хорошо оплачиваемого наследственного поста, так тошно ему стало предвещать катастрофы. Народ молился святым, чертям, статуям — всему, чему мог придумать, лишь бы вымолить хоть малейшую передышку. В довершение несчастий стало известно о первых случаях чумы. Очевидцы клялись, что видели монгольских всадников в сутках езды от города, и никто не мог сказать, как быстро они скачут.

Венецианцы изнемогали под грузом всевозможных тревог, страшились подступающего врага и подозревали даже друг друга. Традиционные торжества в честь определенных святых были забыты. В церквах день и ночь молились о спасении города, изрекали анафему на монголов. Колокола звонили без передышки. Это, в свою очередь, усиливало атмосферу бесшабашного веселья.

То было время блестящих балов, маскарадов и празднеств. На улицах воцарился нескончаемый карнавал, и никогда Венеция не сияла в такой красе. Назло всем ветрам в домах богачей горели свечи, над каналами плыла музыка. Люди в плащах и полумасках спешили под проливным дождем из

одних гостей в другие. Казалось, только этот последний разгул и остался от гордого старинного города.

Не прошло незамеченным, что в происходящем есть нечто выходящее за рамки всякой земной логики, нечто неординарное, попахивающее сверхъестественным и приходом последних дней. Астрологи изучили древние манускрипты и, в точности как предполагали, вычитали указания на скорый конец света: оставалось только ждать, когда четыре Апокалиптических всадника промчатся по багровому от последнего заката небу.

Однажды случилось странное происшествие. Рабочий, посланный городскими властями осмотреть причиненные бурей разрушения, обнаружил дыру в плотине возле Арсенала. Однако вода оттуда не лилась. В отверстие струился желтый слепящий свет, и рабочий увидел по ту сторону некий загадочный силуэт, который вроде бы отбрасывал две тени. Рабочий убежал и рассказал другим об увиденном.

Исследовать феномен отрядили группу ученых. Дыра в плотине увеличилась, желтый яркий свет померк. Теперь вместо грозовых туч и бурой земли в дыре виднелась чистая нездешняя синь, словно это отверстие во всем — в земле и в небе.

Ученые с трепетом приступили к изучению. Сперва в дыру заталкивали комочки земли и песок. Для опыта туда же кинули бродячую собаку — та исчезла, едва пройдя сквозь невидимую грань.

Один из ученых сказал:

— С научной точки зрения это выглядит разрывом в ткани бытия.

Другой с издевкой спросил:

— Как ткань бытия может порваться?

— Сие нам не известно, — отвечал первый, — однако мы вправе предположить, что в Духовном мире происходит нечто грандиозное, столь мощное,

что сказало даже на физическом плане земного существования. Отныне нельзя верить даже реальности, такой чудной сделалась жизнь.

Тут же посыпались сообщения о новых разрывах в реальности. Явление получило название антиобраза и наблюдалось все чаще, даже во внутреннем приделе собора святого Марка, где возникла отвесная дыра почти в три фута шириной — охотников узнать, куда она ведет, почему-то не нашлось.

Церковный сторож доложил о странном случае. В храм вошел незнакомец, обличем одновременно и более, и менее чем человек. Возможно, дело было в его ушах или в разрезе глаз. Существо ходило по церкви и вокруг, разглядывало строение и делало пометки на пергаменте. Когда сторож спросил, что происходит, незнакомец ответил:

— Я просто провожу измерения, чтобы доложить остальным.

— Кому остальным?

— Таким же, как я.

— А зачем тебе и таким, как ты, знать про наши церкви?

— Мы — временные жизненные формы, — сообщил незнакомец, — такие новые, что еще не получили названия. Однако есть вероятность, что это все — реальность, то бишь — достанется нам после вас в наследство. Вот мы и решили осмотреться заранее.

Ученые богословы вникли в происшествие и постановили, что его не было. Доклад сторожа приписали безотчетным галлюцинациям. Однако решение запоздало, вреда было не исправить, люди слышали рассказ и поверили, паника в городе нарастала.

Глава 7

Паломники набились в общую залу гостиницы, по очереди ворошили угли в очаге и ждали новых указаний. Им следовало радоваться и ликовать, ведь испытание завершилось. Однако погода спутала все карты.

Они преодолели тяготы, они сюда добрались, и вот они здесь, и все паршиво. Должно было быть иначе. Сильнее всех переживал Аззи. Он видел: его провели, не дали доиграть пьесу, хотя и не понимал, кто и как.

В тот вечер, когда Аззи сидел у огня и думал, что же делать дальше, в дверь постучали. Хозяин крикнул:

— Мест нет, проходите дальше!

— Мне надо поговорить с одним из ваших постояльцев, — отвечал красивый женский голос.

— Илит! — вскричал Аззи. — Ты?

Он замахал руками хозяину, тот нехотя открыл дверь. В комнату вылилось целое ведро дождевой воды и вошла прекрасная черноволосая женщина с лицом отчасти ангельским, отчасти бесовским, что придавало ему ни с чем не сравнимое

очарование. На Илит было простое желтое платье, расшитое фиалками, небесно-голубой плащ с серебряной опушкой и ярко-алое покрывало на голове.

— Аззи! — вскричала она, устремляясь к демону. — Ты цел?

— Разумеется, — отвечал Аззи. — Тронут твоей заботой. Никак ты изменила отношение к флирту?

— Ты все такой же! — хохотнула Илит. — Я здесь, потому что верю в честность, особенно в том, что касается Добра и Зла. Я считаю, что с тобой поступили дурно.

Илит рассказала, как Гермес Трисмегистус поймал ее и вручил смертному по имени Уэстфолл, как она сидела в ящике Пандоры и выбралась с помощью Зевса.

— Знаю, ты считал Гермеса своим другом, — заключила Илит, — а он, похоже, под тебя копает. Другие олимпийцы, возможно, с ним.

— Много они из Посветья не навредят, — сказал Аззи.

— Но они уже не в Посветье! Они сбежали, и, боюсь, виновата я, хотя и не нарочно.

— Может, это и впрямь они все перебаламутили, — задумался Аззи. — Я раньше грешил на Михаила — сама знаешь, он не спускает мне и малюсенького торжества, — но это явно не его рук дело. Илит, кто-то призвал монголов!

— Не понимаю, что олимпийцы имеют против тебя, — сказала Илит. — Им-то что до твоей безнравственной пьесы?

— Боги заинтересованы в нравственности, — отвечал Аззи, — но ради других, не ради себя. Думаю, за их вмешательством кроется что-то другое. Не удивлюсь, если старые боги платят таким образом за возврат к власти.

Глава 8

Погода всех допекла. Аззи встал и выглянул наружу. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять: ветра дуют не из одного источника. Они зарождались «на севере», откуда всегда берется ненастье. Но что значит на севере? Как далеко на севере? На севере от чего? И кто там на севере делает погоду? Аззи решил разобраться и, если выйдет, исправить.

Он объяснил Аретино, куда собрался, и открыл окно. В комнату ворвался пронизывающий ветер.

— Это может быть опасно, — заметил Аретино.

— Может, — отозвался Аззи, расправил крылья и взмыл в высоту.

Демон покинул Венецию и устремился на север — туда, откуда берется погода. Пролетел над Германией, видел много плохой погоды, но вся она была явно пришедшая с севера. Пролетел над Северным морем, посетил Норвегию и убедился, что там вовсе не рассадник ветров, а скорее перевалочный пункт. Ринулся против ветра в Финляндию, где живут лапландцы, признанные насылатели бурь; однако в каждом утолке этой плоской, засне-

женной, поросшей соснами страны выяснялось, что ветры зарождаются не «здесь», а «вот там», севернее.

Наконец Аззи достиг области на вершине мира, откуда с устрашающей скоростью и регулярностью вырывались ветра. Они неслись над промерзшей тундрой бесконечным непрерывным потоком, больше напоминавшем морское волнение, чем воздушные струи.

Аззи пробивался все дальше на север, где весь мир сужается и сходится в точку. Наконец он достиг Крайнего Севера и здесь увидел высокую узкую ледяную гору. На горе стояла башня, такая старая, что могла быть воздвигнута раньше всего мироздания, когда существовало единственно это место.

Башня венчалась площадкой, на которой стоял нагой исполин с всклокоченными волосами и зверским выражением лица. Он качал огромные мехи, откуда и вырывались ветра. Все они брали начало от этой башни.

Ветер непрерывным потоком дул из мехов и попадал в трубы диковинной машины.

За чем-то, больше всего похожим на органную клавиатуру, сидело странное существо и множеством гибких щупальцеподобных пальцев нажимало на клавиши, придавая обличье и форму проходящим сквозь трубы ветрам. То была аллегорическая машина из тех, что измышляют церковники, пытаясь объяснить природные явления. Из труб обработанные ветра попадали в окошко и начинали свой путь на юг, во все точки земного шара, а особенно в Венецию.

Но почему в Венецию? Аззи сфокусировал рентгеновское зрение, которым все демоны обладают, однако редко пользуются — больно сложная

это штука, все равно как делить в уме столбиком большие числа. Теперь, взглянув, Аззи увидел, что подо льдом на земле проложены линии Лея, они-то и направляют и усиливают воздушный ток.

А как насчет дождя? Здесь, на Крайнем Севере, все было сухое, морозное и блестящее, как с иголки, без малейшей примеси сырости.

Аззи огляделся и не увидел никого, кроме исполина с мехами и другого, оператора ветряной машины. Он сказал обоим:

— Уважаемые господа, вы перебаламутили ту область Земли, где я обитаю. Так продолжаться не может. Если вы немедленно не перестанете, я приму меры.

Он говорил дерзко, хотя и не знал, как справиться с двумя невиданными созданиями. Однако в его характере было действовать смело, и на этот раз привычка не подвела.

Чудища представились воплощениями Ваала. Того, что работал мехами, звали Ваал-Хаддад, другого — Ваал-Карнаим. Оба хананейских божества жили себе тихо тысячи лет, с тех пор как умерли последние их почитатели. Зевс завербовал ваалов к себе¹ на службу, сказав, что никто другой не обеспечит ненастье лучше, а то мешок с ветрами у него уже кончился. Зевс сам, конечно, громовержец и тучегонитель, но сейчас он слишком занят, чтобы марать руки об какие-то ураганы.

Древние хананейские божества, несмотря на курчавые черные волосы, крючковатые носы, глаза-миндалины, несмотря на смуглость кожи, огромные руки и ноги, оказались робкими созданиями. Когда Аззи сказал, что сердится и готов устроить им кучу неприятностей, оба предпочли пойти на мировую.

— Ветер мы остановить можем, — сказал Ваал-Хаддад, — а вот дождь нам не подчиняется. Тут мы ни при чем. Мы гоним один ветер.

— А знаете, кто насылает дождь? — спросил Аззи.

Оба пожали плечами.

— Тогда это подождет, — решил Аззи. — Мне пора возвращаться. Скоро начнется церемония.

Глава 9

Аретино убедился, что все в гостинице готово, затем поднялся к Аззи.

Демон в зеленом халате с вышитыми золотом драконами сидел над листом пергамента, в руке у него было перо. Он не поднял головы, только сказал:

— Войдите.

Аретино вошел.

— Еще не оделись? Мой дорогой лорд демон, церемония вот-вот начнется.

— Еще успею, — отвечал Аззи. — Я немного проветрился, и мой наряд лежит в соседней комнате. Присядь, Аретино, помоги мне. Надо решить, кого мы награждаем. Во-первых, все ли на месте?

— Все, — сказал Аретино, наливая себе бокал вина. Душа его пела. Пьеса вознесет его, и без того заметного сочинителя, на заоблачную высоту. Он станет славнее Данте, известнее Virgilia, может быть, превзойдет самого Гомера. То была великая минута в его жизни, и он не заподозрил ничего дурного, когда в дверь постучали.

Вошел бесенок — посланец Ананке.

— Тебя желают видеть, — молвил гонец. — Она рвет и мечет.

Дворец Правосудия, где заседала Ананке, был сложен из колоссальных плит, каждая больше, чем земные пирамиды. Однако, при всей своей немыслимой огромности, дворец воздвигался с соблюдением классических пропорций. Фронтальные колонны превосходили толщиной слоновье стадо. Перед зданием был разбит красивый парк. На аккуратно подстриженном газоне возле белого бельведера сидела на красном клетчатом пледе Ананке, перед ней стоял чайный прибор.

В этот раз ее облик не вызывал двояких толкований. Ананке, как известно, может принять любую форму. Когда она хочет отбить у посетителя охоту льстить, то становится Неопишуемой. Этот ее образ буквально не поддается описанию. Максимум, что можно сказать: на паровой каток она не похожа ничуть. Личину эту Ананке выбрала нарочно к случаю.

Как только появился Аззи, Ананке завопила:

— Чудесные кони, это уж слишком!

— Что такое? — переспросил Аззи.

— Я тебя, малец, предупреждала, — кричала Ананке. — Магия — не панацея для твоих амбиций. Нельзя пользоваться ею направо и налево. Это против природы вещей — нарушать естественный ход событий всякий раз, как тебе придет в голову очередная фантазия.

— Что с тобой, ты на себя не похожа, — сказал Аззи.

— Ты бы тоже взбесился, если бы увидел, что весь космос разваливается на куски.

— Но отчего? — спросил Аззи.

— Из-за чудесных коней, — объяснила Ананке. — Волшебные подсвечники — еще туда-сюда, но, под-

ключив чудесных коней, ты слишком сильно растянул ткань правдоподобия.

— Какую ткань правдоподобия? — спросил Аззи. — Никогда про такую не слышал.

— Объясни ему, Отто, — сказала Ананке.

Отто, дух, по причинам, ему одному известным, принявший обличье пожилого толстяка-немца с пышными седыми усами и в очках, выступил из-за дерева.

— Думаешь, Вселенная выдержит бесконечное количество встрясок? — спросил он. — Знаешь ты или не знаешь, но ты вступил в игры с метамеханикой. Сунул гаечный ключ в шестеренки.

— Он не понимает, — простонала Ананке.

— Что-нибудь разладилось? — спросил Аззи.

— Да, что-нибудь очень разладилось в самой природе вещей, — отвечал Отто.

— В природе вещей? Не может такого быть. .

— Ты меня слышал. Структура Вселенной нарушилась, и виною тому в немалой степени ты и твои чудесные кони. Я знаю, что говорю. Я обслуживаю эту Вселенную с начала времен.

— Никогда не слышал, что у Вселенной есть механик, — пробормотал Аззи.

— Ничего удивительного. Если заводишь Вселенную, кто-то должен ее смазывать и чистить, и, разумеется, не та, кто ею правит. У нее и без того хватает забот, а механика — отдельная, вполне самостоятельная специальность. Так ты или не ты привлек чудесных коней?

— Я, — отвечал Аззи, — но что с того? Чем провинились мои чудесные кони?

— Много их слишком, вот чем. Полагаешь, можно натолкать в историю столько чудесных коней, сколько тебе вздумается? И все затем, чтобы объяснить сюжетные ходы, которые ты поленился продумать заранее? Нет, мой юный многообещающий демон, в этот раз ты наворотил

слишком много. Вселенная, чтоб ей пусто было, меняется на моих глазах после того, как я столько лет над ней трясся, и теперь ни тебе, ни мне, ни Ананке, никому другому ничего с этим не поделаться. Ты высвободил молнию Его стремительно разящего меча, если я внятно выражаюсь, и теперь нам черт-те сколько расхлебывать последствия. Эта последняя капля переполнила чашу реальности.

— А при чем здесь реальность? — спросил Аззи.

— Слушай внимательно, мой юный многообещающий демон. Реальность — сфера твердого вещества, где субстанции располагаются послойно. Там, где соприкасаются различные пласты бытия, возникает потенциальная разломная зона, как на Земле. Аномальные явления вызывают ударные волны, которые распространяются вдоль этих поверхностей. Нелегальное использование чудесных коней оказалось одной из таких аномальных бомб. Но то было не единственное глобальное нарушение привычного хода вещей. Бегство древних богов — событие столь невероятное, что, произойдя, оно потрясло Вселенную.

Основной удар от вызванных тобой космических катаклизмов приняла на себя несчастная Венеция. Город по печальному совпадению оказался в эпицентре событий, и твоими стараниями реальность там трещит по швам. Наводнения, монгольское нашествие и чума, которая вот-вот разразится, не предусмотрены историей. Их просто не должно было быть. Это побочные возможности, вероятность осуществления которых при нормальном ходе вещей исчезающе мала. Но по твоей милости они получили импульс к жизни, и с этой минуты угроза нависла над всей зафиксированной будущей историей.

— Как такое возможно: будущая история — и вдруг под угрозой? — удивился Аззи.

— Будущее следует рассматривать как то, что уже произошло и грозит повториться, стирая прошлое. Этого следует любой ценой избежать.

— Многие придется отыграть обратно, — сказала Ананке. — Но прежде всего отошли своих паломников по домам.

На это Аззи нечего было возразить. Однако на краю его сознания, за всепоглощающей тревогой, уже ворочалась дерзкая мысль. Ананке сказала, что он действует вопреки реальности, но что такое реальность, как не хрупкое соглашение между Добром и Злом? Если убедить Михаила изменить эту договоренность ко взаимной выгоде... Впрочем, прежде надо навестить паломников.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Глава 1

Аззи покинул Дворец Правосудия, поджав хвост и подозрительно утирая уголки карих глаз. Он пытался свыкнуться с мыслью, что его пьеса, великая безнравственная пьеса, призванная изумить мир, не будет сыграна. Легенду, самую великую легенду о золотых подсвечниках, так и не удастся воплотить. Лично Ананке прямо и недвусмысленно повелела распустить актеров в разгар действия.

Должен быть какой-то обходной путь.

Аззи мрачно завернул на заправочную станцию у Дворца Правосудия, пополнил запас дорожных чар. Рядом оказался прилавок, где торговали готовой пищей для демонов. Аззи купил мешок копченых кошачьих голов в густом алом желе — будет что пожевать в дороге. Затем произнес заклинание и через мгновение уже мчался сквозь мглистые покровы, составляющие нездешний мир.

Он летел, хрюстел кошачьими головами и напряженно думал. Однако все ухищрения трансцендентной казуистики были тщетны: Аззи не находил способа обойти приказ Ананке так, чтоб она

не узнала и не обрушила на его голову всевозможные небесные кары. И боялся он не только Ананке. Избыток чудесных коней нарушил равновесие космоса. Если не отступить, все может рухнуть, вся постановочная площадка, все мироздание стгорит белым пламенем самоотрицания. А следом, возможно, рассыплется и самый космос; как минимум откажутся работать законы разума.

Вскоре демон вновь оказался над Венецией. С воздуха город представлял собой плачевное зрелище. Море уже поглотило часть внешних островов. Ветра утихли, но вода все прибывала, на площади святого Марка ее отметка достигла четырех метров. Приливы и отливы разрушали кирпичную или каменную кладку, ветхие здания оседали.

Аззи опустил перед домом Аретино. Поэт в одной рубашке без камзола пытался огородить свое жилище мешками с песком. Аретино сам понимал всю бесполезность этой затеи. Он выпрямился и грустно проследовал за Аззи.

На втором этаже сыскалась сухая комната. Аззи начал без предисловий:

— Где паломники?

— В гостинице.

Предстояло изменить планы, собрать подсвечники и переслать их к Фагусу в лимб, потом развести паломников по домам. Однако Аззи не видел причины выкладывать все это Пьетро. Пусть узнает, что церемония отменяется, вместе со всеми.

— Надо эвакуировать паломников из Венеции, — сказал демон. — Город, судя по всему, обречен: монголы, наводнение. Из верных источников мне стало известно, что предстоит смена временной

нити, на которой находится эта часть мировой истории.

— Смена? Какая смена?

— Мир прядет временную нить, от нее расходятся события. По тому, как дела идут сейчас, Венеция вроде бы должна погибнуть. Однако в планы Ананке такое не входит, поэтому теперешнюю венецианскую временную нить расщепят в точке, непосредственно предшествующей мигу, когда я затеял историю с подсвечниками. Новая нить и станет несущей. А ту, на которой мы сейчас, низвергнут в лимб.

— И что потом? — спросил Аретино.

— Лимбская версия Венеции просуществует не больше недели: от мгновения, когда я попросил тебя написать пьесу, до предсказанного на сегодняшнюю полночь мгновения, когда монголы возьмут город и море захлестнет здания. В каком-то смысле ее история продлится только неделю, но неделя эта, едва закончившись, начнется по новой, и так без конца. Жителям нашей Венеции предстоит прожить нескончаемую череду недель, в каждой из которых город обречен гибели и разрушению.

— А если мы заберем паломников из Венеции?

— Если это произойдет до полуночи, они смогут прожить свою жизнь, как если бы ничего не случилось. Просто вернутся во время перед самой нашей встречей.

— Будут ли они помнить свои приключения?

Аззи покачал головой:

— Помнить будешь только ты, Пьетро. Я сделаю так, чтоб ты смог написать пьесу о нашем состязании.

— Понятно, — протянул Аретино. — Да, весьма неожиданный исход. Не знаю, как это поправится нашим актерам.

— Их мнения никто не спрашивает, — отрезал Аззи. — Или они подчиняются, или пусть пеняют на себя.

— Постараюсь им внятно объяснить.

— Уж пожалуйста, дражайший Пьетро. Встретимся в церкви.

— Куда вы?

— У меня есть одна идейка, — сказал Аззи, — которая еще может все спасти.

Глава 2

Аззи спешно перенесся в птоломеевскую систему с ее хрустальными сферами и закрепленными на орбитах звездами. Его всегда восхищало чинное шествие светил и устойчивость пластов бытия. Вот и Гостевые врата Рая. Только ими и разрешалось пользоваться посетителям — строгие кары предусматривались для всякого, будь то человек или демон, посягнувшего на любые из ангельских врат.

Гостевые врата были самыми настоящими воротами в мраморной арке, бронзовыми, ста футов высотой. Подходы к ним устилали мягкие перистые облачка, вокруг ангельские голоса распевали алилуйю. Перед воротами за столом красного дерева сидел лысенький старичок с длинной седой бородой и в белой атласной хламиде. На груди его была приколотая карточка: «ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ СВЯТОЙ ЗАХАРИЯ». Старичка Аззи не знал. Впрочем, обычно на проходную сажают малозначительных святых.

- Чем могу служить? — спросил Захария.
- Мне нужно повидать Михаила-архангела.
- Он заказал вам пропуск?
- Вряд ли. Он не знает о моем приходе.
- В таком случае, уважаемый, боюсь, что...

— Послушайте, — сказал Аззи. — Дело не терпит отлагательств. Просто сообщите ему о моем приходе. Вот увидите, он только спасибо скажет.

Ворча, святой Захария подошел к золотой переговорной трубке справа от бронзовых ворот. Произнес несколько слов, помычал, дожидаясь ответа. Потом трубка заговорила.

— Точно? Это не совсем по инструкции... Да... Конечно, сэр.

— Входите, — сказал старичок и отворил маленькую деревянную калитку в основании бронзовых врат.

Аззи вошел и двинулся между редко стоящими, окруженными зеленью райскими домиками. Вскоре он был у административного здания в Западном Эдеме. Михаил ждал на ступенях.

Архангел провел демона в свой кабинет, угостил вином. (Кстати, вино на Небесах весьма недурное, а вот за хорошим виски вам придется спуститься в Ад.) Они немного поболтали. Наконец Михаил спросил демона, зачем тот пожаловал.

— Хочу предложить сделку, — отвечал Аззи.

— Сделку? Какого рода?

— Известно ли тебе, что Ананке запретила мою безнравственную пьесу?

Михаил некоторое время смотрел на демона, потом широко улыбнулся:

— Запретила? Запретила-таки? Молодчина, Ананке!

— Ты так думаешь? — холодно осведомился Аззи.

— Думаю, — сказал Михаил. — Хотя теоретически она превыше Добра и Зла и безразлична к обоим, я рад узнать, что она в колодець нравственности не плюнет.

— Я предлагаю сделку, — повторил Аззи.

— Хочешь, чтобы я поддержал тебя против Ананке?

— Именно так.

— Ты меня удивляешь. Зачем мне с тобой договариваться? Ананке сняла твою безнравственную пьесу. Этого я и добивался!

— Мне кажется, или я слышу отзвук личной досады? — спросил Аззи.

Михаил улыбнулся:

— Может быть, отчасти. Ты и впрямь порядком утомил меня своими проделками. Однако с твоей пьесой я боролся не из личных чувств. Просто мне выгоднее, чтобы эта подстрекательская вещица поставлена не была.

— Может, тебе все и кажется забавным, — промолвил Аззи, — но дело куда серьезнее, чем ты полагаешь.

— Серьезнее для кого?

— Для тебя, конечно.

— То есть как? Она вынесла решение в нашу пользу.

— Плохо уже то, что она вообще вмешивается.

Михаил выпрямился.

— Почему?

— С каких это пор Ананке сует нос в нашу повседневную борьбу, твою и мою, между Светом и Тьмой?

— Да, действительно, это первый раз, когда она вмешивается напрямую, — согласился Михаил. — К чему ты клонишь?

— Признаешь ты Ананке своей правительницей? — спросил Аззи.

— Разумеется, нет. Вопросы Добра и Зла не в ее ведении. Она должна устанавливать пример, а не диктовать правила.

— Но она диктует, — сказал Аззи, — запрещает мою пьесу.

Михаил улыбнулся:

— Мне, право, смешно.

— Ты бы не смеялся, если б сняли твою постановку.

Улыбка сошла с архангельского лица.

— Но это не так.

— Сейчас, да. Но если ты примешь как прецедент, что Ананке устанавливает законы для Зла, что ты возразишь, если она начнет предписывать Добру?

Михаил нахмурился, встал и быстро заходил по кабинету. Остановился, повернулся к Аззи:

— Ты прав. Запретив твою пьесу, она, конечно, оказала услугу нам, твоим противникам, но тем не менее переступила через правящий нами всеми закон. Как она посмела?

Тут в дверь позвонили. Михаил нетерпеливо махнул рукой, дверь отворилась.

— Бабриэль! Очень кстати! Я как раз собирался за тобой послать!

— Я к вам с сообщением, — сказал Бабриэль.

— Это подождет, — отвечал Михаил. — Я только что узнал, что Ананке, так сказать, охотится на нашей территории. Мне надо срочно поговорить с Гавриилом и остальными.

— Да, сэр. Они как раз послали меня за вами.

— Неужели?

— Да, с этим я, собственно, и пришел.

— Вот как? А что им нужно?

— Они не сказали, сэр.

— Ладно. Жди здесь, — бросил Михаил.

— Это вы мне? — спросил Бабриэль.

— Вам обоим.

И архангел стремительно вышел из комнаты.

Вскоре Михаил вернулся. Он был мрачен и избегал смотреть Аззи в глаза.

— Боюсь, мне не позволят вмешаться в это дело с Ананке.

— А как же то, что я сказал? О возможном посягательстве на твои права?

— Боюсь, речь идет о более серьезных вещах.

— О каких же?

— О сохранении космоса, — отвечал Михаил. — Он висит на волоске. Так мне сказали в Совете Высших.

— Михаил, решается вопрос о свободе, — настаивал Аззи. — Свободе Добра и Зла следовать велениям собственного рассудка, сообразуясь лишь с естественным законом, не с произволом Ананке.

— Мне тоже это не по душе, — кивнул Михаил. — Но деваться некуда. Отмени свою пьесу, Аззи. Ты разбит наголову. Сомневаюсь, чтобы твой собственный Совет Неправедных за тебя вступился.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Аззи и пулей вылетел из комнаты.

Глава 3

Аззи вернулся в Венецию и застал паломников еще в гостинице. Родриго и Крессильда сидели рядышком в углу; хотя они и не разговаривали, остальная публика была явно не их круга. Корнглоу и Леонора по обыкновению никого не замечали. Киска и Квентин плели на пальцах «колыбель для кошки». Мать Иоанна вязала. Сэр Оливер наводил последний глянец на украшенную самоцветами рукоять парадного меча, того самого, что собирался надеть на торжество.

Аззи начал резко:

— Боюсь, у нас небольшие неприятности. Пьесу запретили. Тем не менее я благодарен вам за труды. Все вы справились со своими подсвечниками как нельзя лучше.

Сэр Оливер сказал:

— Антонио, что случилось? Исполнятся наши желания или нет? Я приготовил благодарственную речь. Пора начинать.

Остальные согласно загудели. Аззи жестом попросил тишины.

— Не знаю, как вам объяснить, но из высочайшего возможного источника пришло указание снять

постановку. Церемонии с золотыми подсвечниками не будет.

— А что стряслось? — спросила мать Иоанна.

— Похоже, мы нарушили какой-то дурацкий старый естественный закон.

Игуменья удивилась:

— И только-то? Но ведь люди постоянно нарушают естественные законы.

— Обычно это не имеет значения, — кивнул Аззи. — Однако, боюсь, сейчас мы влипли. Мне сказали, что я перестарался с чудесными конями.

— Без сомнения, это можно уладить позже, — небрежно бросил сэр Оливер. — Теперь же нам не терпится начать.

— Мне бы очень этого хотелось, — сказал Аззи, — но, увы, это невозможно. Аретино обойдет вас и соберет подсвечники.

Аретино нехотя обошел паломников, которые с явным неудовольствием отдали подсвечники.

— Надо немедленно выбираться отсюда, — продолжил Аззи. — Венеция обречена. Уходим сейчас же.

— В самом деле? — спросила мать Иоанна. — Я не посетила еще ни одной знаменитой могилы.

— Если не хотите обрести здесь свою могилу, сделайте, что я говорю, — твердо произнес Аззи. — Все следуйте за Аретино. Пьетро, ты меня понял? Надо вывезти этих людей с венецианских островов!

— Легче сказать, чем выполнить, — проворчал Аретино. — Но я постараюсь. — Он сложил подсвечники у алтаря. — Что делать с этим?

Аззи собрался уже ответить, но тут его потянули за рукав. Он обернулся и увидел Квентина. Рядом стояла Киска.

— Пожалуйста, сэр, — сказал Квентин. — Я выучил на память все свои строки. Мы с Киской вместе их сочиняли, вместе учили.

— Молодцы, детки, — рассеянно молвил Аззи.

— Разве я не буду их произносить? — спросил Квентин.

— Прочтешь мне потом, когда я благополучно вытащу вас из Венеции.

— Но, сэр, это не одно и то же. Мы рачувивали их для церемонии.

Аззи поморщился:

— Не будет никакой церемонии.

— Кто-то из нас провинился? — спросил Квентин.

— Нет.

— Пьеса была плохая?

— Нет! — вскричал Аззи. — Пьеса отличная! Все вы играли, как в жизни, а значит — лучше не придумаешь.

— Если пьеса хорошая, — сказал Квентин, — и никто из нас не провинился, почему нельзя ее доиграть?

Аззи открыл было рот, да так ничего и не ответил. Он вдруг вспомнил себя молоденьким демоном, презирающим всякую власть, рвущимся следовать собственным грехам и добродетелям, гордости и воле, куда б это ни завело. Да, он порядком изменился. Какая-то тетка приказала, — и он послушался. Конечно, Ананке не совсем тетка, скорее грудастая, расплывчатая, но повелительная доктрина. Она всегда угадывалась на заднем плане, строгая и тем не менее далекая. И вдруг она ломает собственный раз и навсегда установленный принцип невмешательства. И кого же она избирает своей первой мишенью? Аззи Эльбуба.

— Ладно, малыш, — сказал демон. — Ты меня уговорил. Эй, все! Разбирайте подсвечники и занимайте места на сцене перед стойкой.

— Так вы решились! — вскричал обрадованный Аретино. — Спасибо большое, сэр. Иначе откуда бы я взял концовку для будущей пьесы?

— Теперь тебе будет, о чем написать, — сказал Аззи. — Оркестранты в яме?

Они были на месте, веселые, потому что Аретино заплатил им втрое за то время, что они бездельничали, дожидаясь Аззи, и потому что в затопленном городе никто другой все равно бы их не пригласил.

Оркестр заиграл. Аззи махнул рукой. Представление началось.

Глава 4

Церемония прошла со всей пышностью, любимой демонами и людьми эпохи Возрождения. К сожалению, отсутствовали видимые зрители; по необходимости пришлось ограничиться узким кругом своих людей. Однако получилось очень впечатляюще, в этой брошенной постояльцами гостинице, под стук дождя за окном.

Паломники при всем параде и с подсвечниками в руках вступили в комнату, прошли перед скамьями для отсутствующих зрителей и поднялись на сцену. Аззи, временно перевоплотившийся в распорядителя, предварял каждого участника короткой хвалебной речью в его или ее честь.

Начало твориться нечто запредельное. Занавески хлопали. Неестественно выл ветер. В воздухе распространилась едкая потусторонняя вонь. Заметнее всего был ветер — он стонал, словно истерзанная душа, пытающаяся проникнуть в дом.

— Не помню, чтобы когда-нибудь ветер так рыдал, — заметил Аретино.

— Это не ветер, — отвечал Аззи.

— Простите?

Но Аззи не стал объяснять. Демон понимал, что происходит. Он столько раз организовывал явления

загробных духов, что безошибочно узнавал и внезапно пробегающий по коже мороз, и странное постукивание в потолок.

Аззи надеялся лишь, что эта новая неведомая сила еще немного повременит. Похоже, ей не удавалось сразу нащупать путь. И что всего обиднее, Аззи даже не знал, кто пришел по его душу. Нелепица какая-то: демона одолевает нечто, больше всего похожее на привидение.

Аззи примерно угадывал, что ждет впереди: глубокая пропасть бессмыслицы, грозящая поглотить хрупкие здания логики и причинности. С каждым крохотным движением эти понятия размывались.

После речей была короткая, со вкусом сыгранная интермедия, представленная местным хором мальчиков, группой европейского класса, которую ангажировал Аретино. Кое-кто решил, что пение вызвало призрак самого святого Григория, потому что возле дверей начала возникать высокая худая фигура. Однако, кем бы ни был таинственный гость, он не преуспел в своем замысле и растворился в воздухе, так и недоматериализовавшись; посему церемония продолжалась без помех.

Участники составили свои подсвечники на алтарь, зажгли свечи. Аззи произнес короткую поздравительную речь, подчеркнув изначальные цели своей пьесы, и указал, что все актеры достигли успеха, следуя исключительно своим природным склонностям. Они добились желаемого без усилия, а значит, успех никоим образом не вытекает из доброго характера или добрых поступков. Напротив, везение доступно каждому безотносительно от его качеств.

— В свидетельстве чего, — заключил Аззи, — здесь стоят мои актеры, получившие сегодня зла-

тые награды за то лишь, что были сами собой во всем своем несовершенстве.

Во все это время Аретино сидел на первой скамье и деловито строчил заметки. Он уже выстраивал в голове пьесу, которую напишет на этом материале. Пусть Аззи воображает, будто довольно разыграть своего рода божественную комедию; художники знают, что это не так. Подлинно высокая поэзия не выдается экспромтом, ее надо конструировать; именно этим и собирался заняться Аретино.

Он так увлекся своими заметками, что и не видел, как кончилось представление, куда паломники не столпились вокруг него и, хлопая по спине, не принялись спрашивать, как понравились ему речи. Аретино переборол врожденную резкость и ответил, что все справились отлично.

— А теперь, — сказал Аззи, — пора отсюда выбираться. Подсвечники вам больше не понадобятся. Просто сложите их в углу, я совершу мелкое чудо и переправлю их в лимб. Аретино, готов ли ты отвести этих людей в безопасность?

— Да, конечно, — отвечал Аретино. — Если с острова можно выбраться, я их выведу. А вы разве не с нами?

— Думаю, с вами, — отвечал Аззи, — хотя, возможно, я задержусь по не зависящим от меня обстоятельствам. Если такое случится, ты, Пьетро, знаешь, что делать. Доставь этих людей в безопасное место!

— А как же вы?

— Постараюсь уцелеть, — отвечал Аззи. — Мы, демоны, цепко держимся за жизнь.

Аззи, Аретино и горстка паломников вышли в бурную роковую ночь, последнюю ночь Венеции.

Глава 5

Ливень бушевал. Улицы были полны бегущими из города людьми; вода затопила нижние этажи и продолжала прибывать. Аретино захватил с собой кучу денег, но не видел лодочника, которому их сунуть. Все пристани на Большом Канале давным-давно опустели.

— Не знаю, что и делать, — сказал он Аззи. — Похоже, все лодки в городе потонули или уже заняты.

— И все же актеров можно спасти, — отвечал Аззи. — Без сомнения, это вызовет еще одну аномалию, которую тоже повесят на меня... Ладно, попытаемся. Надо отыскать Харона. Его ладья всегда рыщет поблизости от мест, где столько умерших и умирающих. Он большой знаток крупномасштабных трагедий.

— Настоящий Харон из греческих мифов? Здесь?

— Конечно. Он ухитрился сохранить место паромщика и после распространения христианства. Это тоже аномалия, но уж за нее я не в ответе.

— Возьмет ли он живых? Я всегда думал, ладья Харона — для иных целей.

— Я отлично его знаю, у нас были общие дела. Думаю, он увидит, что творится, и не откажется сделать исключение.

— А где его искать?

Аззи устремился направо. Аретино желал знать, из-за чего такая спешка.

— Неужто все совсем плохо?

— Да. Падение Венеции — только начало, следом начнет рушиться вся Вселенная. Обе системы — и Коперника, и Птолемея — барахлят; повсюду ощущаются признаки аномального взрыва. На каждом шагу творятся чудеса. Деловая активность замерла, и даже любовь вынуждена держать себя в узде.

— Не понимаю, — сказал Аретино. — Что за аномальный взрыв? Что должно случиться? Как эта катастрофа проявится? По каким признакам мы ее узнаем?

— Не волнуйся, узнаете, — заверил Аззи. — Ход жизни внезапно застопорится. Следствия перестанут плавно вытекать из причин, выводы — из предпосылок. Как я уже говорил, реальность раздвоится. Одна ветвь продолжится: она будет расти вместе со всей Европой и миром, как если бы нашего паломничества не было вовсе; другая будет развиваться как результат этого паломничества. Эта-то ветвь, обреченная, и будет сброшена в лимб. Там ей предстоит повторяться вновь и вновь, описывая петлю больше самого мира. Пока этого не случилось, нужно спасать паломников.

Однако Харона нигде не было видно. Аззи и Аретино бегали по городу, таща за собой паломников, искали выход. Кое-где горожане уже пускались вплавь к материку и тонули; других топили барахтающиеся пловцы.

Немногие оставшиеся гондольеры уже взяли пассажиров. Счастливики в лодках вытащили шпаги и не подпускали никого близко.

Аззи и Аретино рыскали по узким кривым улочкам в поисках Харона. Наконец они увидели кривобокий, крашенный матовой черной краской челн. Аззи поставил узкую стопу на бурый фальш-борт и крикнул:

— Эй, паромщик!

Высокий тощий старик с ввалившимся ртом и неестественно яркими глазами вышел из каюты на освещенную фонарем палубу.

— Аззи! — воскликнул он. — Ты появляешься в самых неожиданных местах!

— А ты что делаешь в Венеции, Харон, вдали от привычной Стигийской переправы?

— Нас, перевозчиков мертвых, отрядили в эти края. Из верных источников пришло сообщение, что здесь будет мор, каких свет не видывал с гибели Атлантиды.

— Я хотел бы тебя нанять.

— А нельзя без этого обойтись? Я собирался чуток соснуть, пока не началась самая запарка.

— Вся эта конструкция трещит, — сказал Аззи. — Нужна твоя помощь, чтобы спасти из города моих друзей.

— Я никому не помогаю, — отвечал Харон. — У меня свой маршрут. С меня хватает покойников, которых надо доставить на тот свет.

— Ты, похоже, не осознаешь всей серьезности положения.

— Что мне ваше положение? — парировал Харон. — Смерть, откуда бы она ни пришла — в веденьи Верхнего Мира. В Царстве мертвых все спокойно.

— Вот что я пытаюсь тебе втолковать. Так долго не продлится. Даже в Царстве мертвых. Тебе не приходило в голову, что Смерть может умереть?

— Смерть умереть? Что за чушь!

— Послушай, любезный друг, если Бог мог умереть, значит, и Смерть может, причем весьма мучительно. Я пытаюсь тебе объяснить: под угрозой все. Ты можешь исчезнуть вместе со всем остальным.

Эти слова убедили даже скептика Харона.

— Так чего ты от меня хочешь?

— Надо вывезти отсюда паломников и вернуть их в исходную точку. Только после этого Ананке сможет восстановить нарушенный порядок.

Харон умел, когда хочет, двигаться быстро. Как только паломники заняли свои места, он развернул ладью — худой, похожий в своем плаще на пугало, стоял перевозчик мертвых на корме и правил веслом. Углая лодчонка набирала скорость, подгоняемая усилиями скрытых в трюме мертвых гребцов. Вкруг осажденного города пылали костры, бросая желто-багровые отблески на иссиня-черные небеса. Ладья вышла из залива и скоро уже рассекала носом камыши. Окружающее выглядело непривычно — Харон выбрал короткий путь через соединяющую миры реку.

— Так все и выглядело в начале? — спросил Аретино.

— Я тут не с самого начала, — отозвался Харон. — Но почти. Таким был мир, когда не существовало физических законов, одно волшебство. Когда-то, до начала времен, волшебство царило, а разума не было и в помине. Во сне мы иногда посещаем этот давно исчезнувший мир. Некоторые пейзажи воскрешают в нас память о нем — о мире, что древнее Бога, древнее творения, о мире до создания Вселенной.

На корме Аретино проверил список паломников — убедиться, все ли на месте. Вскоре обнаружилось, что двое или трое хитрых венецианцев

под шумок проникли в ладью. Беды это не составляло, места было в избытке, тем более что, как скоро выяснилось, пропали Корнглоу и Леонора.

Аретино спросил, не видел ли их кто-нибудь. Оказалось, после церемонии с подсвечниками — никто.

Остальные уже сидели в лодке — за исключением Аззи. Демон стоял на причале и отвязывал буксирный конец.

— Нет Корнглоу и Леоноры! — крикнул Аретино.

— Ждать больше нельзя, — сказал Харон. — Смерть — строгий диспетчер.

— Отправляйтесь без них, — велел Аззи.

— А вы? — крикнул Аретино.

— Меня не пускают, — отвечал Аззи. Тут только Аретино увидел за спиной у демона тень — та держала его за шею.

Аззи бросил канат в ладью. Мертвецы налегли на весла, и Харонов челн заскользил прочь от берега.

— Можем мы вам чем-нибудь помочь? — крикнул Аретино.

— Нет! — отвечал Аззи. — Главное, не сбавляйте ход! Выбирайтесь отсюда!

Демон провожал взглядом плавучий дом, пока тот не скрылся в камышах у другого берега.

Паломники по возможности удобнее расположились между мертвыми гребцами, далеко не самыми приятными спутниками.

— Здравствуйте, — сказала Киска призраку в капюшоне, сидевшему с ней рядом.

— Здравствуйте, барышня, — отозвался призрак. Выяснилось, что это женщина. Покойница каким-то образом сохранила умение разговаривать.

— Куда вы едете? — спросила Киска.

— Наш кормчий Харон везет нас в Ад, — молвила женщина из-под капюшона.

— Ой, извините, — сказала Киска.

— Ничего, ничего, — отвечала женщина. — Все там будем.

— Даже я? — спросила Киска.

— Даже ты. Но не тревожься, тебе это еще не скоро.

Квентин спросил через проход:

— А поесть тут что-нибудь найдется?

— Хорошего — ничего, — отвечал капюшон. — Наша пища горька.

— Мне бы лучше чего-нибудь сладенького, — пробормотал Квентин.

— Успокойся, — одернула его Киска. — Живые в лодке мертвецов не едят. Мне кажется, я вижу берег.

— Тогда ладно, — сказал Квентин. Он вспомнил, как весело было служить посланцем у духов. Жалко, что все позади.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Глава 1

Венеция казалась обреченной. Однако Аззи еще верил: ее можно спасти. Для этого надо проникнуть за кулисы Вселенной, где хранится космический механизм, — в ту часть космоса, где царит символика.

Чтоб попасть туда, придется выполнить ряд указаний — Аззи и не думал, что когда-нибудь к ним прибегнет. И вот это время наступило. Он нашел укромное место под балюстрадой и сделал замысловатый жест.

Бестелесный голос — один из Стражей Пути — спросил:

— Ты уверен, что хочешь туда попасть?

— Уверен, — отвечал Аззи.

И исчез.

Аззи вновь возник в маленькой приемной. Вдоль одной стены стоял длинный диван, у другой — два стула. Большая лампа бросала приглушенный свет на ближайший угол стола, где лежала стопка жур-

налов. У третьей стены за столом с несколькими телефонами сидела секретарша в тоге. Секретарша по всем статьям напоминала женщину, только голова у нее была крокодила. Эта-то голова окончательно убедила Аззи, что он — в стране, где реализм бессилён и правит символ.

— Что вам угодно, сэр? — поинтересовалась секретарша.

— Я с проверкой символического механизма, — отвечал Аззи.

— Проходите. Вас ждут.

Аззи шагнул через дверь в пространство обескураживающе замкнутое и в то же время безграничное, универсальную полноту, заставленную бесчисленным содержимым. Это походило то ли на фабрику, то ли на ироническое трехмерное замечание по ее поводу, ибо глаз отказывался охватить необъятное. Место вне пространства и времени, казалось, было до отказа забито механизмами, бесчисленным разнообразием колес, шестеренок и приводных ремней — все, по видимости, ни на чем не держалось и беспрерывно шуршало, позвякивало, тренькало.

Ряды механизмов уходили в бесконечность, разделенные узкими деревянными помостами. На одном из таких помостов стоял высокий призрак в сером комбинезоне с белыми лампасами и такой же кепке. Он то и дело пускал в ход масленку, следя, чтоб машины работали гладко.

— Что здесь происходит? — спросил Аззи.

— Здесь земное время сжимается в одну узкую полоску и протягивается между вальцами. А вот тут оно выходит наружу: широкая, тончайшая узорчатая ткань.

Старик показал Аззи широкие вальцы, которые превращали временную нить в пестрое полотно,

символизирующее и в некотором роде представляющее собой историю космоса до сего момента. Аззи взглянул и увидел фабричный брак.

— Что это? — спросил он.

— А, здесь погибла Венеция, — объяснил старик. — Город был одной из главных нитей исторической основы, и теперь возник своего рода разрыв культурной традиции; пространственно-временная связь цивилизаций не восстановится, куда место Венеции не займет другой город. А может, весь узор, лишившись одного из главных своих украшений, навеки потеряет блеск. Последствия таких крупных сбоев труднопредсказуемы.

— Жалко это так оставлять, — сказал Аззи. Он осмотрел натянутую основу. — Глянь, если выдернуть одну эту ниточку, Венеция уцелеет.

Он отыскал сюжетную нить, которой сам и положил начало, затеяв историю с подсвечниками, — точку, где была предрешена участь Венеции. Чтобы восстановить космический порядок, надо было удалить ее из переплетения причинности.

— Мой дорогой юный демон, тебе отлично известно, что в переплетение времен вмешиваться нельзя. Я согласен, это было бы несложно, и все равно не советую.

— А что будет, если все-таки вмешаться?

— Попробуй — узнаешь.

— Ты попытаешься меня остановить?

Старик покачал головой:

— Мой долг — ничего не останавливать, просто следить за выползающим узором.

Аззи протянул руку и решительно выдернул нить, на которой встретился с паломниками. Вырванная нитка вспыхнула ясным пламенем.

Медленно ползущая ткань мгновенно восстановилась.

Венеция была спасена. Так просто.

Аззи повернулся, чтобы уйти, и замер: спины его коснулся ледяной палец. Он глянул через плечо. Ткач исчез.

Зловещий голос произнес:

— Аззи Эльбуб?

— Да. Кто ты?

— Зови меня Безымянным. Похоже, ты снова наворотил дел.

— Наворотил чего?

— Вызвал новую неприемлемую аномалию.

— Ясно... А тебе-то что?

— Я — Глотатель Аномалий, — отвечал Безымянный. — Я — Особое Обстоятельство, возникающее в утробе Вселенной, когда превышен порог допустимого. Я — тот, о ком Ананке пыталась тебя предупредить. Своими действиями ты вызвал меня к существованию.

— Очень жаль, — сказал Аззи. — Я вовсе не хотел пробуждать тебя от сна несозданности. Что, если я обещаю никогда больше не вызывать аномалий?

— Поздно, — отвечал Безымянный. — Ты крепко увяз, старина. Твое последнее вмешательство в механику Вселенной оказалось роковым. А раз уж я здесь, я подумываю заодно уничтожить космос, свергнуть Ананке и начать все снова в качестве Высшего Божества.

— По-моему, это перебор, — сказал Аззи. — Чтобы устранить аномалию, ты намерен произвести еще большую.

— Да, так и погибают вселенные, — кивнул Безымянный. — Боюсь, придется тебя уничтожить.

— Попробуй, — с вызовом произнес Аззи. — Только почему бы тебе не начать с Ананке? Она тут главная шишка.

— Я предпочитаю действовать последовательно, — отвечал Безымянный. — Начну с тебя. Съем твою душу, запью твоим телом, а там посмотрю, за кого приняться следующим. Такова моя программа.

Глава 2

Безымянный махнул подобием руки, и Аззи, не успев даже проститься с ткачом, оказался за столиком в уличном кафе посреди города, архитектурой напоминающего Рим.

На Аззи произвела сильное впечатление переброска, осуществленная без всякой видимой аппаратуры. Однако демон постарался скрыть свое восхищение: Безымянный и так только что не лопался от собственной значимости. Он был тут же, облаченный в мясистое человеческое тело с нахлобученной сверху тирольской шляпой.

Подошел официант в белом смокинге. Аззи заказал чинзано и повернулся к Безымянному:

— Так насчет поединка... Установим какие-то правила, или это будет вольная борьба?

Аззи понимал, что не устоит перед Безымянным, в котором подозревал новорожденное сверхбожество. Однако держался смело, надеясь, что блеф даст какие-нибудь результаты.

— В каком виде борьбы ты сильнее всего? — спросил Безымянный.

— Я всегда отличался в состязании без правил, — отвечал Аззи.

— Вот как? Тогда установим правила.

Правил Аззи не боялся. Он с рождения умел их обходить, и потому уже видел преимущество, хотя, разумеется, не подавал виду.

— По каким правилам будем бороться? — спросил Безымянный.

Аззи огляделся.

— Мы в Риме?

— Да.

— Тогда начнем с гладиаторского устава.

Не успел демон произнести эти слова, как перед глазами у него поплыло. Когда прошло головокружение, он увидел, что стоит в огромном амфитеатре. Пустые скамьи уходили ввысь. Наготу Аззи прикрывала набедренная повязка — очевидно, новое божество тяготело к ханжеству. Это следовало запомнить.

Осмотрев себя, Аззи обнаружил, что держит в одной руке древнего вида щит, в другой — стандартный римский короткий меч.

— Быстро как, — произнес Аззи.

— Я схватываю на лету, — отвечал Безымянный словно ниоткуда.

— И что теперь? — поинтересовался Аззи.

— Рукопашный бой, — отвечал Безымянный. — Один на один. А вот и я.

Сбоку распахнулись ворота. Послышалось урчание, и на арену выкатилось нечто большое, металлическое, на гусеницах. Аззи видел такое раньше — когда посещал сражения первой мировой войны во Франции. Это был типичный армейский танк с обычной броней и пушкой.

— Ты в танке? — спросил Аззи.

— В танке, — отозвался Безымянный.

— Не очень-то честное состязание, а? — сказал Аззи.

— Учись проигрывать с достоинством, — отвечал Безымянный.

Танк загромыхал по арене, вызываяще дудя выхлопной трубой. Потом выпустил щупальца — каждое оканчивалось вращающейся циркулярной пилой. Аззи отступал, пока не уперся в стену.

— Стой! — крикнул он. — А где зрители?

— Что? — спросил танк, останавливаясь.

— Не может быть гладиаторского боя без зрителей, — сказал Аззи.

Тут же отворилась дверь, и амфитеатр начал заполняться публикой. Первыми вошли греческие боги в мраморных белых хламидах. Затем Илит и с ней Бабриэль. От них на несколько шагов отставал Михаил.

Безымянный огляделся и, похоже, остался недоволен увиденным.

— Минуточку, — сказал он. — Объявим короткий перерыв, ладно?

Аззи с Безымянным оказались в гостиной девятнадцатого века.

Глава 3

— Послушай, — сказал Безымянный, — ты убедился, что я превосхожу тебя по всем статьям. Не стыдись. Я — новая парадигма. Никто передо мной не устоит. Я — зримый знак грядущего.

— Так убей меня, и нечего рассусоливать, — сказал Аззи.

— Нет, я придумал кое-что получше: оставить тебя в живых. Чтоб ты был со мной в той новой Вселенной, которую я собираюсь создать.

— Зачем я тебе там?

— А незачем. Буду откровенен. Я только что решил, что мне не помешает собеседник. На память о добром старом времени, то бишь о сегодняшнем дне. Кто-то, кого я не создавал. Думаю, утомительно общаться исключительно с эманациями собственного «я». Потому-то, наверно, ваш Бог вас и покинул — соскучился без собеседника. Я хочу сказать, без товарища по добрым старым временам. Который не был бы в том или ином смысле Он сам. Я такой ошибки не повторю. Ты — другая точка зрения, мне это годится. Я решил сохранить тебе жизнь.

Аззи колебался. Возможность, конечно, блестящая. Но...

— Чего ты тянешь? Я разбил тебя наголову и без всякого труда, а теперь даю тебе шанс. Переходи на мою сторону. Мы с тобой, Аззи, одни из всей этой Вселенной, переживем ее полное разрушение. Мы сметем их всех — богов, чертей, людей, природу, судьбу, случайность — все. Начнем снова с другими, более веселыми персонажами. Ты поможешь мне с замыслом. Мы сделаем все, как нам захочется. Ты будешь при сотворении новой Вселенной! Одним из ее отцов-основателей! Кто бы пообещал тебе больше?

— А остальные...

— Их я убью всех. Им не место в новой Вселенной. И не проси за них.

— Есть мальчик по имени Квентин...

— Он останется жить в твоей памяти.

— И ведьма, ее зовут Илит...

— Ты ведь хранишь у сердца ее локоны?

— Нельзя ли пощадить ее? — спросил Аззи. — И мальчика? Остальных забирай.

— Конечно, я мог бы ее пощадить. Я могу все, что захочу. Но я не оставляю ее жить — ни ее, ни мальчика, никого другого. Только тебя, Аззи. Видишь ли, это своего рода наказание.

Аззи взглянул на Безымянного. Вряд ли при новом мироустройстве жизнь существенно изменится. Но он, Аззи, ее не увидит. Пришло время сражаться, время погибать.

— Нет, спасибо, — произнес Аззи.

Глава 4

Танк загрохотал по арене. Теперь он сверкал анодированным алюминием и хромом. Раскаленная добела громада надвигалась на Аззи. Демон отпрыгнул в сторону. Разогретые до точки плавления колеса искривились и начали пробуксовывать. Безымянный перестарался.

Танк навел пушку. Из жерла вылетел пластмассовый шар и раскололся, ударившись о песок. Из него выскочили мышки и блошки. Они дружно принялись рыть яму, похоже — под барбекю. Аззи старался не спешить с выводами: он не знал, что задумал Безымянный и задумал ли что-нибудь вообще.

Пушка снова выстрелила, на этот раз — значками, какие музыканты пишут на нотной бумаге. Аззи услышал голос Безымянного:

— Я сказал, канонада, не канон!

Безымянный явно не мог совладать со своим хлещущим через край воображением. В этот раз пушка выбросила веер разноцветных брызг, которые пузырились, пенились и ядовито шипели.

Танк выехал на середину арены. Он двигался неуверенно, уже осознав, что, хоть Аззи противник

и никудышный, злейший его враг засел внутри. Аззи поднял камень и приготовился бросить.

И тут со стороны Безымянного выступило воинство обезглавленных знаменитостей: пират Черная Борода, Анна Болейн, леди Джейн Грей, Всадник-без-головы, Людовик XIV, Мария-Антуанетта, Мария Стюарт, Медуза Горгона, сэр Томас Мор и Максимильен Робеспьер. Они выстроились в фалангу, по-военному четко придерживая левой рукой голову, а правой сжимая копьё с серебряным наконечником. Возглавлял их Робеспьер (позже он признавался, что ему никогда не приходилось так туго).

Аззи призвал своих людей, но они вскоре рассеялись. Одно из немногих правил Безымянного гласило, что Аззи должен сражаться в одиночку.

Тогда Безымянный распахнул наполненный грязью и булыжниками зев, навис над демоном и принялся кусать и щипаться.

— Ты рехнулся! — закричал Аззи.

— Ничуть, — отвечал Безымянный. — Почему ты не умираешь?

— Ты — жалкая тварь, — отвечал Аззи.

— К чему эта драка? Может, просто умрешь, и дело с концом?

— Ну уж извини, — пробормотал Аззи.

Глава 5

Аззи огляделся. На мраморных ступенях рядом с Бабриэлем, Михаилом и Илит сидели двенадцать олимпийцев. Появились и новые зрители: Прекрасный принц и принцесса Скарлет, Иоганн Фауст и Маргарита. Они встали и как один двинулись на арену.

— Это нечестно! — вскричал Безымянный. — Тебе не разрешается звать на помощь.

— Я их не звал, — ответил Аззи. — Они сами.

— У меня не было времени создать друзей и союзников!

— Знаем, — сказала Илит. — Ты предпочел одиночество.

— Теперь поздно, — кивнул Михаил-архангел. Он стоял во главе Небесного Воинства. — Думаю, мы все согласны, что ты, Безымянный, не годишься на роль Верховного Божества. Теперь мы объединились и разделаемся с тобой.

Послышалось пение: сильный мужской голос выводил зажигательную мелодию. Это был Аретино, он пел ренессансную версию гимна Армии Спасения. Остальные — Квентин и Киска, Корнглоу и Леонора, сэр Оливер и мать Иоанна, Родриго и Крессильда — подхватили припев. Они тесным

кружком обступили борцов и подбадривали Аззи. Демон подумал: как глупо его подбадривать, он ведь ничего не может поделать с этим существом из темной пучины невероятного.

— Не умирай, — сказала ему Илит. — Если ты уцелеешь, Ананке устоит. Тебе хватило мужества доиграть пьесу. Сражайся же до конца!

Глава 6

— Ладно, немного греко-римской борьбы, — решил Безымянный, принимая форму, отдаленно сходную с человеческой. — Не на жизнь, а на смерть. — И он стиснул Аззи мертвой хваткой.

Тогда Квентин закричал:

— Ты не можешь его убить!

— Это почему?

— Потому что он — мой друг.

— Молодой человек, вы и не представляете, насколько уязвима ваша позиция. Я — Пожиратель Душ, мой мальчик. В частности, ваша душа станет засахаренной вишенкой на взбитых сливках, которые я сделаю из этого глупого демона.

— Нет! — И Квентин пятерней ударил Безымянного по башке. Сверхбожество вскинулось на задние колеса, оскалило зубы, и Киска ударила его в солнечное сплетение. Безымянный рухнул на окровавленный песок. На ринг, потрясая копьем, выскочил сэр Оливер и с помощью матери Иоанны поразил Безымянного в глаз.

— Ну, это слишком, — сказал Безымянный, когда копье прошло сквозь его голову, и он умер.

В небесах над амфитеатром появилась Ананке. Старушка ласково улыбалась.

— Славно, детки! — вскричала она. — Я знала, что в трудную минуту вы объединитесь.

— Так вот ради чего ты это затеяла! — воскликнул Аззи.

— По многим причинам, мой сладкий, — отвечала Ананке. — Всегда есть причины для причин, и даже причину причин при внимательном рассмотрении можно разложить на составляющие причины. Не старайся в них вникнуть, мой друг. Вы все живы.

И они закружились в танце, держась за руки и отрываясь от земли. Быстрее и быстрее они летели — все, кроме...

Глава 7

Аретино вздрогнул и проснулся. Сел на кровати, выглянул в окно. Над Венецией сияло солнце. Рядом с постелью лежала рукопись — «Легенда о золотых подсвечниках».

Аретино вспомнил, что видел чудесный сон. Таково одно объяснение.

Другое объяснение: Аззи сумел сохранить Венецию в лимбе.

Аретино выглянул в окно. Мимо шли люди, среди них — Корнглоу и Леонора.

— Что творится? — крикнул Аретино.

Корнглоу поднял голову.

— Держись, Аретино! Говорят, монголы уже на подступах к городу!

Значит, Венеция обречена. Коли так, все в порядке. Осталось разыскать тихое местечко и продолжить работу над пьесой.

Аретино проснулся чудесным погожим утром и понял, что видел этой ночью странный сон: будто к нему приходил демон и заказал пьесу. Пьеса была про паломников и золотые подсвечники, и концовка так возмутила вселенские власти, что

они обрекли Венецию на разрушение. Но затем Ананке смилостивилась над городом, вырезала и отправила в лимб временной отрезок, на котором действовал демон. И вот он, Аретино, проснулся в Венеции, в реальном мире.

Поэт встал и огляделся. Все выглядело, как обычно. Интересно, подумал он, что стало с другой Венецией, в лимбе?

Глава 8

Фатус немного беспокоился при вести, что в лимб прибыл целый новый город. Лимб вмещает разные области, как реальные, так и никогда не существовавшие. Сад Гесперид соседствует здесь с Артуровским Камелотом и затерянным городом Лисом.

Новый город оказался Венецией, Венецией Гибнущей, и Фатус пошел прогуляться по улицам, дивясь их красоте. Горожане не знали, что все меркнет, умирает, чтобы возродиться на следующий день. Фатус шел и шел, видел смерть и умирание и радовался живости сцен. Каждый день все начинается снова. Он понял, что не может предупредить людей, сказать: не бойтесь, завтра все начнется по новой. Однако люди не стали бы его слушать и потому жили в постоянной тревоге, вступая в каждый новый день словно в первый раз.

Фатус нашел влюбленных, Корнглоу и Леонору. Какой радостью было видеть этих двоих, для которых жизнь и любовь — постоянное открытие и постоянное блаженство. Подите и научите других, сказал он им, но они только рассмеялись. Жить так просто, сказали они, и нечему тут учить.

Фатус вернулся в свой замок и, глядя на собранные древности, задумался, чего ждать дальше.

Глава 9

В Венеции, той, что осталась в лимбе, Корнглоу и Леонора говорили об Аретино.

— Интересно, напишет ли он свою пьесу?

— Может, и напишет. Но не настоящую. Настоящая — это та, где мы умираем каждую ночь и возрождаемся каждое утро. Надеюсь, ты не боишься смерти, любовь моя.

— Разве что самую чуточку. Но ведь завтра мы оживем, правда?

— Я в это верю. Тем не менее умирать все равно будет страшно.

— А мы обязательно умрем сегодня?

— Этой ночью вся Венеция погибнет.

Застучали копыта. Всадники в городе. Монголы!

Корнглоу сражается мужественно, однако его пронзают копьем. Монголы пытаются схватить Леонору, но она куда проворнее — не родился еще монгол, что догонит дочь эльфов. Она бежит по улицам, бросается в воду, плывет от города. Волны высоки, стены рушатся, Венеция в огне. С минуту Леонора смотрит, но силы уже на исходе. Это первая ее смерть, и, хотя Леоноре трудно, она знает, что справится. Волны смыкаются над ее головой.

Глава 10

Аззи стиснуло исполинской рукой. Все почернело. Когда он очнулся, на лбу его лежала прохладная ладонь. Демон открыл глаза.

— Илит! Что ты тут делаешь? Я не знал, что у демонов и ведьм есть жизнь после смерти.

— Так вышло, что мы с тобой оба живы.

Аззи огляделся. Он лежал в Дружеской Таверне лимба, на нейтральной территории, где встречаются духи Добра и Зла.

— Что случилось с Венецией?

— Благодаря тебе, Ананке сумела ее спасти. Мы все должны сказать тебе спасибо, Аззи, хотя, боюсь, ты еще слушаешься гадостей. Совет Зла намерен объявить тебе выговор за всю эту затею. Но мне ты по-прежнему дорог. Боюсь, я несправима.

Аззи взял ее за руку.

— Дочь Тьмы, — сказал он со слабой улыбкой, — мы с тобой схожи.

Илит кивнула, улыбнулась, стиснула его пальцы.

— Знаю, — сказала она.

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

Собрание фантастических произведений

Том восемнадцатый

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Баканов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*

Иллюстрация на обложку: *И. Леонтьев*

Оформление форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитула: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 20.06.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

Усл. печ. л. 15,12. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 2163. С 151.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.

170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ТЕАТР ОДНОГО ДЕМОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996